

В.В.Седов
ОЧЕРКИ
ПО АРХЕОЛОГИИ
СЛАВЯН

Периодическое информационное иллюстрированное
издание по археологии:

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ БЮЛЛЕТЕНЬ

ISSN 0132-814X

- Научная жизнь
- Охрана памятников
- Библиография

Издается в Москве с апреля 1989 года

Выходит 4 раза в год

Адрес редакции: 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19,
Институт археологии, Лопатину Н.В.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

В.В.Седов
ОЧЕРКИ
ПО АРХЕОЛОГИИ
СЛАВЯН

Москва 1994

Работа выполнена и издана при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (код проекта 93–06–10352)

Книга представляет собой серию отдельных очерков, объединенных темой истории и археологии древнего и раннесредневекового славянства. Автор рассматривает историю знаний о древних славянах (по начало XX в.), судьбу двух малоизученных группировок славян – в Среднем Поволжье и в Юго-восточной Прибалтике, бытование древнерусских вещей в Скандинавии, ряд аспектов происхождения и реконструкции славянского женского головного убранства.

Редактор Н.В.Лопатин

Художник Н.С.Сафронова

Рисунки 2–5, 7, 8, 10 выполнены автором

Компьютерная верстка: Н.В.Лопатин

© В.В.Седов, 1994 г.

История знаний о древних славянах

Часть первая

С древности до начала XX века

Древние авторы о ранних славянах

Первые определенные исторические и географические сведения о древних славянах, известных как вене́ды (венеты), содержатся в трудах греко-римских авторов первых веков нашей эры. О том, что под именем «вене́ды» действительно скрываются славяне, свидетельствует ряд факторов. Историк VI в. Иордан прямо отождествляет вене́дов и славян. В эпоху средневековья германцы, соседствовавшие со славянами, называли их венедами, что зафиксировано многими историческими источниками. До сих пор в нововерхненемецком диалекте и немецких верхне- и нижнелужицких говорах Wenden/Winden — название славян. Этот этноним для наименования славян распространился и в прибалтийско-финской среде (финск. venäjä, эстон. vene, карел. venea — «русский»).

Относя этноним «вене́ды», встречающийся в древних источниках первой половины I тыс. н.э., к славянам, большинство исследователей полагает, что это не самоназвание славянского этноса. В источниках раннего средневековья, происходящих из бесспорно славянской среды, славяне никогда не именуют себя венедами. Очевидно, так называли славян их соседи (1).

Впервые этноним «венеды» встречается в «Естественной истории», написанной Гаем Плинием Старшим, погибшим при извержении Везувия в 79 г. н.э. (2). Этот труд отражает комплекс известных античности знаний о географии Европы, Северной Африки и Ближнего Востока. Сведения о народах, которые не входили в непосредственный контакт с Римской империей, весьма неконкретны. Плиний называет венедов в числе племен, заселявших территорию восточнее Вислы и соседящих с группой германских племен — ингевонами: «Некоторые передают, что она населена вплоть до реки Вистулы сарматами, венедами, скирами, хиррами...» (3).

Ингевоны (ингеоны) — общее название германских племен, заселявших побережье Северного и Балтийского морей и низовья Рейна, Везера и Эльбы. Скиры — наиболее юго-восточное германское племя. В начале нашей эры они жили, по всей вероятности, в верхнем течении Вислы. Хирры — неизвестное племя. Кроме Плиния они никем не упоминаются. Сарматы в I в. н.э. заселяли все Северное Причерноморье, достигая на севере района Киева, а на западе охватывая Прутско-Днестровское междуречье вплоть до низовьев Дуная. Где-то между ингевонами, скирами и сарматами около Вислы и в более восточных землях и следует локализовать венедов Плиния.

К концу I в. н.э. относятся сведения о венедах римского историка Публия Корнелия Тацита. Одно из его произведений, «О происхождении и местах обитания германцев», целиком посвящено описанию жизни и этногеографии германских племен. Рассказывая о племенах, живших восточнее германцев, он называет венедов: «Здесь конец Свебии. Отнести ли певкинов, венедов и феннов к германцам или сарматам, право не знаю... Венеды переняли многое из их (т.е. певкинов) нравов, ибо ради грабежа рыщут по лесам и горам, какие только не существуют между певкинами и феннами. Однако их скорее можно причислить к германцам, потому что они сооружают себе дома, носят щиты и передвигаются пешими, и притом с большой быстротой все; все это отмежевывает их от сарматов, проводящих всю жизнь в повозке и на коне.» (4)

Певкины во времена Тацита занимали северную часть Нижнего Подунавья. Фенны — финские племена, заселявшие обширнейшую территорию лесной зоны Восточной Европы от восточ-

ного побережья Балтики до Урала. Свебия — область расселения германских племен. Следовательно, по Тациту, венедам принадлежали пространства от Балтийского побережья до Карпат и на юго-востоке до сарматского региона.

Несколько конкретнее этногеографическая информация греческого географа и астронома Клавдия Птолемея (89—167 гг. н.э.), жившего и работавшего в Египте. Его труд «Географическое руководство», как полагают исследователи, был написан в 30-х гг. II в. н.э., но при этом были использованы сведения, содержащиеся в недошедшем до нас сочинении географа I в. н.э. Марина Тирского. Согласно Птолемею, венеда — одно из крупнейших племен Европейской Сарматии, западным предельом которой была река Вистула (Висла). Западнее Вислы начиналась уже Германия. С юга Европейскую Сарматию ограничивали Карпаты и северный берег Понта (Черного моря), а с севера — Венедский залив Сарматского океана (Балтийского моря). «Заселяют Сарматию очень многочисленные племена: венеда — по всему Венедскому заливу; выше Дакии — певкины и бастарны; по всему берегу Мсотида — языги и роксоланы; далее за ними внутрь страны — амаксавии и скифы-аланы... И меньшие народы населяют Сарматию: по реке Вистуле ниже венедавы готы, затем финны, затем сулоны... Восточнее названных, снова ниже венедавы, суть галинды и судины и ставаны вплоть до аланов»(5).

На основании этих данных венедавы следует локализовать в бассейне Вислы между побережьем Балтийского моря и Карпатскими горами, за которыми жили певкины и бастарны. Самые низовья Вислы заселяли готы (готы). Восточными соседями венедавы, очевидно, были западные балты (галинды и судины). Как далеко простирались земли венедавы на юго-востоке, определить невозможно.

На Певтингеровой таблице — карте мира, в дошедшем до нас виде изготовленной в XII—XIII вв., но восходящей к позднеримскому времени (III в. н.э.), венедавы обозначены в двух местах. Один раз венедавы-сарматы локализованы южнее Балтийского моря и северо-западнее бастарнов. При перенесении этого этнонима на современную карту он оказывается на территории, расположенной севернее или северо-восточнее Карпатских гор, то есть где-то в верховьях Вислы и Днестра. Второй

раз этноним «венеды» на Певтингеровой карте помещен рядом с гетами и даками, между Дунаем и Днестром (6).

Двукратное нанесение на карту этнонима «венеды» объясняется исследователями двояко. Е.Ч.Скржинская высказала предположение, что поскольку Певтингерова таблица отражает сведения о дорогах времени римского императора Августа, обозначение венедов в двух местах обусловлено пересечением их территории двумя путями, один из которых соединял земли венедов с областью бастарнов, а другой — с регионом даков (7). Другие исследователи полагают, что надпись на карте «венеды» между Днестром и Дунаем говорит о перемещении к III в. н.э. части славян-венедов на юг от прежнего региона их расселения (8).

Начиная с VI в. н.э. исторические сведения о славянах более значительны и многообразны. Теперь славяне называются уже своим именем. Византийские авторы (Прокопий Кесарийский, Агафий, Менаандр Протиктор, Феофилакт Симокатта, Маврикий и другие) описывают в основном славян Подунавья и Балканского полуострова, что обусловлено историческими событиями VI—VIII вв.: славяне в ту пору переходят Дунай и вторгаются в пределы Восточноримской империи. Только Прокопий Кесарийский дает также некоторые данные об этногеографии Северного Причерноморья.

Обширная информация византийских авторов о различных сторонах жизни и быта славян касается уже их раннесредневековой истории и культуры и только отчасти может быть использована для ретроспективной характеристики их предыстории.

Для исследования проблемы славянского этногенеза несомненный интерес представляют сведения, содержащиеся в сочинении готского епископа Иордана «Гетика» (9). Оно было закончено в 551 г., но автором широко была использована не дошедшая до нашего времени «История готов» в 12-ти книгах Кассиодора, писавшего между 526 и 533 гг. В произведении Иордана описаны исторические события, не только современные автору, но и более раннего времени (IV—V вв.). По Иордану, венеды суть славяне. Он сообщает, что «многолюдное племя венетов» в его время было известно под разными названиями: «...все же преимущественно они называются склавена-

ми и антами» или «...ныне известны под тремя именами: вене-тов, антов, склавенов» (10). Имеются в этом сочинении и географические координаты расселения венодов: «Между этими реками (Тисой, Олтом и Дунаем) лежит Дакия, которую наподобие короны ограждают скалистые Альпы (Карпаты). У левого их склона, спускающегося к северу, начиная от места рождения реки Вистулы, на безмерных пространствах расположилось многолюдное племя венетов» (11). Для Иордана, как и для его греко-римских предшественников, венеда — крупная этническая общность, проживавшая где-то на территории, связанной с бассейном Вислы.

Представления о древних славянах в хрониках и исторических сочинениях эпохи средневековья

Средневековые славянские хронисты и историки долгое время не были знакомы с античной традицией и высказывали и развивали независимые представления о прародине славян и их древнейшей истории.

Древнерусский летописец Нестор — автор «Повести временных лет» (XII в.), — исходя из библейского предания, согласно которому родиной всего человечества была Передняя Азия, начинает историю славян с вавилонского столпотворения, разделившего человечество на 72 отдельных народа и вызвавшего расселение их в разных направлениях.

Далее летописец сообщает: «От сихъ же 70 и 2 языку бысть языкъ словенескъ... По мнозехъ же времянехъ сели суть словени по Дунаеву, где есть ныне Угорьска земля и Болгарьска. И от техъ словенъ разидошася по земле и прозвашася имены своими, где седише на которомъ месте» (12). Итак, по Нестору, древнейшей территорией славян после их прихода из Передней Азии были земли по нижнему течению Дуная и Паннония. Поводом для их широкого расселения с Дуная, как сообщает летопись, было нападение волохов. Лежат ли в основе этой легенды сведения, почерпнутые из народных русских пред-

аний, сохранившихся воспоминаний, или она книжно-клерикального происхождения — сказать трудно.

Астописный рассказ о расселении всех славян с Дуная стал основой так называемой дунайской (или балканской) теории их происхождения, весьма популярной в сочинениях и хрониках средневековых авторов. Последние дополняли эту легенду вымышленными подробностями, произвольно изменяли ее.

Польский историк первой половины XIII в. Богухвал в «Хронике Польши» писал, что колыбелью всех славянских народов была Паннония (13). Он сообщает, что прародителем славян был Пан. Его сыновья возглавили расселение славян из Дунайских земель: Чех двинулся в Чехию, Лех — в Польшу, а Рус — в Россию. Так было положено начало чешской, польской и русской народностям. Эти домыслы Богухвал подкреплял фантастическими словотолкованиями (например, Коринфия выводится из славянской лексемы «корыто», а Германия — из «ярмо»).

Современник Богухвала магистр Винцентий Кадлубек, автор «Польской истории» (около 1200 г.) — выдающегося литературного произведения и в тоже время своеобразного исторического источника, освещающего польские события до 1203 года (14), пишет о бесчисленном множестве славян, обитавших в древнейшие времена в Закарпатских землях. О приходе славян из Азии он ничего не знает, но определенно указывает на старейшие селения их в Паннонии и Болгарии. Ссылаясь на предания, Кадлубек говорит о нашествии владов и о сражениях славян с пришельцами. В конце концов славяне и владыки помирились и поделили между собой европейские земли: владыкам досталась вся Греция, а славяне освоили широкие пространства от Болгарии до Хорутании и более северные земли от Дании до России. Вся эта территория славянского мира изображается Кадлубеском как огромная держава, равновеликая Римской империи, главенствующую роль в которой играли предки поляков — вандалы и лехиты. В результате успешной войны с римлянами властители славянской державы занимали римские города, нанесли поражение Александру Македонскому и Цезарю.

Козьма Пращский (XIII в.) писал только о происхождении чехов: их предки после вавилонского столпотворения перешли через три реки и осели на Влтаве и Лабее около горы Рипей-

ской.

Чешский летописец Далимил, писавший «Хронику» между 1282 и 1314 годами и использовавший при этом многие сведения из старых народных сказаний и песен, говорит о сложной начальной истории славян (15). После вавилонского столпотворения они поселились по соседству с греками в Иллирике. Впоследствии славяне распространились широко. Вельможа Чех проживал в Хорватии (Великой или Карпатской, локализуемой на северных склонах Карпат, на верхней Висле). Он совершил убийство и выпущен был со своим родом уйти из этой земли и поселиться около горы Рипа. Страна эта стала называться Чехией. Кроме чехов из Карпатской Хорватии вышли дунайские хорваты.

Хроника Прибика Пулкавы из Раденина создавалась во второй половине XIV в., в период расцвета чешской государственности. Это историческое произведение о прошлом Чехии содержит рифмованное изложение чешской истории от эпохи «разделения народов» до 1310 г. (16). Освещение вопроса о происхождении чехов начинается с библейских реминисценций. Славяне выводятся из Сенарской равнины, откуда после вавилонского столпотворения разошлись многие народы. Славяне, пройдя Халдею и преодолев Боспор, расселились в Болгарии, Сербии, Далмации, Хорватии, Боснии, Каринтии, Истрии и Крайне, то есть в Балкано-Дунайских землях. В дальнейшем «один человек из Хорватии по имени Чех», убивший вельможу, бежал со своим родом и нашел новую родину — Чехию. Его брат (или приятель) Лех со своим родом переселился в Польшу, а потомки этого рода в дальнейшем расселились в Поморье, Капубии и на Руси.

Другие чешские историки и географы XV—XVI вв. во многом повторяли своих предшественников, допуская произвольные домыслы. Иногда историю древних славян связывали с Александром Македонским, который будто бы пожаловал славянам грамоту «за службу верой и правдой».

Знаменитый польский историк Ян Длугош (1415—1480 гг.) в своих работах использовал данные русских и чешских летописей, но более широко излагал информацию своих предшественников (17). Он выводил славян из Сенарской равнины. После вавилонского столпотворения они поселились в Паннонии —

древнейшей своей прародине, а также в Болгарии, Сербии, Боснии, Хорватии, Далмации, Иллирии, Каринтии и других землях по Адриатическому, Ионийскому и Эгейскому морям. Из этого древнего ареала вышли Чех и Лех, которые со своими соплеменниками заселили северные земли восточнее Эльбы, а позднее и Русь.

Вплоть до XV в. легенда о дунайском происхождении славян господствовала в исторических сочинениях.

В начале XII в. ученым-энциклопедистом Гвидо из Пизы, известным в исторической литературе как «Равеннский географ» написан трактат в шести книгах «*Historiae variae*» — компилятивное произведение, в котором был использован ряд античных латинских сочинений, и в основном не дошедший до нас вариант «Космографии» анонимного клирика из Равенны, составленный на основе трудов римских авторов. Появление произведения Гвидо свидетельствует о зарождении интереса к греко-римской античности среди образованных итальянцев. В сочинении «Географика» Гвидо дал географический обзор, в котором речь идет и о ранних славянах (17). Они выводятся из Скифии, находящейся между землями финнов, норманнов, карпов и роксоланов, несколько в стороне от степной и древней Скифии. И в других местах своего сочинения Гвидо различает две Скифии — Скифию, где жили славяне, и Большую Скифию, в которой, как позднее сообщает ученый, господствовали хазары. По всей вероятности, «Славянская Скифия» Гвидо была западной частью птолемеевской Сарматии, то есть областью между Балтийским морем и Карпатскими горами.

В Баварской хронике конца XIII в. рассказывается, что славяне были потомками Хама и происходят из Месопотамии. Оттуда они пришли в Европу и расселились «до Вислы и до Дуная», вытеснив проживавших здесь германцев.

В XV—XVI вв. особенно популярной стала теория, согласно которой славяне в древности были сарматами. Предки славян опять-таки выводятся из Передней Азии, которые продвинулись вдоль черноморского побережья и осели в южной части Восточной Европы. Здесь они были известны античным авторам как сарматы (а также роксоланы, скифы, аланы). Постепенно из Северного Причерноморья славяне расселились на запад, юго-запад и север.

К сторонникам сарматской теории этногенеза славян принадлежит чешский ученый первой половины XV в. Дубравский (19). Он был знаком с некоторыми произведениями римских и византийских историков. Согласно Дубравскому, родиной славян была Птолемеева Сарматия, ограниченная с запада Вислой, Сарматским океаном и Карпатами, а с востока Доном. Проживавшие здесь сарматы и были славянами. Свое название они получили от термина «слава» (славные).

Если Дубравский связывал древних славян с Сарматией Птолемея, то польские авторы XV—XVI вв. склонны были локализовать их в Восточной Европе. Так, львовский архиепископ Григорий из Санока (умер в 1479 г.) в своих сочинениях проводил мысль о происхождении всех славян, в том числе и поляков, из Сарматии-Руси. Предки поляков первыми, оставив прародину, поселились на Висле. Это были античные венецы. По мере увеличения численности они проникли в Дакию и Мизию и постепенно заселили Далмацию и Иллирию. Эта точка зрения, как полагал историк, подтверждается языковыми данными: славяне, проживающие ныне на территории от Балтики до Адриатики, говорят «на одном языке с незначительными оттенками» (20).

Первая книга полного географического описания «Польша», написанная Мартином Кромером, почти целиком посвящена началу славянства (21). Он критикует предшествующие теории происхождения славян. Прародиной их, по его представлениям, была Сарматия в Восточной Европе. Это были сарматы, а также венецы письменных источников. Сюда предки славян пришли из Месопотамии. Из Сарматии славяне сначала начали расселяться в западном направлении по Висле, Одере и Эльбе, а затем пересекли Дунай и освоили Балканы.

Гипотезу о сарматском происхождении славян развивали многие историки, в том числе А.Гваньини, утверждавший, что предками славян были сарматы России, а пришли они сюда из Ассирии под водительством Гомера.

Польскими историками средневековья проводилась также мысль о происхождении славян из Московии. Так, Бернард Ваповский (1450—1535 гг.) в своей «Хронике», охватывающей период истории с древнейших времен до 1535 г. (22), считал, что славяне и роксоланы (по его представлениям — тоже славя-

не) ведут свое начало из земель, где было расположено озеро Славна в Московии. Поляки, чехи, болгары и русские происходят от Мосоха (Москвы), сына Яфетова. Из Московии славяне постепенно расселялись на Днепре, на Дунае и в других областях Европы.

Ссылаясь на «Хронику» Ваповского, Христиан Варшевицкий выводил поляков из Новгорода Великого, утверждая, что язык новгородцев ближе всего похож на польский, а сами новгородцы по своему облику во многом схожи с мазовецкой шляхтой (23).

Польский историк XVI в. М.Стрыйковский сведения по ранним славянам черпал в русских, польских и болгарских хрониках, но в вопросах происхождения их следовал за Ваповским. Он утверждал, что славяне с глубокой древности жили в Московии, а русский язык является древнейшим славянским языком. Западные и южные славяне вышли из этой стародавней земли и, смешиваясь с местными народами, освоили пространство между Балтийским морем, с одной стороны, и Адриатическим и Эгейским морями, с другой (24).

Альберт Крантц в книге «Вандалия» пытался обосновать тождество славян с вандалами древних источников (25). В основе его построений были, во-первых, схожесть этнонимов «венеды» и «вандалы», а во-вторых, один и тот же регион проживания: венеды вполне определенно им связывались с Вислой, а из лангобардских преданий следует, что и вандалы когда-то жили на Висле.

Мысль о генетическом родстве венедов-славян и вандалов проповедовали также польские историки конца XVI в. Мартин и Иоахим Бельские (26).

Бытовала в польской литературе рассматриваемого периода и теория о дунайском происхождении славян. Так, современник Б.Ваповского Матвей Меховит, решительно отвергая мысль о расселении всех славян из Московии, ревностно отстаивал положение о происхождении поляков из Хорватии и Далмации. Он писал, что славяне являются исконными жителями Македонии, Далмации, Истрии и Албании, во всех этих землях до самой Фессалии славянский язык употреблялся с самых древнейших времен. Если бы западные славяне происходили от русских, — отмечал историк, — то языки их должны походить на

русский; но на самом деле чехи и поляки по языку значительно разнятся от русских, они ближе к далматинским славянам. Русские, согласно Матвею из Мехова, произошли от рода Руса, брата Чеха и Леха, переселившегося в Восточную Европу также из древней Иллирии (27).

Южнославянские средневековые авторы считали, что предки южных славян выплыли из северных стран — из Польши и Чехии. При царе Анастасии или Константине они перешли через Дунай около Бедыня (Видина) и заселили Охридскую и Болгарскую земли. Но поскольку из исторических источников было известно, что в Далмации некогда жили готы, то утверждалось тождество славян и готов. В Сербии и Болгарии славяне считались людьми из племени готов. Сербские летописцы исторических даков рассматривали как предков сербов.

Распространенность теории о северном происхождении славян в южнославянской историографии, очевидно, обусловлена тем, что среди южных славян длительное время сохранялось предание о расселении их на Балканском полуострове с севера. Впрочем, иногда предпринимались попытки утвердить и автохтонность славянского населения. Так, в хронике Фомы Сплитского (XIII в.) излагается версия об автохтонности хорватов Далмации.

Однако целостного изложения этногенеза славян в южнославянских хрониках и литературных сочинениях долгое время не было. Первым обстоятельно попытался изложить этот процесс историк из Дубровника Туберо-Черва (Цриевич), живший в 1490—1522 гг. (28). Русские жители Европ.Сейской Сарматии, утверждал он, были предками всех славян. Отсюда часть славян направилась на запад, перешла Бислу и достигла Эльбы. Эти славяне позднее стали называться поляками и чехами. Другая группа славян опустилась на юг и заселила Дунайские земли, часть которых позднее у них отняли угры. Около 600 г. славяне, уточняет историк, появились в Иллирии и принудили побежденных жителей принять славянский язык.

Что касается России, то здесь единственной оставалась легенда о дунайском происхождении славян. Сведения начальной летописи излагались во всех поздних хрониках и азбуковниках. В «Степенной книге» — произведении, написанном между 1560 и 1563 гг., в котором предпринята попытка систематического

изложения русской истории до эпохи Ивана IV включительно, прародина славян помещается в Иллирии (29). В XVI—XVII вв. «Степенная книга» была одним из популярнейших исторических сочинений. Рассказ Нестора о расселении славян из По-дунавья повторил и С.Герберштейн (30).

От Мавро Орбини до П.И.Шафарика

В этот период, охватывающий более двух столетий (XVII—начало XIX вв.), вопросы происхождения и начальной истории славян освещаются в исторических трудах более широко и более многообразно. Ученые предлагают различные индивидуальные воззрения, высказывают множество догадок, предположений, строят гипотезы, иногда, впрочем, довольно фантастические. Весьма популярно этимологизирование: опираясь на случайные, не имеющие никакого значения сходства звуков в названиях племен, народов, местностей, богов, авторы исторических произведений на этих шатких основаниях строят свои теории относительно славянского этногенеза. Очень распространено было отождествление славян с илирийцами, кельтами, гетами, даками, сарматами, готами, скифами и другими этническими образованиями древности.

Если раньше рассмотрение вопросов происхождения и древнейшей истории славян составляло лишь небольшие части исторических трудов и хроник, то теперь появляются целые монографии, посвященные этой проблематике. Таковым, прежде всего, является сочинение югославского историка рубежа XVI и XVII вв. Мавро Орбини, в котором древним славянам отводится не только вся территория Европы, принадлежащая им и поныне, но и ряд регионов, которые будто бы были оставлены славянами еще в давние времена под воздействием различных обстоятельств (31). Исследователь использовал значительное число доступной ему литературы, восприняв содержащую в ней информация некритическим образом.

История древнего славянства излагается Мавро Орбини несколько запутанно. Европейским местом происхождения все-

го рода Яфетова он считал Скандинавию. Отсюда вместе с германцами вышли и славяне. Первым местом расселения их была Сарматия, скоро они распространились и на широких пространствах Европы. Историк видит славян во многих племенах — вандалах, гетах, иллирийцах, готах, аланах, аварах и других. Далее идет речь об иллирийцах (славянах), которые получили жалованную грамоту от Александра Македонского, о переселении Чеха и Леха со своими соплеменниками из Далматинской Хорватии, о войнах Само с аварами и франками и многом другом. Славяне, утверждает ученый, не имели своих выдающихся исследователей и писателей, поэтому их ранняя история оказалась неосвещенной в древних трудах, но они имели знаменитых воинов, чем и славились, начиная с эпохи Александра Македонского.

Книга Мавро Орбини во времена Петра Великого была переведена на русский язык и издана (32).

Рассказ первого русского летописца о первоначальном проживании славян в Дунайских землях и расселении их отсюда по-прежнему оказывал заметное влияние на исторические сочинения. Иллирию как родину всех славян рассматривал в своих работах сербский языковед М.Френцель (1628 — 1706 гг.). Только около 500 г. н.э. славяне, как полагал он, пришли в Сарматию, в то время опустевшую, и основали в ней три царства. Чех со своими соплеменниками занял Чехию с Лужицей, Лех поселился на Висле, а Рус — около Москвы.

Сторонниками дунайского происхождения славян были А.А.Шлецер и Х.А.Шлецер. Первый считал славянской прародиной Иллирию, отстаивая мысль о славянском начале иллирийцев и венетов. Он полагал, что в Паннонии, Норике и Каринтии римляне знали славян, но называли их иными именами (33). Х.А.Шлецер писал о том, что славяне принадлежат к европейским народам и поэтому выводить их от скифов или сарматов никак нельзя. Древнейшей славянской землей, по Х.А.Шлецеру, была северная часть Нижнего Подунавья вплоть до Днестра, а может быть, до Южного Буга на востоке. Исследователь пытался показать, что расселение славян с Дуная было не одноактным процессом. Уже в первые столетия нашей эры, как можно судить по античным источникам, славяне-венеды освоили земли к северу от Карпат, в том числе бассейн Вислы, а в VI в. в

Северном Причерноморье между Дунаем и Днестром появились славяне-анты. Рассказ русского летописца о расселении славян с Дуная Х.А.Шлецер относил к последней стадии миграции их — освоению Русской равнины. Этот процесс он датировал временем около 635 г. и обуславливал притеснением славян волохами, в которых видел болгар-тюрок (34).

Гипотезы о дунайском происхождении славян придерживались и многие западноевропейские исследователи XVIII в. Так И.Х.Гаттерер полагал, что предание о расселении славян с Дуная переданное начальной русской летописью, является историческим свидетельством, поэтому древних жителей Подунавья даков и гетов следует считать предками славян и антов Иордана и Прокопия. В древности они подчинялись господству римлян, а позднее находились под властью готов (35).

П.Катанчич видел древних славян в иллирийцах и даках. Много внимания он уделил географическим названиям Паннонии и Дакии, среди которых видел немало славянских топонимов, по его представлениям, свидетельствующих о давнем расселении славян в этих местностях (36). Автохтонным населением Иллирии считал славян немецкий ученый К.Г.Антон, к славянам он относил венетов, иллирийцев, винделиков и нориков (37).

В польской и чешской исторической литературе рассматриваемого периода господствовало представление о происхождении славян из Сарматии. При этом одни авторы имели в виду Европейскую Сарматию Птолемея, другие выводили славян из Причерноморской Скифии или из Московии.

Пражский ученый Иоани-Матвей Судетский, работавший в начале XVII в., утверждал, что предками всех славян были сарматы Северного Причерноморья, которых он стождествлял еще с русскими. Около 457 г., как полагал он, эти сарматы продвинулись в западном направлении, осев в разреженных восточногерманских землях. Сарматы, поселившиеся в Польше, стали поляками, в Чехии — чехами, а в целом по «своим славным делам» стали называться славянами (38).

Мысль о происхождении славян из Сарматии проводится в трудах многих польских историков, в том числе в сочинениях И.Пасториуса, П.Пясецкого, Ст.Клячевского. Такой же точки зрения придерживались чешские историки А.Стредониус,

Б.Бальбин, Ф.Публичка, составитель славянской грамматики П.Долежал и другие. Немецкий лингвист Г.В.Лейбниц отнес язык славян-сарматов к скифской ветви яфетических наречий, вместе с языками гуннов, аваров и хазаров (39). От скифов вели славянский язык и другие языковеды этого времени.

О происхождении славян из Русских земель писал хорватский ученый из Шибеника Фауст Вранич, работавший в самом начале XVII в. (40). Он отмечал, что античные географы страну, которая ныне называется Русью, именовали Сарматией. Более тысячи лет назад из Руси или Московии вышел народ, который, перейдя Дунай и отвоевав у греков Фракию, расселился на ее территории и стал называться болгарами. Другая часть славян расселилась в Польской земле вплоть до побережья Балтийского моря и Дании на территории, оставленной прежними жителями — вандалами и готами. Еще одна группа славян из Руси заселила Чехию, Моравию, Силезию и Лужицу. В свою очередь из Польских земель имело место переселение славян в южном направлении. Они пересекли Карпатские горы и заняли Паннонию, Далмацию и Македонию.

В XVII—XVIII вв. сарматская теория происхождения славян получила развитие. Уже в начале XVII в. Ф.Клювер писал о венедах-сарматах, которые и были предками славян. Областью их первоначального расселения было не Северное Причерноморье, а земли, примыкающие к Балтийскому морю. Здесь венеда-сарматы проживали не только в эпоху Плиния, Тацита и Птолемея, но и в более отдаленные времена. Излагая генеалогию от Ноя, Ф.Клювер утверждает, что от его сыновей произошли кельты и германцы, и сразу обращается к венедам-сарматам, из чего можно было бы полагать, что они были таким же европейским этносом. Однако в дальнейшем историк отмечает, что венеда были сарматами и их родиной была Сарматия (41).

Следующий шаг в разграничении славян-венедов и сарматского населения Северного Причерноморья был сделан чешским историком Яном Христианом Иорданом (42). Он прямо писал, что нужно отделять славянских сарматов-венедов от скифов и сарматов, которые были неславянскими племенами Юго-Восточной Европы и что от них славяне произойти не могли. Вандалы, аланы и роксоланы также не были славянами.

Согласно Я.Хр.Иордану, сарматские венеды, в то время когда скифы и сарматы обитали в Южной России, проживали под именем меотидов между Азовским морем, Доном и Волгой по соседству с гуннами. Эта территория и была европейской прародиной славян. Оттуда они в III в. н.э. переместились к Карпатам и на Дунай, а в последующие столетия из этой второй прародины начали широкое расселение.

Это был прогрессивный момент в изучении ранней славянской истории. Однако он не внес коренных изменений в этногенетические построения современников. Старые точки зрения не исчезли, они распространялись по-прежнему, нередко дополняясь новыми домыслами.

Начиная с XVI в. русские историки и мыслители имели возможность познакомиться с западноевропейскими историческими и географическими произведениями, в частности с сочинениями польских авторов. С конца этого столетия составители поздних летописей (например, Густынской) и авторы хронографов стали дополнять историю древних славян вымыслами. Появились рассказы о Чехе и Лехе; о грамоте Александра Македонского, жалованной славянам; о происхождении этнонима славяне от слова «слава»; о россакх; о многотимом граде Мосхве (от Мосоха); о различных языческих идолах славян — Ладе, Коляде, Купале, Позвизде... Эти фантастические данные о начальной истории славян и Руси вошли в свод Иннокентия Гизеля, выдержавший на протяжении 62 лет 18 изданий (43). Здесь сообщается, что названные «от славных делес своих» славяне ведут свое происхождение от Мосоха, шестого сына Яфета. В эпоху Петра Великого увидела свет еще одна книга, в которой происхождение славян излагалось компилятивно в духе западноевропейских сочинений того времени (44). В российской историографии к подобным произведениям принадлежат исторические сочинения М.В.Ломоносова, который отождествлял славян с различными древними племенами (45).

В.Н.Татищев в вопросе о начале славянства не создавал собственной теории. Труды польских историков Длугоша, Кромера, Стрыйковского и Бельского оказали существенное влияние на изложение древнейшей истории славян. Однако в некоторых случаях они были приняты русским ученым критичес-

ки. Прародиной славян, по В.Н.Татищеву, была Россия, но родство славян со скифами и сарматами отрицалось (46).

Для историографии несомненный интерес представляет книга архиепископа Свято-Архангельского монастыря в Ковеле И.Раича, написанная уже в конце XVIII в. (47). История славянства возводится им к Троянской войне. Енеты — будущие венеты-виинды — защищали Троию от греческого войска. Оттуда славяне морем отправились в Адриатику и поселились там, где позднее была Венецианская республика. Илирийцы восходят к тем же древним славянам. Из Адриатики славяне постепенно расселялись на широких пространствах. Ссылаясь на античные и византийские источники, И.Раич далее пишет, что «скифы», «сарматы» и «готы» были собирательными названиями для нескольких племен и народов. Среди них значительное место принадлежало и славянам. Одновременно этот историк излагает и иное представление о начале славянства: один из потомков Яфета — Вандал — переселился со своим племенем из Азии в Европу и обосновался около Вислы; народ этот стал называться вандалами, которые были славянами; расселяясь, они постепенно освоили четвертую часть Европы. Какое из этих мнений было для автора предпочтительным, читателю понять нельзя.

Новый этап в изучении древнейшего периода славян начался во второй половине XVIII в. Это было время «славянского возрождения», национально-освободительной борьбы и зарождения интереса к изучению культуры, народных традиций, фольклора и литературы славянских народов. Возникает потребность в критическом переосмыслении средневековых гипотез в славянском этногенезе. В научной среде возникла мысль об издании всей информации о народах Северной и Восточной Европы, содержащейся в сочинениях византийских авторов. Впервые это было выполнено Стриттером. Историческая информация византийцев была собрана в четырех томах, в которых нашла отражение и история славян.

Для этого этапа прежде всего следует остановиться на деятельности польско-русского историка Я.Потоцкого (1761 — 1815 гг.). Он активно изучал греческие, римские и византийские памятники письменности, собирая информацию по истории ранних славян. Выяснить происхождение их он ставил целью своей жизни. Задумав опубликовать все исторические сведения

о славянах, начиная с похода Дария на Скифию, историк издал три книги (48). В первой содержатся извлечения из средневековых хроник и сочинений (Козьма Пращский, Гельмольд, Галл Аноним, Длугош, Стрыйковский и другие). В следующей книге собраны этнографические заметки и материалы по топонимике, фиксирующей проживание славян в Германии, в третьей — сведения древних и средневековых авторов о скифах, сарматах и славянах. Я.Потоцкий считал скифов славянами (49).

В 30-х гг. XIX в. увидел свет труд баварского ученого К.Цейса, содержащий сведения древних авторов по ранней истории европейских народов (50). В третьем томе этого издания были собраны и отшлифованы все известные к тому времени сведения о славянах византийских, средневековых западноевропейских и восточных авторов.

Особое место в изучении славянских языков и начальной истории славян занимает чешский филолог Й.Добровский (1753 — 1829 гг.). Этот исследователь утверждал, что славяне не были даками, гетами, фракийцами или иллирийцами. Славяне — отдельный европейский этнос, наиболее близкими к нему по языку являются литовцы. Й.Добровский развивал теорию, согласно которой первоначальным местом расселения славян в Европе были земли в верховьях Вислы, Одера, Моравы и Лабы. Названия этих рек он считал славянскими по происхождению. В период между 300 и 600 гг.н.э. из этого славянского ареала началось широкое расселение. Предки восточных славян двигались в восточном и северном направлениях и освоили всю Русскую равнину. Часть славян продвинулась на запад, заселив поречья Одера и Эльбы (предки сербов-лужичан, полабских и балтийских славян). Значительные группировки славян направились на Дунай и распространились по Балканскому полуострову. На славянской прародине остались лишь предки поляков и словаков (51).

Й.Добровским была научно обоснована теория о первоначальном разделении общеславянского языка на две ветви — восточную, производными от которой стали русский, иллирийский (болгарский и сербский), хорватский и словенский языки, и западную (предки чехов, словаков, поляков и лужичан). Исследователь полагал, что этноним славяне-словене связан со славянским термином «слово» или же произведен от гипотети-

ческого топонима Slovy.

В последний период своей научной деятельности Й.Добровский коренным образом пересмотрел прежнюю свою точку зрения относительно ранней истории славян (52). Теперь он допускал мысль о том, что венеды Тацита были германцами, проживавшими на Висле, и от них расселившиеся в этом регионе славяне восприняли этот этноним. Славяне же происходят от племенивых и птолемеевых сербов, обитавших близ устья Волги, и оттуда они пришли в Европу вместе с гуннами или вслед за ними.

Хотя вклад З.Д.Ходаковского (1784 — 1825 гг.) в разработку вопросов этногенеза славян весьма невелик, пройти мимо его изысканий никак нельзя, поскольку он одним из первых обратил внимание на необходимость привлечения материалов археологии и этнографии для реконструкции древней истории славян (53). В результате собственных экспедиционных работ, а также на основе топонимических, этнографических и фольклорных данных исследователь попытался составить представление о городищах, распространенных в пространстве от Эльбы на западе до Камы на востоке и от Северной Двины на севере до Балканского полуострова и Адриатики на юге. Он утверждал, что все городища очень похожи между собой, и, опираясь на народные сказания и песни, рассматривал эти археологические памятники как культовые места, где язычники-славяне совершали различные ритуалы. Городища являются памятниками славян и свидетельствуют об их проживании на широкой территории с самых отдаленных времен.

Серьезным подходом к историческим и лингвистическим данным выделяются работы польского исследователя В.Суровецкого (54). Согласно его изысканиям, славянский язык является самостоятельной ветвью того первоначального языка, от которого произошли все европейские и «индейские» языки. Венеды-славяне наряду с четырьмя другими главными народами (фракийцами, кельтами, германцами и скифами) с незапамятных времен были жителями Европы и занимали в эпоху Тацита, Плиния и Птолемея обширную территорию от Вислы до верховьев Днепра и Волги, примыкая к Балтийскому морю. Их земли были удалены от античных цивилизаций, поэтому славяне менее других народов были известны древним писате-

лям. только после падения гуннской державы они приблизились к Дунаю, начали широкое расселение и стали хорошо известными раннесредневековым авторам. Только численностью, превосходящей все другие европейские этносы, можно объяснить, полагал этот исследователь, то, что славяне в относительно короткое время заселили огромную территорию, на которой прежде жили скифы, сарматы, аланы, роксоланы, иллирийцы, геты, бастарны, маркоманны, готы и другие.

Коротко вопрос о начальной истории славян был изложен крупнейшим русским историком начала XIX в. Н.М.Карамзиным (1766—1826 гг.). Основываясь на данных греческих и римских авторов, он считал, что в первые века нашей эры славяне-венеды проживали в Повисленье между побережьем Балтийского моря и Дакией. Допустимо предположение, что они размещались здесь и раньше, в I тыс. до н.э. Упомянутые Геродотом енеты на реке Эридан, жившие в местностях, откуда вывозился янтарь, вероятно, были славянами. Может быть, отмечает Н.М.Карамзин, андрофаги, меланхлены и невры Геродота также относятся к славянскому этносу, но через несколько фраз оговаривает: «историк не должен предлагать вероятностей за истину». Неизвестно, когда славяне пришли из Азии. История застаёт их в Европе, а по своим обычаям и нравам, отмечает историк, славяне заметно отличаются от азиатских народов. С конца V в. н.э. византийские хронисты свидетельствуют о широком расселении славян на Дунае, в Адриатике и на Балканском полуострове.

Посвятив свой труд истории России, Н.М.Карамзин пишет и о древних народах Восточной Европы.— киммерийцах, скифах, сарматах, готах, аланах, гуннах, уграх, болгарах, финнах и других, считая их неславянскими. Он признает, что на Русской равнине славяне были относительно поздними поселенцами. Пересказывая информацию Начальной русской летописи о расселении славян из Дунайских земель, историк допускал, что жители Дакии и геты, покоренные Траяном, могли быть предками русских славян (55).

От П.И.Шафарика до Л.Нидерле

В 30-е гг. XIX в. увидели свет исторические работы П.И.Шафарика и лингвистические изыскания Ф.Боппа, которые существенным образом повлияли на дальнейшее развитие научных знаний по этногенезу и древнейшей истории славян.

Трудам по древней истории славян чешского ученого П.И.Шафарика (1795—1861 гг.) безусловно принадлежит выдающееся место в историографии XIX столетия. Впервые была исторически осмыслена вся информация античных и средневековых авторов о ранних славянах и их ближайших соседях. Исследователем были проанализированы греческие, латинские, византийские, арабские, немецкие и славянские памятники письменности, а также лингвистические и этнографические данные, какими располагала наука его времени. Труд П.И.Шафарика выделяется критическим подходом к источникам и большой эрудицией (56).

Не касаясь проблемы индоевропейцев и их давней миграции в Европу, П.И.Шафарик утверждал, что начало славян следует искать в Европе, они развивались где-то по соседству с родственными индоевропейскими племенами кельтов, германцев, литовцев и фракийцев. Уже в глубокой древности славяне, по П.И.Шафарiku, занимали обширные пространства Средней и Восточной Европы. Описанные Геродотом будины, невры и борисфены (так исследователь называл скифов-земледельцев и скифов-пахарей) были юго-восточной ветвью славян. В IV в. до н.э. под натиском кельтов славянское население Паннонии и Иллирика вынуждено было переселиться к своим родичам за Карпаты. По мнению П.И.Шафарика, это событие и получило отражение в летописи Нестора. Но и после этого славянский ареал оставался весьма обширным — от Одера до Днепра и от Карпат до побережья Балтики и озера Ильмень.

Античным авторам, согласно этому исследователю, славяне были известны под именем «венеды», которое не было их самоназванием. Собственно славянскими этнонимами были «сербы»

(споры Прокопия Кесарийского), «ставаны»(славяне), «вельты» (вслеты), «карвоны» (кривичи) и другие.

Еще в конце XVI в. Ф.Сосети указал на несомненную связь отдельных европейских языков с санскритом, но это долгое время не оказывало никакого воздействия на этногенетические построения исследователей. Во второй половине XVIII в. европейские ученые смогли ближе познакомиться с санскритом. Тогда же появилась мысль о родстве славянского языка с латинским, греческим, немецким, персидским и санскритом. П.Х.Левек, И.Леванда, Х.Аделунг и некоторые другие высказывали догадки о происхождении латинян, греков, германцев и славян от единого древнего народа, о возникновении их языков из единого праязыка. Правда, в области этногенеза открытие европейской наукой санскрита на первых порах привело к несколько фантастическим построениям. Происхождение славян стали связывать с индусами или персами, полагая, что славянский язык эволюционировал от древних языков этих народов. Так, польский ученый В.С.Майевский выводил славян прямо от древних индов (индусов), а С.Рохуш-Сестрженцевич утверждал, что славяне и скифы происходят от древних персов-мидийцев (57).

Немецкий лингвист Ф.Бопп неоспоримо показал, что славянский язык принадлежит к индоевропейской (индо-германской) языковой семье, в которую входят также греческий, кельтский, итальянский, германский, иллирийский, литовский, индо-иранские и другие, в том числе исчезнувшие ныне языки. Все они развились из единого общеиндоевропейского языка (58). Формирование отдельных языков, по представлениям Ф.Боппа и других ученых XIX в., обусловлено было изолированным развитием индоевропейских диалектов, а также ассимиляцией иноязычных племен.

В результате научных достижений Ф.Боппа вопрос о происхождении славян встал на новый путь осмысления. С этого времени к разработке этногенетической проблематики активно подключилось языкознание. Лингвисты прежде всего попытались установить степени родства между отдельными индоевропейскими языками и выявить последовательность их отделения от праиндоевропейского языка.

Одним из основоположников сравнительно-исторического изучения славянских языков был австрийский и словенский

лингвист Ф.Миклошич (1813—1891 гг.). Его перу принадлежит первая сравнительная грамматика славянских языков, включающая фонетику, морфологию, словообразование и синтаксис, а также первый общеславянский этимологический словарь. Благодаря его трудам прояснилась не только общая картина развития языка древних славян, но и принципы его эволюции и дифференциации (59).

Авторитетная схема членения индоевропейских языков разработана была создателем теории родословного дерева, немецким лингвистом А.Шлейхером (1821—1868 гг.). Собранные к тому времени данные позволили исследователю вписать славянский материал в сравнительную грамматику индоевропейских языков и показать, что славяне принадлежат к балто-славяно-германской ветви родословного дерева (60).

В 70—80-е гг. XIX в. русским языковедом А.С.Будиловичем (1846—1909 гг.) был собран и систематизирован обширный лексический материал славянских языков (61). В результате было выделено 565 слов, относящихся к праславянскому языку, и 378 лексем древнеславянского периода. Анализ праславянского лексического фонда позволил исследователю охарактеризовать древнейшую территорию славян, их прародину как земли с обилием озер и рек, сочетающие равнинные и всхолмленные местности, удаленные от моря, с умеренным климатом. Согласно А.С.Будиловичу, это — Поднепровье, Побужье и Подкарпатье. Флористическая и фаунистическая лексика праславян полностью соответствовала этому ареалу. Исследователь считал, что первые века нашей эры были гранью между праславянской и древнеславянской эпохами. Следовательно, праславянский язык нужно относить в основном к I тыс. до н.э. Таким образом, праславяне были жителями Северо-Западной Скифии. Это были, заключает А.С.Будилович, будины Геродота.

Работы историков послепифагоровского периода по ранним славянам можно разделить на несколько групп. Большая часть исследователей продолжала утверждать, что начало славян связано с дунайским регионом, откуда они в разное время расселились в разных направлениях.

Русский историк С.М.Соловьев (1820—1879 гг.) изложил эту проблему довольно кратко, сообщаются только конкретные исторические факты (62). Он пишет, что славяне не помнили

о своем приходе из Азии, но сохранилось предание, записанное в Начальной летописи, о первоначальном местожительстве их на берегах Дуная. С отсылкой к П.И.Шафарiku историк говорит о следах пребывания славян в Подунавье в географических названиях. Античные авторы первых веков нашей эры знают славян под именем венедов, которые жили около Вислы, между германцами, финнами и сарматскими племенами. Начиная с VI в. славяне расселяются широко. Согласно Иордану, многочисленные венеды к этому времени разделились на славян, проживавших в верховьях Вислы и на востоке до Днестра, и антов, локализуемых в Трипунтийских землях. Дальнейшее распространение славян излагается С.М.Соловьевым уже по русским летописям.

Не как легенда, а как историческое свидетельство рассматривается сообщение Начальной летописи о славянской прародине на Дунае и широком расселении славян оттуда целым рядом историков, в том числе Д.Я.Самоковским.

Р.С.Каульфус утверждал, что славяне были жителями Балканского полуострова с незапамятных времен. По его мнению, названия многих рек этого ареала, в том числе Истра, имеют славянское происхождение (63). Автохтонность славянского населения в Иллирии защищал львовский историк А.Белевский, который считал древними славянами даков и гетов (64). Аналогичную точку зрения развивали польский ученый Лелевель и немецкий исследователь Л.Концен (65). Последний пытался показать, что славяне в дунайских землях были древнейшими насельниками, которых вытеснили кельты-завоеватели. Остатком древнего славянского массива, по его мнению, были венеты, жившие на северном побережье Адриатики.

Югославский ученый Рачки выделял значительный пласт топонимов Паннонии и Дакии, который считал славянским. Это давало ему основание для утверждения, что славяне были очень древними жителями этих земель, а исторические иллирийцы, венеты и бессы — славянского происхождения (66). О том, что славяне в Иллирии и Фракии были древним и автохтонным населением, писали И.Г.Куно, Гелльвальд, И.К.Сакцинский, Д.Терстеньяк, Ф.Сасинек и другие (67). Обосновывалось это в основном топонимо-историческими соображениями. Исследователи опирались на некоторое сходство географических назва-

ний со славянскими лексемами, достаточно вольно этимологизировали названия местностей и древние этнонимы из славянских языков. И.К.Сакцинский привлек для своих построений и некоторые этнографические материалы, отмечая, что народные празднества, восходящие к славянскому язычеству, отмечены в Паннионии и Италии.

Д.Я.Самоковасов полагал, что даки и геты были славянами, и относил рассказ Нестора о расселении славян из Подунавья ко времени покорения их римлянами (влахами) при Траяне. Значительная часть славян при этом не смирилась с римским господством и ушла из Дакии в северопричерноморские, днепровские и польские земли. Клады римских монет, находимые в этих регионах, как считал этот историк, были зарыты славянами-переселенцами, принесшими монеты из Дакии (68).

Близкую точку зрения развивал киевский историк Н.Леопардов, который рассматривал днепровских (и вообще русских) славян потомками гетов и даков, расселившихся во времена Траяна из дунайских земель (69).

Во второй половине XIX в. к разработке этногенеза славян пытались подключиться антропологи. А.Ретциде разработал так называемую кельто-славянскую теорию, согласно которой кельты и славяне объединялись в одну расу — короткоголовую, распространенную в Южной и Средней Европе, а также в Передней Азии. Накануне железного века германцы принадлежали к длинноголовой расе. В результате их расселения кельты и славяне оказались разделенными, славянам достались более восточные земли.

Более обстоятельно рассмотрел этногенез славян парижский антрополог М.Заборовский. Прародину индоевропейцев он локализовал в Юго-Восточной Европе и утверждал, что славяне сформировались в дунайских землях, когда индоевропейцы уже широко расселились по европейскому континенту. Ранних славян исследователь причислял также к короткоголовому антропологическому типу, к которому относились еще кельты и иллирийские венеты, а в историческое время — южные славяне. Исходный регион этого антропологического типа, по М.Заборовскому, размещался в Южной Европе, а славянская прародина — в пространстве между Дунаем и Адриатическим морем. Отсюда славяне стали расселяться за Карпаты, рас-

пространяя обряд трупосожжения и употребление металлов (70).

Другая группа исследователей пыталась обосновать мнение о том, что древние славяне были древними насельниками Европы, занимавшими ее обширные пространства. Так, А.Шембера относил к ранним славянам не только иллирийцев и даков, но и кельтов, живших в Иллирии, нориков и адриатических венетов, а также часть населения Германии. По его представлениям, свевы Тацита были славянами, а раннесредневековые полабские славяне были прямыми их потомками (71).

На весьма близких позициях стоял и варшавский ученый И.Первольф (72), которому принадлежит интересный обзор средневековых взглядов по раннему славянству (73). К этой группе исследователей можно причислить слависта О.М.Бодянского, известного издателя древнерусских и древнеславянских исторических и литературных памятников. Его работы характеризует тесная связь исторических и филологических данных. В созданном им лекционном курсе «Славянские древности» он отстаивал тезис об автохтонности славян в Средней Европе и во многом следовал за П.И.Шафариком (74).

Отнесение адриатических венетов к славянскому этносу в литературе второй половины XIX в. было широко распространено. Наиболее обстоятельно попытался обосновать это мнение А.Гильфердинг. Для этого он привлек и топонимы в земле венетов, и антропонимы на надгробных плитах (75).

Третья группа исследователей пыталась утверждать мысль о первоначальном местожительстве славян в Восточной Европе. Довольно оригинальную теорию славянского этногенеза в 70-х гг. XIX в. изложил чешский историк Я.Э.Воцель (1803—1872 гг.). Он утверждал, что славяне подобно другим индоевропейским народам пришли из Азии через Кавказские горы. В очень давний период, дату которого определить не представляется возможным, славяне поселились в Восточной Европе к югу от Валдайских гор и к северо-востоку от Карпат (на востоке — до Дона). Южной границей их расселения был рубеж лесостепи со степью. Невры и будины Геродота — славянские народы, впервые зафиксированные письменными памятниками. Языковедение указывает на тесную связь славян с литовцами, которые в это время достигли юго-восточного побережья Балтийского моря,

но когда и каким образом литовцы оторвались от славян, сказать трудно. Возможно, отмечает историк, какая-то часть славян во времена Геродота продвинулась к Дунаю, но никаких данных для обоснования этого предположения у нас нет. В эпоху Геродота славяне еще не имели общего имени. В римских источниках они известны как венеды, анты, споры (сербы) и склавины. «Венеды» и «анты» — названия славян иноплеменниками, «сербы» и «славяне» — собственные этнонимы. Для характеристики жизни, быта и культуры древних славян Я.Э.Воцель использовал данные языкознания. Предприняты им были и робкие попытки привлечь для своего исследования материалы археологии (75).

Заслуживает упоминания и работа казанского филолога А.А.Некрасова (1837 — 1905 гг.). Утверждая, что все европейские языки имеют азиатское происхождение, он дискутировал с теми авторами, которые предполагали миграцию германо-литовско-славянской группы в Европу вокруг Каспийского моря по его восточному и северному берегам. По мнению этого исследователя, славянская группа обособилась от остальных арийцев в долинах южнее Кавказского хребта. Теснимые ассирийцами славяне двинулись на запад по южному побережью Черного моря. Перейдя проливы и не останавливаясь, славяне продвинулись далеко на север — основная масса их осела на восточно-европейских просторах. Отколовшаяся небольшая часть славян мигрировала на запад и осела в местности, где ныне находится Венеция. Это были венеты, известные по древним источникам. В своих построениях А.А.Некрасов использовал исторические, лингвистические и мифологические данные. Много внимания он уделил и географическим названиям, которые довольно натянуто трактуются как славянские и обнаруживаются по всему пути движения славян из Азии в Восточную Европу (76).

Историк и филолог В.И.Григорович прежде всего подчеркивал, что скифы, сарматы, иллирийцы и фракийцы не были славянами. По его представлениям, славянам с древнейших времен, по крайней мере с VII в. до н.э., можно отвести обширные пространства между Балтийским и Адриатическим морями, а на востоке до истоков Днепра и Дона. С вторжением кельтов в Иллирию и Паннонию (это были волохи Нестора) проживавшая здесь часть славян в последние века I тыс. до н.э. покинула Подунавье. В этой связи славяне продвинулись в северо-восточ-

ном направлении до озера Ильмень. В течение длительного времени кельты были западными и южными соседями славян: исследователь перечисляет ряд слов, по его мнению, заимствованных славянами от кельтов. Уже до нашей эры славяне соприкасались также с германцами: в готской лексике есть славянские заимствования. Регион между нижней Вислой и Неманом принадлежал соседям славян — айстам, то есть литовцам и родственным им племенам. На северо-востоке славяне контактировали с финскими племенами, а на юго-востоке — со скифами, занимавшими южнорусские земли от Дона до Южного Буга. Вслед за П.И.Шафариком В.И.Григорович полагал, что древним самоназванием славян было «сербы», а в письменных источниках они упоминаются под разными иными этнонимами — «будины», «невры», «венеды» и др. (77).

В 80-х гг. XIX в. увидела свет монография А.Ф.Риттиха, содержащая историко-географическое и этнографическое описание всего славянского мира (78). Согласно концепции этого исследователя, славяне (славянорусы, по терминологии автора), как и другие племена арийцев, когда-то вышли из Индии и в течение какого-то времени проживали в Передней Азии южнее Черного и Каспийского морей, где следы их расселения сохранились в названиях местностей. Какова была их жизнь в древней прародине — сведений нет, но они, нужно полагать, как и все арийцы, были кочевыми скотоводами. Из Передней Азии по долинам Риона, Терека и Кубани славяне двинулись на север и осели на Днепре и Дону. Здесь они овладели земледелием, которое стало основой их хозяйственной деятельности. Во времена Геродота славяне известны под именем будинов, невров и меланхленов. Появление в Северном Причерноморье скифов вынудило славян к миграции в западном направлении. А.Ф.Риттих полагает, что за несколько веков до нашей эры они освоили земли до Вислы и почти все Подунавье. Более того, славяне проникли на кельтскую территорию, где островками-колониями жили на Рейне, Роне, Луаре и на побережье Адриатики.

Монографическое исследование В.М.Флоринского представляет интерес, прежде всего, как обширная сводка фактологических данных по ранней и раннесредневековой истории славян (79). Что касается этногенетических построений, то здесь автор в основном излагает мнения других историков.

Местом формирования индоевропейцев, по В.М.Флоринскому, была Восточная Месопотамия — территория между Тянь-Шанем, Гиндукушем и Персидским заливом. Отделившаяся от индоевропейской массы северо-восточная ветвь (германо-балто-славянская общность) поселилась первоначально в Юго-Западной Сибири и смежных землях Средней Азии по соседству с амударьинским регионом (по А.Шлейхеру). Оттуда и вышли славяне, уже в I тыс. до н.э. заселившие обширные пространства Европы. Помимо венецов Плиния, Тацита и Птолемея, занимавших часть Европейской Сарматии, к славянам В.М.Флоринский причислял венетов Адриатики, венетов Галлии и енетов, выброшенных штормом на побережье Балтики, которые будто бы были предками средневековых балтийских славян. Славянами, по В.М.Флоринскому, были также киммерийцы и скифы.

Расселение славян из восточноевропейской прародины пытался научно обосновать хорватский историк Т.Маретич (80). Он решительно отвергал предание, записанное в Начальной русской летописи, о проживании древних славян на Дунае, утверждая на основе свидетельств античных письменных источников, что в Подунавье они появились довольно поздно: в Румынии и Трансильвании вместе с гуннами, а в Паннонии — вместе с аварами. Исследователь полагал, что авары помогали хорватам и сербам, которые были их союзниками, освоить среднедунайские земли.

Есть среди работ второй половины XIX в. и книги по ранней истории славянства, содержание которых ныне выглядит курьезно или фантастически. Так, чешский автор Я.Коллар с легкостью читал по-славянски надписи на надгробиях Этрурии, Умбрии и Лациума; в богах Италии видел славянские языческие божества (81). Историк Классен трактовал надписи на этрусских и оскских надгробиях на пяти славянских языках. Впрочем, и финикийские надписи им читались по-славянски (82). Чертков полагал, что славянами были пеласги (83). Все эти авторы пытались утверждать, что древнейшим местом расселения славян была Италия. Другие исследователи находили следы древнего расселения славян в Средней Азии (84).

В конце XIX в. славянская археология находилась в самой начальной стадии накопления источниковой базы. Однако уже тогда возникла мысль о необходимости привлечения археологи-

ческих материалов для освещения древнейшей истории и культуры славянства. К последним десятилетиям XIX в. относятся первые попытки использования данных археологии к анализу славянского этногенеза. Так, киевский археолог И.А.Хойновский писал, что выводы по древнейшей истории славян, опирающиеся только на письменные сообщения, кажутся часто необоснованными, не имеющими прочного фундамента. Многолетние занятия археологией убедили исследователя в необходимости широко использовать для этих целей «вещественные памятники» (85).

И.А.Хойновским была предпринята попытка дифференцировать южнорусские древности на скифские, сарматские, гетто-фракийские, антские, полянские и древлянские. Однако это еще не приводило к каким-либо серьезным историческим построениям, и изложение начальной истории славян велось этим исследователем вне зависимости от археологии. Он полагал, что родиной всех славян был Карпатский регион, откуда они расселялись в разных направлениях в течение длительного периода.

Г.Ванкель всесторонне сопоставил орнаменты, характерные для керамики и бронзовых сосудов галыштатской культуры, с узорами этнографических народных вышивок славян Моравии и показал их взаимосвязь. Это дало основание исследователю говорить о том, что в начале железного века славяне составляли часть населения галыштатской культуры и заселяли восточные земли ареала этой археологической культуры (86).

Наибольший интерес в этом отношении представляют исследования основателя чешской археологии Й.А.Пича. Он попытался показать, что древнейшей археологической культурой славян была лужицко-силезская (800 – 600 гг. до н.э.) и, следовательно, прародиной их были земли между Вислой и Эльбой (Лужица, Силезия, Южный Бранденбург и часть Великопольши). Это был регион, где образовался «многочисленный народ славян» и откуда началось славянское расселение, заключал исследователь (87).

Любор Нидерле и его время

Самым значительным вкладом в изучение этногенеза, истории и культуры древних славян в начале XX в. являются изыскания чешского ученого-энциклопедиста Л.Нидерле (1865—1944 гг.). Им были детально проанализированы и критически обобщены достижения различных наук — истории, лингвистики, этнологии, антропологии и археологии. Труды Л.Нидерле выделяются не только обширностью использованных научных данных, но и основательностью и глубиной их осмысления.

Основные исследования Л.Нидерле — трехтомный труд «Славянские древности» и издание «Жизнь древних славян» (также в трех томах) — содержат энциклопедическую информацию по ранней и средневековой истории, культуре и быту всего славянского мира, не потерявшую научную значимость и поныне (88). В сжатом виде эти материалы и исторические выводы были изложены автором в «Руководстве по славянским древностям», переведенным на многие европейские языки (89).

Первую часть первого тома «Славянских древностей» Л.Нидерле целиком посвятил проблеме происхождения и становления славянского этноса, подвергнув переоценке все данные, которыми располагала наука в начале XX в.

Согласно Л.Нидерле, праиндоевропейский язык распался на отдельные языки в начале II тыс. до н.э. Наряду с другими индоевропейскими языками в течение II тыс. до н.э. существовал балто-славянский язык, в результате членения которого в I тыс. до н.э. (может быть, и несколько раньше) образовался праславянский язык. С его образованием и начинается история славян. Праславянский язык существовал и эволюционировал в течение многих столетий, может быть, около двух тысячелетий. Исторические условия в конце концов привели к постепенной его дифференциации, результатом чего стало формирование самостоятельных славянских языков.

Место первичной славянской прародины, то есть территории, где произошло выделение славян, остается неизвестным и

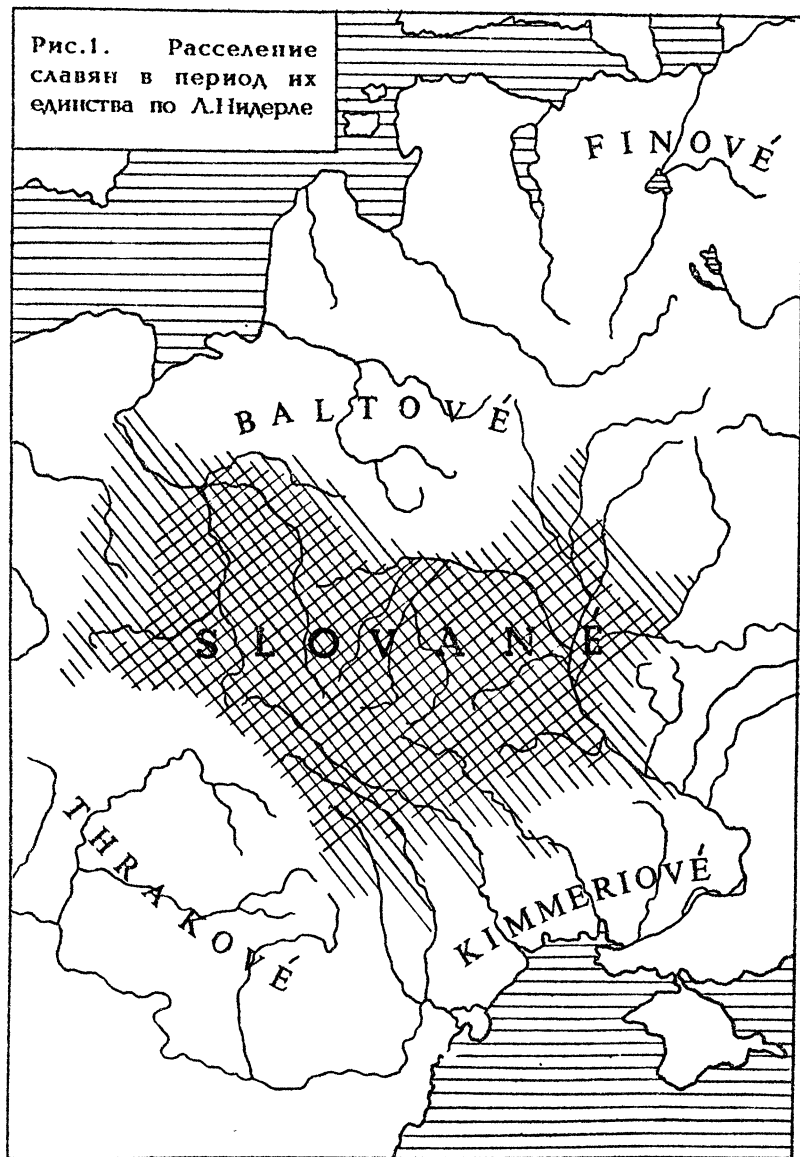
может быть определено лишь гадательно. Показав несостоятельность основанной на русской летописи дунайской (или балканской) теории происхождения славян, Л.Нидерле в виде предположения говорит, что древними славянами были невры, будины и скифы-пахари Геродота. Однако прямых доказательств для обоснования этого в распоряжении науки нет.

Современной наукой, продолжает исследователь, можно определить территорию, на которой жили славяне на поздней стадии своего исторического и языкового развития. На основании свидетельств историков римского периода, учитывая взаимоотношения праславянского языка с соседними древними языками, а также данные топонимики, Л.Нидерле весьма осторожно обрисовывает область славянского расселения в начале нашей эры. Она находилась к северу и северо-востоку от Карпат, на востоке достигала Днепра, а на западе — верховьев Варты (рис.1). При этом исследователь замечает, что западные пределы славянского ареала, возможно, придется продвинуть к Эльбе, если будет доказана славянская принадлежность полей погребений лужицко-силезского типа. Северными соседями славян были балты, которые длительное время разграничивали славян и финнов.

Славянская этноязыковая общность в I тыс. н.э., отмечает Л.Нидерле, не представляла единого целого. Диалектные различия постепенно возрастали и вели к распаду праславянского языка. Весьма обстоятельно освещает исследователь и процесс расселения славян в Подунавье, на Балканах, а также в северном и северо-восточном направлениях. Он рассмотрел истоки формирования болгарского, сербо-хорватского и словенского языков и народностей, полагая, что протоболгары заселяли юго-восточные районы праславянского ареала, протословенцы жили где-то в верховьях Вислы по соседству с проточехами, а предки сербо-хорватов — между протословенцами и протоболгарами. Западная ветвь славян также рано распалась на несколько локальных групп, на основе которых в начале средневековья формируются отдельные народности. Восточные же славяне устойчиво сохраняли свое единство, составляя «прарусскую» народность.

Работы Л.Нидерле оказали существенное влияние на дальнейшее изучение древней истории славян и освещение их

Рис.1. Расселение
славян в период их
единства по А.Нидерле

этногенеза. Вместе с тем, в начале XX в. различными исследователями для научного анализа рассматриваемой проблематики были найдены новые дополнительные аргументы, предложены новые теории этногенеза славян.

В решении этногенетических вопросов все больше и больше внимания лингвисты стали уделять лексике праславянского языка, которая непосредственно связана с географическими условиями обитания ранних славян. Безусловно, такая лексика может дать важные данные для определения древнего ареала славянского расселения. Первые попытки в этом направлении были предприняты еще в 70-х гг. прошлого столетия югославским ученым Б.Шулеком (90), но авторитетными они стали в начале XX в. в результате изысканий польского ботаника Ю.Ростафинского (91). Этот исследователь, прежде всего, обратил внимание на то, что название дерева бука не является исконно славянским, а лексемы «граб», «тис» и «плющ» — славянского происхождения. Следовательно, славянская прародина находилась вне ареала бука, но в пределах распространения растений со славянскими названиями. Далее Ю.Ростафинский отмечал, что названия ели и можжевельника славяне не знали, поскольку эти термины в разных славянских языках звучат неодинаково. Следовательно, славянскую прародину нужно локализовать между восточной границей распространения бука (она в начале XX в. проходила по линии Кенигсберг — Кременец — Одесса) и западными рубежами ареала ели и можжевельника, который достигал правобережья Днепра. Таким образом, исследователь определял область расселения славян в древности как Припятское Полесье со смежными более северными землями Верхнего Поднепровья.

Ботаническая аргументация славянской прародины Ю.Ростафинского наукой была воспринята двояко. Многие ученые, исследовавшие начальную историю славян, приняли ее, она стала для них одним из существенных показателей в определении ареала ранних славян. К числу таковых принадлежат такие крупные исследователи, как А.А.Шахматов и М.Фасмер. Вместе с тем, аргументация Ю.Ростафинского подверглась серьезной критике со стороны других ученых. Так, берлинский славист А.Брюкнер обратил внимание на изменчивость ботанических терминов. Он предположил, что на славянской прароди-

не был известен белый бук, который славяне называли грабом. По мере расширения территории славянского обитания в земли произрастания красного бука славяне могли перенести название первого на второй. В дальнейшем в одних праславянских диалектах древнее название бука исчезло, а в других было перенесено на бузину (92). Т.Милевский указал, что Ю.Ростафинский в своих построениях недоучел климатические изменения. Особенно это касается бука, восточная граница распространения которого в конце бронзового и начале железного века в условиях суббореального климата была иной, чем в настоящее время: бук не был известен восточнее Эльбы — Заале (93).

В основе построений чешского исследователя Я.Пейскера лежит анализ некоторых старославянских слов, относящихся к культурной лексике (93). Славянскую прародину он ограничивал болотистыми пространствами бассейна Припяти, допуская, впрочем, распространение славян уже в доисторические времена за пределы Припятского Полесья. Полагая, что многие животноводческие термины («скот», «бык», «вол», «коза», «молоко», «творог» и др.) были будто бы заимствованы славянами из германских языков, а позднее из тюрко-татарских, исследователь утверждал, что славяне в древности находились в подчинении или зависимости от своих соседей (скифов, готов, гуннов, авар). Я.Пейскер отрицал распространение скотоводства у древних славян, которое было позаимствовано ими только в раннем средневековье. Что касается венедов античных авторов, то исследователь видел в них кельтов, пытаясь подтвердить эту точку зрения кельтскими гидронимами в Повисленье. Гипотеза Я.Пейскера была встречена славистами весьма критически.

С конца XIX в. в определении места расселения ранних славян, наряду с историческими и лингвистическими данными, все шире и шире исследователями привлекаются материалы топонимики. В 1901 г. появилось интересное исследование филолога и историка А.Л.Погодина (1872—1947 гг.), в котором на основе сведений древних авторов дан очерк истории славян начиная с первых веков нашей эры и предпринята попытка обрисовать раннюю славянскую территорию на основе анализа водных названий (94). Изыскания по этой проблематике им были продолжены и подробно изложены в «Лекциях по славянским древностям» (95).

А.Л.Погодин утверждал, что ранние славяне — отдельная ветвь индоевропейцев; их история восходит к глубокой древности и продолжалась до начала средневековья, когда имело место их широкое расселение. Ареалом ранних славян были Подолия, Галиция, Волынь и восточные земли Польши. Здесь выявляется довольно много гидронимов славянского происхождения. Это и была прародина славян, где произошло их выделение из индоевропейской общности. Геродоту славяне были известны как невры, римским авторам — под именем «венеды».

Северной границей славянского мира, по А.Л.Погодину, была Припять. Исследователь обращает внимание на различие речных названий к северу и к югу от этой реки и заключает, что земли севернее Припяти, также как нижнее и среднее течение Западного Буга, принадлежали уже к литовским племенам. На востоке рубежом славянских земель был Днепр, на юге он соответствовал границе между Киевской и Подольской губерниями (здесь славяне соседнили со скифо-сарматским населением). Далее южная граница славянского ареала уходила к Карпатам, поднималась по Сану к Висле и далее к Варте и, может быть, достигала Одера. Названия рек в бассейне Вислы и правые притоки Одера, согласно А.Л.Погодину, славянские. Юго-западными соседями славян были кельты, а в среднем течении Одера — германцы. Отмечая, что гидронимы Одер — Одра не раз встречаются в разных местах славянского расселения, исследователь полагал, что Одер в своем нижнем течении был издревле славянской рекой.

Ссылаясь на работы А.Будиловича и других лингвистов, А.Л.Погодин писал, что словарный состав живых и мертвых славянских языков позволяет характеризовать земли первоначального обитания славян как территорию равнинную с обилием рек и болот. Намеченный им ареал, заключает автор, полностью соответствует этим лексическим выводам.

Анализом водных названий в связи с локализацией раннего славянского ареала много занимался польский лингвист Я.Розвадовский (96). Его выводы со временем претерпевали некоторые изменения, детализировались, но основа оставалась постоянной: славяне выделились из индоевропейского массива около двух тысяч лет до н.э. в Восточной Европе. Наличие германских гидронимов на Волыни, Подолии и в Прикарпатье

исключает эти области из славянской прародины, в равной степени как и земли Северо-Западной Руси и Польши, где в гидронимике выявляются следы проживания финно-угорского населения. В первых работах Я.Розвадовский определял древними славянскими пространства между Неманом и Днепром, позднее допускал, что славянская прародина от Припятского Полесья могла простирается до Вислы.

Можно отметить, что топонимия как наука в те годы находилась в начальной стадии своего становления. Многие этимологические изыскания Я.Розвадовского, как и его современников, ныне отвергаются лингвистикой и представляют лишь историографический интерес.

Оригинальную теорию славянского этногенеза развивал русский филолог А.А.Шахматов (1864 — 1920 гг.). По этой проблематике им было написано несколько работ (97). Вопрос о колыбели славян исследователь связывал с проблемой индоевропейской прародины. А.А.Шахматов не согласился с весьма распространенной в те годы гипотезой об азиатском происхождении индоевропейцев, отрицал он и локализацию их прародины на юге России. Он присоединился к той группе ученых, которые определяли древнейшим регионом расселения индоевропейцев центральные земли Западной Европы (Австрия и Южная Германия). Здесь, по мнению А.А.Шахматова, и образовался индоевропейский этнос, отсюда индоевропейские племена расселялись в разных направлениях, осваивая огромные пространства и ассимилируя неродственное население.

Исследователь присоединялся к распространенному тогда мнению о первоначальном членении индоевропейцев на западную (кентумную) и восточную (сатемную) группы. Последние заселили области, составляющие бассейн Балтийского моря. Через какое-то время восточная группа индоевропейцев распалась: предки индо-иранцев и фракийцев двинулись на юг и юго-восток, предки же балто-славян остались на прежней территории в Юго-Восточной Прибалтике. Затем, в I тыс. до н.э. балто-славянская общность распалась, следствием чего стало образование двух этносов — балтов и славян. Последние, по А.А.Шахматову, жили между нижними течениями Немана и Западной Двины, балты-литовцы были их восточными соседями, занимая верхние течения этих рек. Отсутствие в праславянском языке

собственного фитонима для обозначения бука и неславянский характер названий рек Среднего Поднепровья и Повисленья исключают эти территории из славянской прародины.

Соседями славян были также финны, германцы и кельты. Финнам принадлежали все Верхнее Поднепровье, Припятское Полесье и часть бассейна Западного Буга. Они, согласно А.А.Шахматову, отрезали славян от скифо-сарматского ареала. В Повисленье проживали германцы и кельты. В праславянском имеется немало лексических заимствований из германских языков. А.А.Шахматов даже писал, что славяне свою материальную культуру, политическое устройство и военный быт восприняли у германцев. Кельто-славянским языковым взаимоотношениям исследователь посвятил специальную работу (98). Выявляя следы кельтских поселений, он считал, что славяне и кельты непосредственно контактировали между собой. Кельты в Повисленьи были известны как венеды.

Со II в. н.э. германские племена устремились на юг к нижнему Дунаю и в Причерноморье. Повисленьи пустеет и заселяется славянами. По А.А.Шахматову, это была «вторая прародина славян». Праславянский язык здесь дифференцируется на две диалектные группы — западную и юго-восточную. Западная часть славян по мере отлива германского населения расселяется в бассейнах Одера и Эльбы. Во второй половине V в. после распада Гуннской державы начинается и мощная миграция славян юго-восточной диалектной группировки. Они заселяют Галицию, Буковину, Трансильванию и нижний Дунай, осваивают все южнорусские земли вплоть до Дона.

Миграция юго-восточных славян протекала двумя основными путями: южным и восточным, что привело к образованию двух ветвей — славян южных («склавен», по терминологии Иордана и византийских историков) и славян восточных (антов). Земли между Прутом и Днестром А.А.Шахматов называет «первой прародиной русских». Это территория расселения антов, которые были предками всех русских славян. Отсюда началась миграция их, завершившаяся освоением всей Русской равнины.

Этногенетическая концепция А.А.Шахматова — первая в русской науке общая и стройная картина происхождения славян, развития этого этноса и языка в доисторическое время. Она в течение длительного периода была широко распространена среди

русских ученых и в вузовском преподавании. Вместе с тем, ряд положений в построениях А.А.Шахматова подвергся серьезной критике (99).

Свои взгляды на происхождение славян и славянских языков изложил и крупнейший историк русского языка начала XX в. А.И.Соболевский (100). Он считал, что в древности предки славян и балтов составляли единую общность, говорили на одном балто-славянском языке и проживали на юго-восточном побережье Балтийского моря. Впоследствии эта общность распалась на две группы: северную составили балты, южную — прото-славяне. За одно-два столетия до начала нашей эры протославяне полностью смешались со скифским населением. В результате скрещения появилась новая этническая единица — славяне. Этим и объясняется то, что древние авторы ничего не сообщают о славянах до нашей эры, их еще тогда не было.

В основе гипотезы А.И.Соболевского лежит важное фонетическое явление, охватившее древний общеславянский язык (изменение индоевропейского согласного *s* в *sh*). Следы скифов исследователь отыскивает в славянской и русской лексике, топонимике и этнографии. Итогом его построений было заключение, что общеславянский язык представляет собой соединение двух языков. Один из них (язык *C*) близок к балтийскому и составлял с ним некогда единое целое, второй (язык *X*) принадлежал к иранской ветви, составляя одно из наречий скифского языка.

Критический анализ гипотезы А.И.Соболевского был сделан А.А.Погодиным (101).

Известный немецкий археолог Г.Коссинна (1858—1931 гг.) специально проблемой славянского этногенеза не занимался. Однако им впервые в европейской науке были широко использованы археологические материалы для этногенетических построений, что сказалось и на изучении начальной истории славян. Вслед за О.Монтелиусом Г.Коссинна стал активно пользоваться ретроспективным методом, утверждая, что при этом возможно проследить корни поздних археологических культур в более ранних и, таким образом, перенести названия известных исторических народов на далекие доисторические культуры. Этим методом можно осветить древние, темные времена ретроспективно, идя от ясной современности или от тоже

древних, но обладающих богатыми историческими источниками эпох (102).

Несколько работ Г.Коссинна посвятил этногенезу германцев (103). Он утверждал, что прагерманцы сформировались на индоевропейской прародине в Северной Европе. Из этой прародины происходило расселение индоевропейских племен на широкие пространства Евразии, германцы же остались на прежних местах жительства.

Свои этногенетические построения этот исследователь начинает с римского времени, когда о германских племенах пишут многие авторы. Г.Коссинна все названные Тацитом германские племена попытался идентифицировать с синхронными археологическими культурами и далее ретроспективным путем через латенское и более раннее время проследить историю германцев вплоть до неолита, когда это было одно из племенных образований индоевропейцев.

Восстанавливая этническую карту Европы конца бронзового века, Г.Коссинна считал, что южными соседями германцев были кельты, а восточными — иллирийцы, которые идентифицировались с населением лужицкой культуры. Что касается славян, то, согласно представлениям этого исследователя, они издревле обитали в Припятском Полесье и только после 375 г. н.э., когда нашествие азиатских племен вызвало отлив германцев на запад и юг, они стали быстро и активно расселяться и вскоре освоили земли до Эльбы, заняли Балканы и Адриатику.

Авторитет Г.Коссинны в европейской доистории был огромным. Его концепция в течение некоторого времени сказывалась и на освещении славянского этногенеза. Многие немецкие ученые, в том числе и такие крупные археологи, как В.Ла Бом, М.Ян, Э.Блюме, Б.Рихтхоффен, Э.Петерсен, работали под воздействием школы Коссинны.

Припятско-среднеднепровскую прародину славян попытался аргументировать известный филолог-славист М.Фасмер (104). Им были проанализированы лингвистические и топонимические данные. Языковые материалы дали основания говорить, что ближайшими соседями праславян были балты и иранцы, причем эти этносы были разделены славянской территорией, а балты, в свою очередь, разграничивали славян и финнов. Древние языковые контакты славян с германцами и кельтами при этом отрицались.

Анализ водных названий западноевропейских земель выявил древние ареалы кельтов, германцев, иллирийцев и фракийцев, после чего славянам не осталось здесь места. Все это, по мнению М.Фасмера, указывает на локализацию славянской прародины в бассейнах Припяти и среднего течения Днепра, где выявляется несколько десятков рек со славянскими названиями. Исследователь полагал, что на этой территории славянский язык выделился из балто-славянского и начал самостоятельное развитие. Общеславянский период определялся М.Фасмером периодом между 400 г. до н.э. и 400 г. н.э., а балто-славянское единство относилось к предшествующему времени.

1. В научной литературе имеются и утверждения, что этноним «вене-ды» является древним именем славян (Gofar Z. Veneti/Venedi—the Oldest Name of the Slavs // The Journal of Indo-European Studies. 1975. 3. P. 326-336).
2. Геродот упоминает племя енетов (Геродот. История в девяти книгах. Л., 1972. С. 240, 241). Некоторые исследователи высказывали догадку, что ене-ты — искаженное имя венетов и в этой связи отождествляли их со славянами. Однако из текста Геродота вполне очевидно, что речь здесь идет не о венедах Европейской Сарматии, а о венетах — народности, жившей в Северной Адриатике.
3. Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1991. Т. 1. С. 25.
4. Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Л., 1969. Т. 1. С. 372, 373.
5. Клавдий Птолемей. Географическое руководство // Латышев В.В. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. СПб., 1893. Т. 1, Вып. 1. С. 231.
6. Die Peutingerische Tafel oder Weltkarte des Castorius, mit kurzer Erklärung, 18 Kartenskizzen der überlieferten römischen Reisewege aller Länder und der 4 Meter langer Karte in Facsimile neu hrsg. von K. Miller. Stuttgart, 1916.
7. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Getica. Вступительная статья, перевод, комментарий

- Е.Ч.Скржинской. М., 1960. С. 219.
8. Łowmiański H. Początki Polski. Warszawa, 1964. Т. 1. С. 183; Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 13.
9. Иордан. О происхождении и действиях гетов...
10. Там же. С. 71, 72, 90.
11. Там же. С. 71.
12. Повесть временных лет. М.; Л., 1950. С. 11.
13. Boguchwał. Chronica Polonica // Monumenta Poloniae Historica. Nov. ser. Kraków, 1952. Т. 2.
14. Magistri Vincentii episcopi cracoviensis Chronica Polonorum sive origine regum et principum Poloniae // Monumenta Poloniae Historica. Kraków, 1952. Т. 2.
15. Fontes rerum Bohemicarum. Praha, 1884. D.III, С. 1.
16. Там же. Praha, 1893. D. V.
17. Johannis Dlugossii. Historiae Polonicae. Cracoviae, 1873.
18. Ravennatis Anonimi Cosmographia et Guidonis Geographica. Berolini, 1962.
19. Dubravius J. Historia regni Boemiae. Praha, 1552.
20. Callimachi Vita Gregorii Sanoc (Wiszniewski) // Pomniki historyi i literatury Polski. Т. IV.
21. Cromer M. Polonia: sive de origine et rebus gestis Polonorum. Basel, 1562.
22. Monumenta Poloniae Historica. Kraków, 1952. Т. 2.
23. De origine generis et nominis polonici dialogus. 1580.
24. Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Żmudzka, Wszystkiej Rusi. Warszawa, 1846.
25. Krantz A. Wandalia, in qui de Wandalorum populis et eorum partio solo ac in Italian, Galliam, Hispanias, Aphriam et Dalmatiam migratione etc. Colon, 1519.
26. Monumenta Poloniae Historica. Kraków, 1952. Т. 2.
27. Cronica Polonorum. Т. 2.
28. Commentariorum de rebus, quae temporibus ejus in illa Europae parte, quam Pannonii et Turcae eorumque finitimi incolunt, gestae sunt, libri undecum. 1603.
29. Полное собрание русских летописей. СПб., 1908—1913. Т. 21. Ч. 1—2.
30. Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. М., 1888. С. 59.
31. Orbini Mavro. Il regno degli Slavi, hoggi corrotamente detti Sclaveni. Pesaro, 1601.
32. Книга историография початия имене, славы и расширения народа славянского, и их царей и владетелей под многими именами и со многими царствиями, королевствами и провинциями. Собрана из многих книг исторических через господина Мавроурбина, архиепископа Рагужского, в которой описуется початие и дела всех народов бывших языка славянского и единого отечества, хоте ныне во многих царствиях разсеялись, через многие войны, которые имели в Европе, во Азии и во Африке. Расширения их империи и древних обычаев, в разных временах, и познание веры Христа Спасителя под многими владетелями. Переведена со италианского на российский язык и напечатана повелением и во время счастливого владения Петра Великого, Императора и Самодержца Всероссийского. 1722.

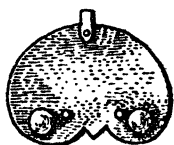
33. Schlözer A.-L. Allgemeine Welthistorie. XXXI. Allgemeine nordische Geschichte. Halle, 1771.
34. Шлецер Х.А. О происхождении словен вообще и в особенности словен российских. М., 1810.
35. Gatterer I.H. De Slavorum origine Getica sive Dacica. Gottingae, 1793.
36. Katančić P. Specimen philologiae et geographiae Pannoniorum. Zagrabiac, 1795.
37. Anton K.G. Geschichte der deutschen Nation. Leipzig, 1793. Teil I; Idem. Erste Linien eines Versuchen über die alten Slaven Ursprung, Sitten etc. Leipzig, 1783—1789.
38. Matyáš Jan ze Sudetů. De origine Bohemorum et Slavorum. Lipsiae, 1615.
39. Leibniz G.W. Brevis delineatio meditationum de originibus gentium ductis potissimum ex indicio linguarum. Berlin, 1710.
40. Dictionarium Septem diversarum linguarum. Praha, 1605.
41. Cluver F. Germaniae antiquae libri tres. 1631.
42. Jordan J.Chr. De originibus slavicus opus chronologico-geographico-historicum. Vindobonae, 1745.
43. Синопис или краткое собрание от разных летописцев о начале славяно-российского народа. Киев, 1674.
44. Ядро Российской империи. 1715.
45. Ломоносов М.В. Древняя Российская история. СПб., 1766.
46. Татищев В.Н. История российская. М.;Л., 1962. Т. 1.
47. Рачи И. История разных славянских народов, наипаче болгар, хорватов, сербов из тени забвения изытая и во свет исторический. Виенна, 1794. Ч. 1.
48. Potocki I. Chroniques, mémoires et recherches pour servir à l'histoire de tous les peuples slaves. Warszawa, 1793; Idem. Voyage dans quelques parties de la Basse-Saxe pour la recherche des antiquités slaves ou Vendées fait en 1793. Hambourg, 1795; Idem. Fragments historiques et géographiques sur la Scythie, Sarmatie et les Slaves recueillis et commentés par le comte J.Potocki. Brunswic, 1796.
49. Potocki I. Histoire primitive des peuples de la Russie avec une exposition complète de toutes les notions locales, nationales et traditionnelles, nécessaires à l'intelligence du quatrième livre d'Hérodote. St. Petersburg, 1802.
50. Zeuss K. Deutschen und die Nachbarstämme. München, 1837.
51. Dobrovsky J. Über die Bergräbniss der alten Slaven überhaupt und Boehmen ins besondere. 1786; Idem. Über den Ursprung und die Bildung des Slavischen Sprache. 1791.
52. Dobrovsky J. Geschichte der bohemischen Sprache und älteren Literatur. 1818.
53. Chodakowski Z.D. O Słowiańszczyźnie przed chrześcijaństwem // Ćwiczenia naukowe. Krzemieniec, 1818. T. 2.
54. Surowiecki W. Sledzenie początku narodów słowiańskich. Warszawa, 1824.
55. Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1989. Т. 1. С. 31—46.
56. Šafařík P. Slovanské starožitnosti. Praha, 1837; Шафарик П.И. Славянские древности. М., 1837. Т. 1.
57. Majewski W.S. O Słowianach i ich pobratymach. Warszawa, 1816; Rohusz-Siestrzeńcewicz. Recherches historiques sur l'origine des Sarmates,

- des Esclaves et des Slaves. St. Petersburg, 1812.
58. Bopp F. Vergleichende Grammatik des Sanskrit. Berlin, 1833.
59. Miklosich Fr. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. Vienne, 1852—1875. Bd. I—IV; Idem. Etimologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. 1886.
60. Schleicher A. Die deutsche Sprache. Berlin, 1860; Idem. Kurzer Abriss der Geschichte der slavischen Sprache. Leipzig, 1858; Шлейхер А. Краткий очерк доисторической жизни северо-восточного отдела индоевропейских языков. СПб., 1865.
61. Будилович А. Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным. Исследования в области лингвистической палеонтологии славян. Киев, 1878—1882. Ч. I—II.
62. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1888. Т. I. С. 74—119.
63. Kauffuss R.S. Die Slaven in den ältesten Zeiten bis Same. Berlin, 1842.
64. Bielowski A. Wstęp krytyczny do dziejów Polski. Lwów, 1850.
65. Lelewel. Narody na ziemiach słowiańskich. Poznań, 1853; Contzen L. Die Wanderungen der Kelten. Leipzig, 1861.
66. Rački. Nacit jugoslovenskikh povjestij do IX stoljetia. 1857.
67. Cuno I. G. Forschungen im Gebiete der alten Völkerkunde. T. I. Skythen. Berlin, 1871; Hellwald. Die Ethnologie der Balkanländer. 1872; Sakciński I.K. Pannonija rimska. Rad jugoslovenski Akademi. 1873. XXI-II; Ferstenjak D. Slovanskina v romanskini. Celovec, 1878; Sasunek F. Záhady dejepisné. Praha, 1886—1888.
68. Самоквасов Д.Я. История русского права. Варшава, 1888; Он же. О происхождении кладов римских монет в землях древних руссов и ляхов // Труды VIII Археологического съезда. М., 1897. Т. III.
69. Леопардов Н. О начале Славяно-Руси со стороны историко-археологической. Киев, 1892.
70. Zaborowski M. Les Slaves de race et leurs origines // Bulletin et mémoires de la société d'anthropologie de Paris. 1900; Idem. Origine des slaves // Bulletin et mémoires de la société d'anthropologie de Paris. 1904; Idem. L'autochtonisme des slaves en Europe, ses premiers defenseurs // Revue de école d'anthropologie de Paris. 1905. Т. 15.
71. Sembera A. Západní Slované v pravěku. Ve Vindí, 1868.
72. Первольф И. Очерк истории славян до XVIII в. Варшава, 1886.
73. Первольф И. Славянская взаимность с древнейших времен до XVIII в. СПб., 1874.
74. Бодянский О.М. Славянские древности. Без года и места издания.
75. Воцель Я.Э. Древнейшая бытовая история славян вообще и чехов в особенности. Киев, 1875.
76. Некрасов А.А. Место первоначального обособления славян. Казань, 1879.
77. Григорович В.И. Славянские древности. Варшава, 1882.
78. Риттих А.Ф. Славянский мир. Историко-географическое и этнографическое исследование. Варшава, 1885.
79. Флоринский В.М. Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни. Опыт славянской археологии Томск, 1894. Т. I.

80. Maretić T. Slaveni u davnini. Zagreb, 1889.
81. Kollar J. Starohetlia slovjanská. Ve Vindi, 1853.
82. Классен. Новые материалы для древнейшей истории славян. М., 1854.
83. Чертков. О языке пелазгов, населявших Италию и сравнение его с древнеславянским. М., 1855.
84. Obermüller. Urgeschichte der Wenden. Berlin, 1874; Rhamm K. Über den Ursprung der Slawen // Globus. 1897.
85. Хойновский И.А. Краткие археологические сведения о предках славян и Руси и опись древностей, собранных мною с объяснениями и XX таблицами рисунков. Киев, 1896.
86. Wankel H. Beitrag zur Geschichte der Slawen in Europa. Olmütz, 1885.
87. Pič J.L. Archaeologický výzkum ve středních Čechách podniknuty r. 1889-1890. Praha, 1893; Idem. Starožitnosti zeme česke. Praha, 1905. R. II; Idem. Die Urnengräber Böhmens. Leipzig, 1907.
88. Niederle L. Slovanské starožitnosti. Praha, 1902—1919. D. I—III; Idem. Život starých slovánů. Praha, 1911—1925. D. I—III.
89. Niederle L. Manuel de antiquité slave. Paris, 1923—1926. T. I—II; Idem. Rukověť slovanské archeologie. Praha, 1931; Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956.
90. Szulek B. Pogled iz biljarstva u praviem slavenach // Rad Jugoslavskoj Akademii. 1877. XXXIX. S. 1—64.
91. Rostafinski J. О pierwotnych siedzibach i gospodarstwie Słowian w przedhistorycznych czasach // Sprawozdania Akademii Umiejętno-
- ści. Kraków, 1908. XII. S. 6—25.
92. Brückner A. Zur Geschichte der Buchenbenennung // Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen. 1913. XLVI. S. 193—197.
93. Peisker J. Die älteren Beziehungen der Slawen zu Turkotataren und Germanen. Berlin; Stuttgart, 1905; Idem. The Expansion of the Slavs // Cambridge Medieval History. 1914. V. II.
94. Погодин А.А. Из истории славянских передвижений. СПб., 1901.
95. Погодин А.А. Лекции по славянским древностям. Харьков, 1910.
96. Rozwadowski J. Ze studiów nad nazwami rzek słowiańskich. Lwów, 1910; Idem. Kilka uwag do przedhistorycznych stosunków Europy wschodniej na podstawie nazw wód // Rocznik słowistyczny. 1914. VI; Idem. Studia nad nazwami wód słowiańskich. Kraków, 1948.
97. Шахматов А.А. К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1899. CCCXXII. С. 324—384; Он же. Очерк древнейшего периода истории русского языка // Энциклопедия славянской филологии. Пг., 1916; Он же. Введение в курс истории русского языка. Пг., 1916; Он же. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919.
98. Schachmatow A.A. Zu ältesten slavisch-keltischen Beziehungen // Archiv für slavische Philologie. Berlin, 1912. Bd. XXXIII. S. 51—99.
99. Бузук П.А. Взгляды академика Шахматова на доисторические судьбы славянства // Известия Отделения русского языка и сло-

- весности Академии наук. 1921. Т. XXII, кн. 2. С. 150^а—179; Ильинский Г.А. Проблема праславянской прародины в научном освещении А.А.Шахматова // Там же. 1922. Т. XXV. С. 419—436.
100. Соболевский А.И. Русско-скифские этюды // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. 1921.Т. XXVI. С. 1—44; Он же. Славяно-скифские этюды // Там же. 1922. Т. XXVII. С. 252-332.
101. Погодин А.Л. Теория академика А.И.Соболевского о двояком происхождении славянского племени // Slavia. Praha, 1930—1931. Т. IX.
102. Kossinna G. Die Herkunft der Germanen. Zur Methode der Siedlungsarchäologie. Würzburg, 1912.
103. Кроме вышеназванной книги можно указать: Kossinna G. Zur älteren Bronzezeit Mitteleuropas. Berlin, 1912; Idem. Die deutsche Vorgeschichte, eine hervorragend nationale Wissenschaft. Würzburg, 1913; Idem. Ursprung und Verbreitung der Germanen in vor- und frühgeschichtlicher Zeit. Leipzig, 1927; Idem. Die Indogermanen. Berlin, 1932.
104. Vasmer M. Die Urheimat der Slawen // Der ostdeutsche Volksboden. Breslau, 1926. S. 118—143.

Славяне в Среднем Поволжье в середине I тысячелетия н.э.

В середине I тыс. н.э. в Среднем Поволжье и смежных землях Западного Приуралья расселяется большой массив нового населения, оставившего памятники именьковской культуры (1). Это довольно однородная культура с устойчивыми традициями земледельческо-скотоводческого хозяйствования, не имеющая местных корней. Именьковское население заняло наиболее плодородные земли, до этого пустовавшие некоторое время. По мере роста народонаселения и расширения территории обитания носители именьковской культуры вытеснили из правобережных районов Нижнего Прикамья азелинские племена. Наиболее поздние азелинские древности в именьковском ареале определяются концом IV в.

Общий ареал рассматриваемой культуры обширен — от нижней Камы на севере до Самарской луки на юге и от среднего течения Суры на западе до реки Ик на востоке (рис. 2). К настоящему времени выявлено свыше 600 именьковских памятников — селищ, городищ и грунтовых могильников.

Основные массы именьковского населения проживали на открытых поселениях, площадь которых колеблется от 5 до 50 и более тысяч кв.м. Преобладают крупные селища площадью свыше 20 тысяч кв.м, имеются немногочисленные поселения, достигающие 200—240 тысяч кв.м. Устраивались поселения на краях высоких надлуговых террас, иногда на мысах между оврагами. Распространенными были и укрепленные селения.

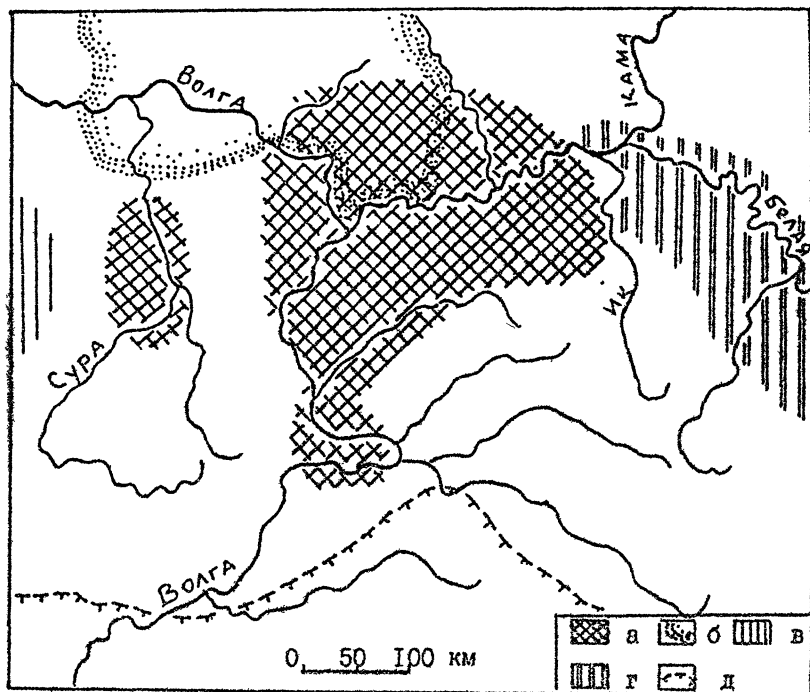

Рис. 2. Именьковская культура и ее окружение
а — ареал именьковской культуры; б — ареал азелинской культуры; в — расселение мордвы в VI—VII вв.; г — ареал кушнаренковской культуры; д — приблизительная северная граница расселения кочевых тюркских племен

Для их устройства выбирались высокие мысовые площадки между оврагами или в излучинах рек. Нередко использовались и заброшенные городища, оставленные прежним населением. Площади именьковских городищ не превышают 5 тысяч кв.м., есть, правда, единичные и более крупные укрепленные селения. Система оборонительных сооружений была несложной. Это земляные валы, возводимые, как показали раскопки, на деревянных конструкциях, и рвы. В конструкцию валов входили и обожженные слои глины. У большинства городищ имеется по одному валу и рву, устроенным с напольной стороны. Редкие городища имеют по два-три вала с напольной стороны, а некоторые и дополнительный вал в мысовой части.

Именьковские поселения часто образуют небольшие группы, состоящие из городища и нескольких селищ. Однако внутри именьковского ареала есть крупные регионы, где городищ вообще не известно.

Жилища именьковского населения — слегка опущенные в грунт прямоугольные в плане строения столбовой конструкции. Известны и квадратные полуземлянки со срубными стенами, с центральным опорным столбом или без такового. Отапливались жилища очагами, представляющими собой или глинобитные площадки, или воронкообразные углубления, иногда обмазанные глиной.

Интересные материалы по домостроительству дали раскопки Старо-Майнского городища, расположенного на мысу надпойменной террасы р. Майна, недалеко от ее впадения в Волгу, в 6 км от пос. Старая Майна Ульяновской обл. Городище размывается Куйбышевским водохранилищем, размеры сохранившейся части 280×180 м. Раскопками Г.И.Матвеевой исследовано 13 именьковских жилищ и множество хозяйственных ям (2). Жилые постройки располагались более или менее правильными рядами параллельно валам и берегу реки и принадлежали одному строительному периоду, датируемому по вещевым находкам от середины V до конца VI в.

Выделяется два типа жилищ. К первому относятся квадратные в плане полуземлянки со стенами срубной конструкции. Размеры их котлованов — от $3,8 \times 3,4$ до 8×8 м, глубина $0,4-0,7$ м. В двух постройках выявлены остатки разрушенных очагов, в третьей в одном из углов открыт развал печи-каменки. На дне котлованов имелись ямы для хранения припасов. Раскопками определено, что кровля одного из жилищ была четырехскатной.

Жилые постройки второго типа — слабо углубленные в грунт каркасно-столбовые дома. Самое крупное строение имело размеры $22,9 \times 4,4-4,6$ м, глубина котлована $0,2-0,5$ м. Двумя перегородками эта постройка была разделена на три помещения, в каждом из которых находились очаги. На дне котлована жилища имелись хозяйственные ямы, имевшие деревянные крышки. Перекрытие постройки было двускатным. Другие жилища каркасно-столбовой конструкции имели размеры от $9,7 \times 4,4$ до $12,6 \times 5,5$ м. В наиболее крупном из них выявлено три очага, один из которых был обложен известняковыми камнями.

На именьковских поселениях вне жилищ встречается обычно много хозяйственных ям, среди которых есть ямы-кладовки грушевидной или цилиндро-конической формы. Стенки некоторых из них обмазывались глиной или обшивались деревом.

Именьковские могильники — бескурганные кладбища, содержащие по несколько десятков захоронений (3). Все они совершались по довольно одинаковому обряду. Умерших сжигали на стороне, остатки кремации, собранные с погребального костра, рассыпали по дну могильной ямы или помещали кучкой. Среди остатков сожжения иногда встречаются отдельные вещи: украшения, принадлежности одежды, орудия труда (железные ножи, шилья, глиняные пряслица). В могильные ямы, кроме того, обычно ставились глиняные сосуды (от одного до семи). Судя по наиболее исследованным памятникам, могильные ямы были преимущественно овальными, размерами 60—100 x 50—80 см, дно их уплощено. Встречаются и подчетырехугольные ямы с чашевидными днищами.

Основная масса глиняной посуды именьковской культуры изготовлена ручным способом без помощи гончарного круга, но есть немало и круговой керамики. По характеру обработки поверхности сосудов выделяются две группы. Первую составляют сосуды с неровной бугристой поверхностью, иногда со следами небрежного сглаживания, подмазки или зачистки. В глиняном тесте сосудов первой группы присутствует крупный шамот с песком. Вторую группу образуют сосуды с аккуратно обработанной поверхностью, иногда лощеной. Тесто их содержит мелкие кусочки шамота и песок.

Преобладают горшковидные сосуды. Среди них наибольшее распространение имели горшки с округло-биконическим туловом и цилиндрическим или раструбообразным горлом (рис. 3). Встречаются также миски, небольшие баночные усеченно-конические сосудики и глиняные диски диаметрами от 16 до 36 см с бортиками или без них. В подавляющем большинстве именьковская керамика не орнаментирована. Лишь изредка встречаются горшки, миски и диски с узором в виде насечек, пальцевых зацепов или ямочных вдавлений.

На памятниках именьковской культуры встречено несколько десятков миниатюрных фигурок, изготовленных из сырой глины и обожженных. Поверхность их заглажена пальцами. В

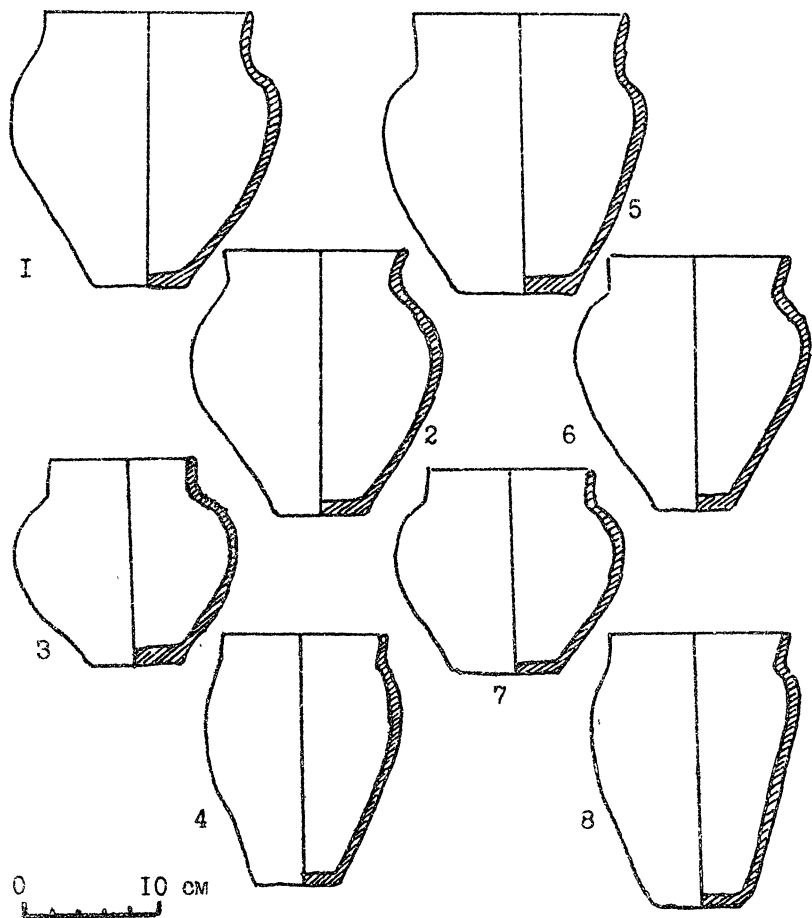

Рис. 3. Основные формы горшков именьковской (1—4) и во-
лынцевской (5—8) культур

1 — II Рождественский могильник; 2—4 — IV Маклашеевский
могильник; 5,6 — Новотроицкое; 7 — Сосница; 8 — Олошня

большинстве это скульптурные изображения домашних живот-
ных, главным образом, лошадей, но есть и фигурки человека.

Вещные находки именьковск ой культуры весьма многооб-
разны. Прежде всего, это орудия труда, связанные с земледе-
нием: железные паральники, серпы, косы-горбуши, мотыжки,

каменные жернова. Из предметов, связанных со скотоводством, встречены железные удила и подпружные костяные пряжки. Орудия рыболовства представлены железными крючками, каменными и глиняными грузилами. Довольно часты находки железных ножей и узколезвийных проушных топоров. Имеются также железные долота, молотки, шарнирные клещи, зубило, струг, напильник и бронзовые пинцеты.

На Маклашеевском II городище и на селищах Рождественском IV и Кармалы раскопками изучены остатки сыродутных горнов (4). Металлографический анализ изделий показал, что значительная часть их изготавливалась с применением стали. Именьковские кузнецы, очевидно, работали не только на свою общину, но и на более широкую округу. На Щербетском I селище при раскопках обнаружен клад из более чем трех десятков новых железных топоров, очевидно, предназначенных для широкого распространения.

О развитии бронзолитейного ремесла говорят находки на поселениях тиглей, льячек, литейных формочек, бронзовых шлаков и готовых изделий. На упомянутом Щербетском поселении исследованы остатки двух меднолитейных мастерских с очагами и находками тиглей. Вблизи открыт клад латунных слитков. Среди находок из цветных металлов на именьковских памятниках имеются височные кольца, согнутые из тонкой проволоки; посоховидные булавки; треугольные подвески с орнаментами, нанесенными техникой чеканки; поясные пряжки и накладки; бляшки; пластинчатые сердцевидные привески; браслеты; шейные гривны и сюльгамы.

Весьма распространенными находками являются глиняные пряслица усеченно-конической, цилиндрической или линзовидной формы. Из глины изготавливались также бусы.

На ряде поселений встречены сасанидские монеты второй половины VI--VII вв. К импортным предметам принадлежат хаццононовые и сердоликовые бусы.

Основным оружием именьковского населения, по-видимому, был лук со стрелами. Наконечники стрел (железные и костяные разных типов) найдены на многих поселениях. Встречены также костяные заполированные пластины с нарезкой по краю — накладки сложных луков. Другим видом оружия были копья со втулками. На двух памятниках найдены обрывки кольчуг.

Ведущая роль в экономике именьковского населения принадлежала земледелию. Преобладающей культурой было просо. Широко распространены были также посевы пшеницы, полбы, ячменя, ржи, овса и гороха. Анализ остеологических материалов говорит о распространенности в домашнем хозяйстве лошадей, крупного и мелкого рогатого скота и свиней. Кости охотничьих животных на разных поселениях составляли от 6,4 до 26,1 процента.

На первых порах изучения именьковской культуры исследователями было высказано несколько догадок относительно ее происхождения и этнической атрибуции. Мысль об эволюции именьковской культуры из позднегогородской впервые содержалась в работах Н.Ф.Калинина 50-х гг. Ее поддержали А.П.Смирнов, В.Ф.Генинг и другие исследователи (5). Н.Ф.Калинин полагал, что носителями именьковской культуры были буртасы, известные по более поздним письменным источникам, которых он относил к финноязычным племенам. П.Д.Степанов связывал памятники рассматриваемой культуры с уграми-мадьярами, задержавшимися на некоторое время на пути с Южного Урала на запад (6).

В.Ф.Генингу принадлежит гипотеза о сибирском происхождении именьковского населения и его тюркской атрибуции (7). Мнения о тюркской принадлежности этих племен придерживался первоначально и А.Х.Халиков (8). П.Н.Старостин видел в основе именьковской культуры два компонента — местный, азеино-пьяноборский (финно-угорский) и пришлый из Приуралья и Западной Сибири (тюркский). Он полагал, что азелинское население в ареале именьковской культуры было ассимилировано пришельцами (9). А.П.Смирнов, обратив внимание на сходство обрядности и керамики одного из именьковских могильников — Рождественского — с волынцевскими древностями Среднего Поднепровья, высказал предположение о сложении рассматриваемой культуры в условиях взаимодействия городецкого и пьяноборского населения Волго-Камья с пришлым славянским населением из Днепровского лесостепного левобережья (10).

Дальнейшее изучение памятников именьковской культуры показало, что ни одна из предложенных гипотез о ее происхождении не подтверждается фактическими данными. Собранные к настоящему времени материалы показывают, что основа

именьковской культуры формировалась на базе культур «полей погребений» Днепроовского региона. Г.И.Матвеева указала на значительное сходство основных элементов рассматриваемой культуры с зарубинецкими древностями. Совпадают почти все важнейшие элементы, свойственные названным культурам. Поэтому вывод этой исследовательницы о формировании имениковской культуры в условиях переселения постзарубинецкого населения на среднюю Волгу (11) представляется достаточно авторитетным. Новейшие археологические работы по изучению имениковских памятников, правда, существенно уточняют это положение. Они дают основания говорить о многоэтапной миграции днепровского населения.

В Самарском Поволжье открыты и изучаются памятники предыменьковских этапов. Это древности славкинского и лбищенского типов. Памятники славкинского типа получили название по одному из первых обследованных поселений у с. Славкино Сергиевского р-на Самарской обл. Ныне известно уже более двух десятков подобных поселений (12). Их культура не имеет местных корней. Предпринятые Г.И.Матвеевой поиски прототипов глиняной посуды славкинского типа выявили заметное сходство с пшеворской керамикой Вольни и Поднестровья (13). С пшеворскими древностями сопоставимы и другие элементы памятников славкинского типа. Прямоугольные жилища с опущенным в грунт полом Славкинского селища находят параллели в домостроительстве пшеворской культуры. Почти полное совпадение наблюдается при анализе славкинских и пшеворских пряслиц. Такая близость рассматриваемых древностей может быть объяснена только миграцией какой-то группы пшеворского населения в Самарское Поволжье. Время этого переселения пока определить затруднительно, поскольку датированных находок на памятниках славкинского типа не обнаружено. Пшеворское поселение Подберезцы, с материалами которого Г.И.Матвеева сопоставляет славкинские древности, датируется I—III вв. н.э.

В III—IV вв. в Самарском Поволжье получают распространение поселения лбищенского типа, получившие название по городищу Лбище (Ставропольский р-н Самарской обл.). И опять-таки материалы, полученные при раскопках этого памятника, находят многие аналогии в древностях пшеворской, черняхов-

ской и постзарубинецкой культур. Керамический материал лбищенских памятников включает горшки, миски, воронкообразные крышки и диски, служившие лепешницами-сковородками. Одни типы горшкообразных сосудов находят аналогии среди лепной посуды черняховской культуры, другие сопоставимы с зарубинецкой керамикой. Разнообразные миски лбищенских памятников имеют прототипы среди посуды пшеворской культуры. Диски-лепешницы тождественны пшеворским и зарубинецким, воронкообразные крышки сопоставимы с черняховскими и зарубинецкими. Ряд вещей из материалов городища Лбище (двучленная, прогнутая подвязная фибула конца IV в., бронзовые пряжки с полуовальной рамкой и несомкнутыми концами, браслет с утолщенными концами) имеют аналогии в древностях тех же западных культур — пшеворской и черняховской. Вполне очевидно, что появление поселений лбищенского типа обусловлено новой волной миграции населения из южнорусских земель. Определить, из какого конкретного региона шло движение населения, не представляется возможным. Весь облик лбищенских древностей, кажется, свидетельствует о культурной неоднородности переселенцев. По всей вероятности, миграция осуществлялась из одного или нескольких регионов, в которых имело место смешение черняховского населения с пшеворским и постзарубинецким.

Наконец, третья, наиболее мощная волна миграции привела к сложению именьковской культуры. Именно в это время в связи с гуннским нашествием в Северном Причерноморье прекращают существование черняховская и пшеворская культуры. Нужно полагать, что образование именьковской культуры связано с этим историческим событием. Отлив населения из черняховско-пшеворского ареала в это время несомненно был. Погребальный обряд, домостроительство и глиняная посуда именьковской культуры явно свидетельствуют о западном происхождении ее носителей. Исследователи именьковских древностей обнаруживают все новые и новые черты их сходства с элементами черняховской культуры (14). В формировании именьковской культуры, помимо переселенцев из черняховско-пшеворского ареала, приняло участие и население, оставившее памятники славкинского и лбищенского типов. По всей вероятности, эти группы племен принадлежали к единому этносу, были родственны по языку.

Н.П.Салугина произвела технико-технологические анализы глиняной посуды из городища Лбище и ряда памятников именьковской культуры (15). Облик именьковского населения определяют уже сложившиеся культурные традиции, проявляемые как в сфере технологии гончарства, так и в ассортименте глиняной посуды. При этом обнаруживаются компоненты, принимавшие участие в формировании именьковской керамики. Их в основном два — постгородецкий, проявляющийся в сфере конструирования посуды лоскутным комковатым способом с использованием форм-моделей, и лбищенско-зарубинецкий, которому свойственны традиции создания донно-емкостного, мелкого дозлементного спирально-жгутового начина и спирально-жгутового полого тела. К сожалению, сопоставительный анализ технологии именьковской глиняной посуды с соответствующими характеристиками пшеворской и черняховской керамики пока невозможен из-за неизученности последних. Поэтому выводы Н.П.Салугиной следует рассматривать как весьма предварительные.

В этой связи большой интерес вызывает вопрос об этнической принадлежности именьковского населения. А.Х.Халиков, подчеркивая, что в настоящее время все материалы свидетельствуют о сложении основы именьковской культуры на базе племен днепровских культур полей погребений — зарубинецкой и родственной ей, попытался обосновать балтскую атрибуцию именьковцев (16). В пользу этого, по его мнению, говорят три обстоятельства — предполагаемое наличие на территории расселения именьковского населения топонимов балтского происхождения; балтские лексические заимствования, выявляемые в финно-угорских языках, связанных в своей истории с Поволжьем (марийском, мордовском и венгерском), а также в чувашском; балтская атрибуция зарубинецкой культуры.

Предлагаемая А.Х.Халиковым аргументация весьма и весьма спорна, а в ряде случаев не выдерживает критики. Так, все этимологии топонимов именьковского ареала из летто-литовских языков, предложенные им, являются абсолютно недостоверными. Так, название речки Тургаки и села Тургакова никак не являются балтизмами. Литовская лексема *turgas* («базар, рынок»), к которой возводит А.Х.Халиков эти географические названия, является славизмом, восходящим к средневековью.

Недопустимой натяжкой является связь названия реки Улема с балтийским словом *loma* («лог»). Гидроним Шаланга принадлежит к древним водным названиям с формантом -нга, и никак не связан с литовскими лексемами *salenty* «морозить», *salanga* «заморозок». В названиях вод Зия и Свия невозможно видеть балтский гидронимический формант -ея/-ия. Эти названия сопоставимы с североазиатскими гидронимами Зия, Бурей, Алазья и др. В названии реки Брыска трудно видеть литовские лексемы *bagys* «передовой отряд, ватага» или *brisus* «в брод». В целом можно отметить, что эта часть статьи А.Х.Халикова выполнена на уровне донеприкладной ономастики.

Что касается балтизмов в мордовском, марийском и чувашском языках, то здесь совсем не обязательно видеть влияние именьковского населения. Эти этносы и их предки соприкасались с балтскими племенами, расселявшимися на средней Оке и в Волго-Окском междуречье.

Научно обосновать балтскую принадлежность населения зарубинецкой культуры не представляется возможным. Судя по происхождению этой культуры, ее носители в диалектном отношении в равной степени были близки как славянам, так и западным балтам (17). Продвинувшись в Верхнее Поднепровье и на Оку, зарубинецкие племена пополнили балтское население этих земель. Южные группы зарубинецкого населения связаны со славянским компонентом черняховской культуры.

Ныне этническую принадлежность именьковского населения можно выяснить только анализом его последующей истории. Около рубежа VII и VIII вв. именьковская культура прекращает свое существование. Очевидно, основные массы ее носителей покинули средневожские земли.

Именно в это время в левобережной части Среднего Поднепровья расселяется крупный массив нового населения со своей вполне сложившейся культурой — волынцевской (18). Носители ее заняли довольно обширную территорию (рис.4). Ее северные пределы в Подесенье достигают Брянска, на востоке граница распространения волынцевской культуры проходит около Курска, на юге ареал охватывает верхние и средние течения Псла и Ворсклы, на западе граница проходит по Днепру и только в окрестностях Киева волынцевские поселения известны на его правобережье.

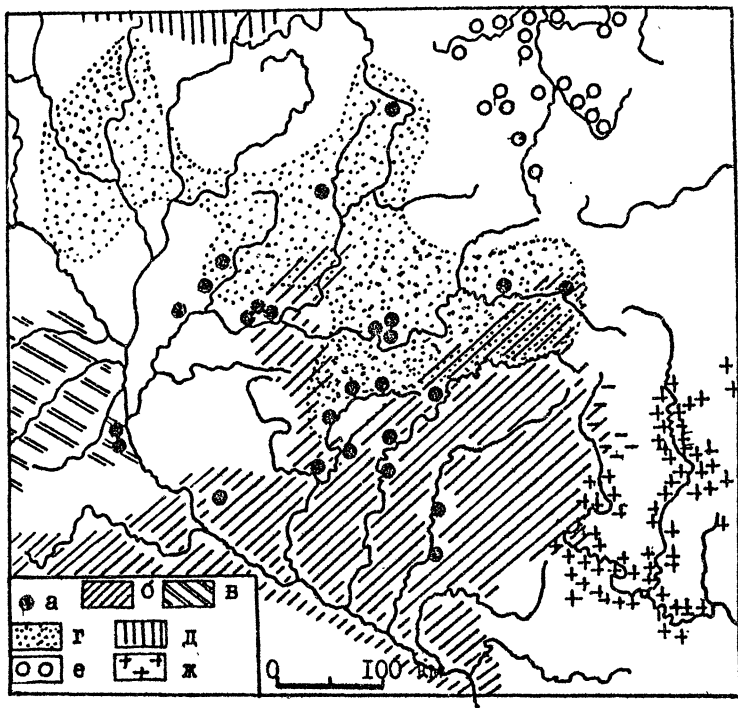

Рис. 4. Распространение памятников волынцевской культуры
 а — памятники волынцевской культуры; б—ж — ареалы соседних культур: б — пеньковской, в — пражско-корчакской, г — колочинской, д — тушемлинских древностей, е — мощинской, ж — салтовской

Население, принесшее волынцевскую культуру, заняло земли, где прежде проживали племена пеньковской и колочинской культур. С носителями колочинской культуры пришлое население, по всей вероятности, не имело тесных контактов. Многие колочинские поселения, судя по исследованиям О.А.Макушникова в белорусской части их ареала, прекращают функционировать в конце VII в. С пеньковским населением носители волынцевской культуры тесно взаимодействуют. На селищах Вовки, Беседовка, Хитцы, Роище, Ходосовка, Обухов II в керамических комплексах волынцевской культуры встречаются пеньковские формы глиняной посуды. В свою очередь, на некоторых пеньковских поселениях (Крещатик) представлены типичные для

волынцевских древностей горшки с вертикальными венчиками (19). Все это, безусловно, свидетельствует не только о контактах пришлого населения с пеньковским, но и о метисации переселенцев с аборигенами. Постепенно пеньковские традиции стираются, волынцевская культура становится на короткое время преобладающей.

В конце VIII в. в Днепровском лесостепном левобережье складывается роменская культура. В ряде элементов она продолжает традиции волынцевской культуры. Не касаясь проблемы происхождения роменской культуры, следует отметить, что генетическая преемственность роменских и волынцевских древностей несомненна и проявляется в основных показателях материальной культуры — домостроительстве и керамическом материале. Полуземляночные жилища волынцевских и роменских поселений абсолютно однотипны, основная форма волынцевской посуды — округлобокие горшки с крутыми плечиками и вертикальным венчиком — продолжает широко бытовать в роменское время. Орнамент в виде оттисков веревочного штампа появляется уже на лепных горшках волынцевской культуры и в роменское время лишь получает более широкое распространение. Все говорит о том, что волынцевская культура трансформировалась в роменскую. Нельзя отрицать, однако, и притока нового населения при сложении роменской культуры, о чем свидетельствуют и ее более широкий ареал, и большее разнообразие керамического материала.

Таким образом, рассмотренная ситуация позволяет полагать, что носителями волынцевских древностей была одна из многих племенных группировок раннесредневекового славянства. Сопоставление же всего комплекса элементов, характеризующих волынцевскую культуру, с именьковскими особенностями вполне определенно говорит о значительном сходстве их, о родственности этих культур. И это может быть объяснено только тем, что волынцевское население Днепровского левобережья пришло из именьковского ареала Среднего Поволжья.

Топография волынцевских поселений абсолютно идентична именьковским. Весьма сходно домостроительство. На волынцевских памятниках обычны такие же, как именьковские, прямоугольные или подквадратные жилища площадью 12—25 кв.м, с опущенным в грунт полом. Значительная часть волынцевских

жилищ имела каркасно-столбовую конструкцию стен, меньшая часть принадлежала к срубным строениям. Отапливались во-лынцевские жилища такими же очагами и глинобитными печами. Различие заключается лишь в том, что в именьковском ареале преобладали очаги, в волынцевской культуре господствовали уже печи. Но это вполне объяснимо: средневожские переселенцы в Среднем Поднепровье встретились и тесно контактировали с местным населением, жилища которого отапливались печами. На поселениях волынцевской культуры обычны, как и на именьковских, колоколовидные или цилиндрические ямы-хранилища, обмазанные глиной, иногда обожженной.

На близость могильников именьковской и волынцевской культур исследователи указывали неоднократно. Именно сопоставление обрядности и глиняной посуды Рождественского могильника именьковской культуры с Волынцевским могильником дало основание А.П.Смирнову говорить о родственности населения Волго-Камского и Среднеднепровского регионов. Новые сравнительные анализы именьковских и волынцевских могильников выявляют тождество почти во всех деталях. Единственным отличием является то, что захоронения именьковской культуры принадлежат к безурновым, в то время как в волынцевских могильниках господствуют урновые трупосожжения. Безурновые захоронения зафиксированы пока только в Сосницком могильнике волынцевской культуры. Это различие вряд ли мешает выводу о происхождении волынцевской культуры из именьковской. Некоторые изменения в обрядности переселенцев в условиях взаимодействия с местным, среднеднепровским населением неизбежны.

Такой массовый материал, как волынцевская глиняная посуда, по своим формам и фактуре теста вполне может быть выведена из именьковской керамики. 60 процентов волынцевской посуды составляют горшки с округло-коническим туловом, высокими плечиками и цилиндрическим или слегка отогнутым венчиком (рис.3). Это наиболее характерная форма керамики именьковской культуры. Миски волынцевских памятников также сопоставимы с именьковскими. Для тех и других древностей свойственны глиняные сковородки. Единственным орнаментом волынцевской керамики, как и именьковской, являются пальцевые вдавления по венчику.

Наконец, можно указать на полную однородность экономики именьковского и волынцевского населения. Волынцевская культура характеризуется тем же земледельческим обликом, что и именьковская, те же орудия сельскохозяйственного труда, такие же ямы-хранилища, одинаковы культивируемые растения. Кости домашних животных на волынцевских памятниках составляют около 80 процентов остеологических материалов.

Таким образом, совокупность данных дает все основания полагать, что появление волынцевского населения в Среднем Поднепровье на рубеже VII и VIII столетий было результатом миграции основной массы именьковцев из Среднего Поволжья. Следовательно, ретроспективно носителей именьковской культуры следует отнести к славянскому этносу.

Следы проживания ранних славян в топонимике Среднего Поволжья вряд ли сохранились. Ведь именьковское население в своей основной массе покинуло эти земли, очевидно, под натиском тюркоязычных приазовских племен. В таких условиях сохранение раннеславянских географических названий в именьковском ареале маловероятно.

Именьковское население, как показывают археологические наблюдения, слабо контактировало со своими северными соседями. Поэтому ощутимых следов раннеславянского влияния в языках средневожских финнов может и не быть. Археологически отчетливо фиксируется взаимодействие именьковского населения с племенами турбаслинской и кушнаренковской культур, обитавшими в западной части Южного Приуралья, в частности в бассейне среднего течения р.Белой.

О проникновении турбаслинского населения в именьковскую среду отчетливо свидетельствуют раскопки Е.П.Казаковым Коминтерновского могильника на нижней Каме. Наряду с захоронениями по обряду кремации здесь открыто 16 труположений. Последние имели подбои, около умерших помещались голова и ноги коней, они сопровождались разнообразным вещевым инвентарем (множество янтарных, стеклянных и коралловых бус, металлические накладки и наконечники поясных ремней, пряжки, костяные орнаментированные накладки и др.). Однако глиняная посуда в этих захоронениях уже типично именьковская. Исследователь памятника датирует его второй половиной VI—VII вв. Вполне очевидно, что могильник остав-

лен смешанным именьковско-турбаслинским населением, но расположен в именьковском ареале. К сожалению, для определения этнической принадлежности носителей турбаслинских древностей надежных данных нет. Одни исследователи считают их тюрками, другие относят к ираноязычным племенам. Если это были иранцы, то можно говорить о некотором иранском компоненте в составе именьковской культуры. Тогда становятся понятными иранские элементы, проявляемые в вольнцевском ареале Днепровского левобережья, а позднее в области расселения северян (20).

Не менее тесные контакты именьковского населения были с носителями кушнареноквских древностей. Наблюдается взаимопроникновение населения: именьковского в кушнареноквский ареал, кушнареноквского в соседние районы именьковской территории. Об этом ярко говорят материалы могильников. Так, в Кушнареноквском могильнике погребения 10 и 29 явно принадлежат именьковцам. Исследователи этого памятника отмечают присутствие в нем ряда вещевых находок, свойственных именьковской культуре. Следями проникновения кушнареноквского населения в именьковскую среду являются отдельные захоронения Ташкирменьского и IV Маклашеевского могильников. Так, на последнем памятнике в двух случаях зафиксированы остатки конских погребений (головы и нижних конечностей) в могильных ямах, типичных для именьковских трупосожжений. В Ташкирменьском могильнике обнаружены немногочисленные трупосожжения, сходные с кушнареноквскими. Они сопровождались орудиями труда, оружием, что несвойственно именьковцам, но глиняная посуда в этих погребениях типично именьковская. В этом могильнике открыта также ниша, устроенная в одном из захоронений, в которой находились череп и кости коня, — особенность, свойственная кушнареноквскому кругу древностей.

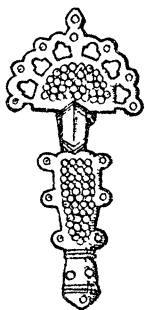
Кушнареноквская культура ныне рассматривается исследователями как протовенгерская. Следовательно, можно говорить о контактах в середине I тыс. н.э. средневожских славян с предками дунайских венгров. Это любопытное наблюдение представляет исключительный интерес, поскольку в науке дискутируется вопрос о возможности интенсивных языковых контактов между ранними славянами и венграми до переселения

последних на средний Дунай (21). Контакты венгров и славян в южнорусских степях не могли быть интенсивными и оставить след в венгерском языке ввиду их непродолжительности. Контакты славян — носителей именьковской культуры и прото-венгров — населения кушнаренковской культуры, о чем говорилось выше, были и интенсивными, и сравнительно продолжительными и могли оставить в словарном фонде венгерского языка заметный пласт славизмов культурного характера.

1. Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры. САИ, вып. Д1-32. М., 1967.
2. Матвеева Г.И. Жилые и хозяйственные постройки Старо-Майнского городища // Археологические исследования в Поволжье. Самара, 1993. С. 156—183; Богачев А.В. Большой дом Старо-Майнского городища // Археологические исследования в лесостепном Поволжье. Самара, 1991.
3. Старостин П.Н. Именьковские могильники // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986. С. 90—104.
4. Семькин Ю.А. О металлургических горнах именьковской культуры // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986. С. 131—136.
5. Калинин Н.Ф. Древнейшее население Татарии // История Татарской АССР. Казань, 1951. Т. 1. С. 60—62; Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Итоги археологических работ за 1945—1952 гг. // Труды Казанского филиала АН СССР. Казань, 1954. С. 59—62; Генинг В.Ф. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Труды Казанского филиала АН СССР. Казань, 1959. С. 208.
6. Степанов П.Д. Памятники угро-мадьярских (венгерских) племен в Среднем Поволжье // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1964. Т. 1. С. 144—147.
7. Генинг В.Ф. К вопросу о продвижении сибирского населения в Западное Приуралье // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961. С. 334—336; Он же. К вопросу об этническом составе населения Башкирии в I тыс. н.э. // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1964. Т. 2. С. 126; Он же. Южное Приуралье в III—VII вв. (проблема этноса и его происхождения) // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972. С. 278—294; Он же. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры. М., 1988. С. 221.
8. Халиков А.Х. Истоки формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов. Казань, 1971. С. 16.

9. Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры... С. 30, 31.
10. Смирнов А.П. Некоторые спорные вопросы истории волжских болгар // Историко-археологический сборник. М., 1962. С. 160—168.
11. Матвеева Г.И. О происхождении именьковской культуры // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981. С. 52—73.
12. Агапов С.А., Пестрикова В.И., Салугина Н.П. Памятники славянского типа в Куйбышевской обл. // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981.
13. Матвеева Г.И. Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в I тысячелетии н.э. // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986. С. 160—162.
14. Казаков Е.П. Новые материалы II—III четверти I тысячелетия нашей эры в Закамье // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986. С. 124.
15. Салугина Н.П. Технология изготовления керамики на городище Лбище (по результатам микроскопического анализа) // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986. С. 105—117; Она же. Некоторые вопросы истории именьковских племен в свет данных технико-технологического анализа керамики // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев, 1988. С. 119—144.
16. Халиков А.Х. К вопросу об этносе именьковских племен // Памятники первобытной эпохи Волго-Камья. Казань, 1988. С. 119—126.
17. Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979. С. 74—78.
18. Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н.э. Киев, 1985. С. 116—125; Археология Украинской ССР. Киев, 1986. Т. III. С. 194—201; Седов В.В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 137—138.
19. Сухобоков О.В. Славяне Днепровского Левобережья (роменская культура и ее предшественники). Киев, 1975. С. 41—57; Горюнов Е.А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л., 1981. С. 90; Юренко С.П. Днепровское лесостепное левобережье в VII—VIII вв. н.э. (волынцевская культура). Киев, 1983; Щеглова О.А. Ранние элементы в керамическом комплексе памятников волынцевского типа // Краткие сообщения Института археологии. 1986. Вып. 187. С. 15—23.
20. Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970. С. 130.
21. Munkácsi, B. A magyar-szláv etnikai érintkezés kezdetei // Ethnographia. Budapest, 1897. T. 8. P. 1—30; Рот А.М. Венгерско-восточнославянские языковые контакты. Будапешт, 1973; Хелимский Е.А. Изучение ранних славяно-венгерских языковых отношений (Материалы и интерпретации. Вопрос о этноязыковых контактах венгров с восточными славянами) // Славяноведение и балканистика в странах Зарубежной Европы и США. М., 1989. С. 184—198.

Славяне в Юго-Восточной Прибалтике

Анализ текста Хроники Ливонии Генриха Латвийского вполне определенно свидетельствует, что упоминаемые в ней венды были одним из этносов средневековой Прибалтики, подобно ливам, куршам, латгалам, эстам, литовцам, тевтонам и т.п. (1).

Вполне очевидно также, что этот исторический источник характеризует последние страницы истории вендов. В скором времени они, очевидно, растворились в латгальской среде и не упоминаются в исторических источниках развитого средневековья. Первоначально, как сообщает Хроника Ливонии, венды жили в Куронии (Курляндии) в бассейне реки Винды (в средневековых памятниках письменности — Wenda, Winda, Venda, Vende, современная Вента), откуда были изгнаны куршами. Какое-то время (еще до основания Риги) венды проживали на Древней Горе (Mons Antiquus), но и оттуда были вытеснены теми же куршами. Многие из них при этом были убиты, остальные бежали к латгалам и расселились среди них. В 1206 г. орденский священник Даниил из области Торейда (современная Турайда), где находился замок одного из старейшин ливов Дабрелы, направился с миссионерской целью к вендам. Он был принят ими доброжелательно и окрестил их (2). Хроника Ливонии не сообщает каких-либо координат расселения вендов в это время. Э.Пабст высказал предположение, что это был регион средневекового Арраша (ныне Арайши) недалеко от Вендена, современного Цесиса (3).

Под 1209 и 1210 годами Генрих Латвийский упоминает Венден — старый замок вендов, где вместе с ними уже проживали братья-рыцари. В 1209 г. магистр рыцарей Бертольд совершил военный поход в Унгавнию (историческая область эстов вокруг городов Оденпэ (ныне Отепя) и Дорпата (Тарту), в котором также участвовали латгалы и венды (4). В 1210 г. войско эстов осаждало замок вендов (*Castorūm Wendorūm*), который вместе с вендами защищали и немецкие рыцари (5). В 1218 г. в Ливонию вторгалось войско новгородцев и псковичей, которое осаждало замок вендов. Хроника сообщает, что венды, защищая крепость, бились целый день, а затем их поддерживали рыцари, и замок не был взят (6). В 1221 г. новгородцы повторили поход в Ливонию и снова подступили к Вендену, который защищали братья-рыцари со своими вендами, но не смогли взять его (7). В новгородской летописи это событие отмечено под 1222 г.: «... идоша новгородци съ Святославом къ Кеси, тако же и Литва приидоша в помочь; и много воеваша, нъ города не взяша.» (8). Кесь — древнерусское название Вендена, образованное от латышского имени города Цесиса.

В 1224 г. где-то вблизи от старого замка вендов крестоносцами был основан и укреплен новый город Венден. В следующем году Ливонию посетил римский легат Вильгельм, приглашенный рижским епископом Альбертом. Он побывал в Вендене и его окрестностях, где, как пишет Генрих Латвийский, было «множество вендов и латгалов, которые уже прочно освоили христианскую веру» (9).

Вполне очевидно, что название города Венден производно от этнонима венды. Эсты называли его Веннолинн, что в переводе означает «город вендов». Старый замок вендов отождествляется некоторыми исследователями с городищем Риекстукалнс „ Цесисе (10). В Хронике Ливонии упоминается еще *Wendeculla* (11), в документе 1388 г. — *Wenedeculle*, то есть в буквальном переводе «деревня (или селение) вендов». Исследователи обычно локализуют это поселение в окрестностях Турайды, где в более поздних источниках упоминаются еще топонимы *Ventas* и *Wending* (12).

Таким образом, есть все основания полагать, что в начале XIII в. остатки вендов проживали в бассейне Гауи в окрестностях Вендена-Цесиса и Турайды. Вместе с тем, не подлежит

сомнению, что первоначальной областью их расселения был регион реки Венты. В источниках под 1253 г. называется «земля Винда» (13), которая надежно локализована была еще А.Биленштейном в низовьях Венты (14). В этой связи допустимо предположение, что венды проживали здесь не только до переселения основной массы их на берега Даугавы, потом Гауи, но и позднее. По-видимому, какая-то часть вендов осталась в низовьях Венты, образуя в XIII в. отдельную небольшую историческую область — «землю Винда». Еще в XIX в. этнографическая группа латышей, проживавшая как раз в этом регионе Северной Курземе, именовалась «вентинами». Очень вероятно, что эта группа латышей сформировалась в условиях ассимиляции остатков средневековых вендов. Сохранились и предания о некогда проживавших здесь вендах-виндах (15).

Большинство исследователей прошлого столетия, основываясь на сходстве этнонима венды с венедами, известными по письменным источникам первой половины I тыс. н.э., склонны были видеть в вендах, описанных Генрихом Латвийским, славян. Хорошо известно, что венедами германцы и прибалтийские финны называли и отчасти именуют и поныне своих соседей-славян.

Но ответить на вопрос, каким образом венеда-славяне оказались в Курляндии, историки ответить не могли. Высказывалось мнение о том, что это была часть балтийских славян, которые в древности могли широко расселиться по побережью Балтийского моря. В пользу такой гипотезы Л.Н.Харузин привлек географические названия Курляндии (Бресляль и другие), которые, по его представлениям, объяснимы из славянских языков и, следовательно, говорят о проживании славян в земле куршей (16).

В 50-х гг. XX в. эту точку зрения на основе исторических, лингвистических и топонимических данных попытался аргументировать Д.К.Зеленин (17). Он полагал, что в латышском языке имеются следы воздействия западных славян, а топонимы, производные от основы «вене», фиксируемые на территории Латвии, определенно говорят о проживании здесь славян. Исследователь допускал, что венды Хроники Ливонии были ветвью западных славян, занимавшей бассейн реки Венты. Последняя, по его мнению, получила название от этнонима «венды». Сле-

дует сразу заметить, что лингвистические изыскания Д.К.Зеленина не встретили поддержки со стороны языковедов.

В те же годы М.В.Витовым в антропологическом строении современного населения западных районов Латвии, в том числе проживавшем в бассейне Венты в окрестностях Вентспилса, выявлен был комплекс признаков, указывающий на участие в генезисе этого населения компонента со средиземноморской примесью. Сопоставление средиземноморских элементов, присутствующих в антропологическом строении населения Курземе, со средиземноморскими особенностями, присущими славянскому населению X—XII вв. Мекленбурга и Поморья, показывает их значительное сходство. Это стало существенным аргументом в пользу древнего проживания славян в бассейне Венты и славянской атрибуции ливонских вендов (18). Эти наблюдения антрополога были использованы рядом исследователей для утверждения о том, что венды Прибалтики были славянами (19).

Параллельно с мнением о славянской принадлежности рассматриваемого этноса другая группа исследователей развивала мысль об иной племенной атрибуции вендов. Так, еще в конце XIX в. А.Биленштейн, отрицая какие-либо следы славянского проживания в топонимии Западной Латвии, полагал, что вендами была названа группа латышского населения, проживавшая в регионе реки Венты. На почве племенной вражды с куршами, которые в то время еще относились исследователями к западнофинским племенам, венты и вынуждены были переселиться к низовьям Даугавы и далее в Латгалию (20).

Я.Эндзелин выявлял в языковых материалах Курземе и Западной Видземе некоторые тождественные элементы и в этой связи высказал предположение о том, что венды Хроники Ливонии были куршами (21). Однако эта точка зрения не была достаточно аргументирована и не получила признания в науке.

Довольно распространенной является гипотеза о прибалтийско-финском происхождении ливонских вендов. Еще в середине XIX в. А.Шегрен причислял их к ливам (22). Латышские археологи Э.Штурмс и Э.Шноре в 30-х гг. XX в. обратили внимание на присутствие в нижнем течении Венты погребальных памятников XI—XIII вв., близких к ливским, что стало одним из аргументов для подкрепления этой гипотезы (23).

Высказывалась и догадка, что венды это — вода, будто бы переселившаяся из Новгородской земли (24).

Гипотеза о ливской атрибуции вендов Северной Курземе, вытесненных из бассейна Венты куршами, была развита археологом Э.С.Мугуревичем (25). Проанализировав археологические материалы трех регионов проживания вендов — Северной Курземе, окрестностей Риги в низовьях Даугавы и округа Вендена-Цесиса, исследователь обратил внимание на наличие в них элементов, присущих средневековой культуре ливов. Это и позволило ему утверждать, что венды сначала составляли какую-то часть курземских ливов, заселявших бассейн Венты и получивших имя от этого гидронима. Под давлением куршей венды-ливы вынуждены были мигрировать к родственным ливам в низовья Даугавы, а затем и в регион Вендена-Цесиса. Недавние раскопки городища Риекстукалис, как было сказано, предположительно отождествляемого с «замком вендов» Хроники Ливонии, дали находки XII — XIII вв. ливского облика (26). Это как будто бы подкрепляет построения Э.С.Мугуревича.

Однако проблема вендов Прибалтики не может быть ограничена изучением древностей первых веков II тыс. н.э. Материалы, собранные Э.С.Мугуревичем, если они действительно относятся к вендам, характеризуют конечную стадию их истории. В это время в низовьях Даугавы и на Гауе венды уже не имели собственного ареала, они проживали разрозненно среди более многочисленного ливского и латгальского населения и не могли не подвергнуться серьезной аккультурации. Ливская (или латгальская) окраска их древностей не должна говорить в пользу прибалтийско-финской (или балтской) принадлежности рассматриваемого этноса.

Проблема вендов, прежде всего, должна решаться на материалах археологии региона Венты и, может быть, смежных областей, где, как свидетельствует Генрих Латвийский, находилась их древняя территория, в в XIII — XIV вв. локализуется «земля Винда».

В этой связи нельзя не обратить внимание на находки на латвийско-литовском побережье Балтийского моря пальчатых фибул достоверно славянских типов (рис.5). Одна из них была обнаружена в нижнем течении реки Венты в Варвесе Стрики (рис.6, 1) и неоднократно публиковалась (27). Происходит она из

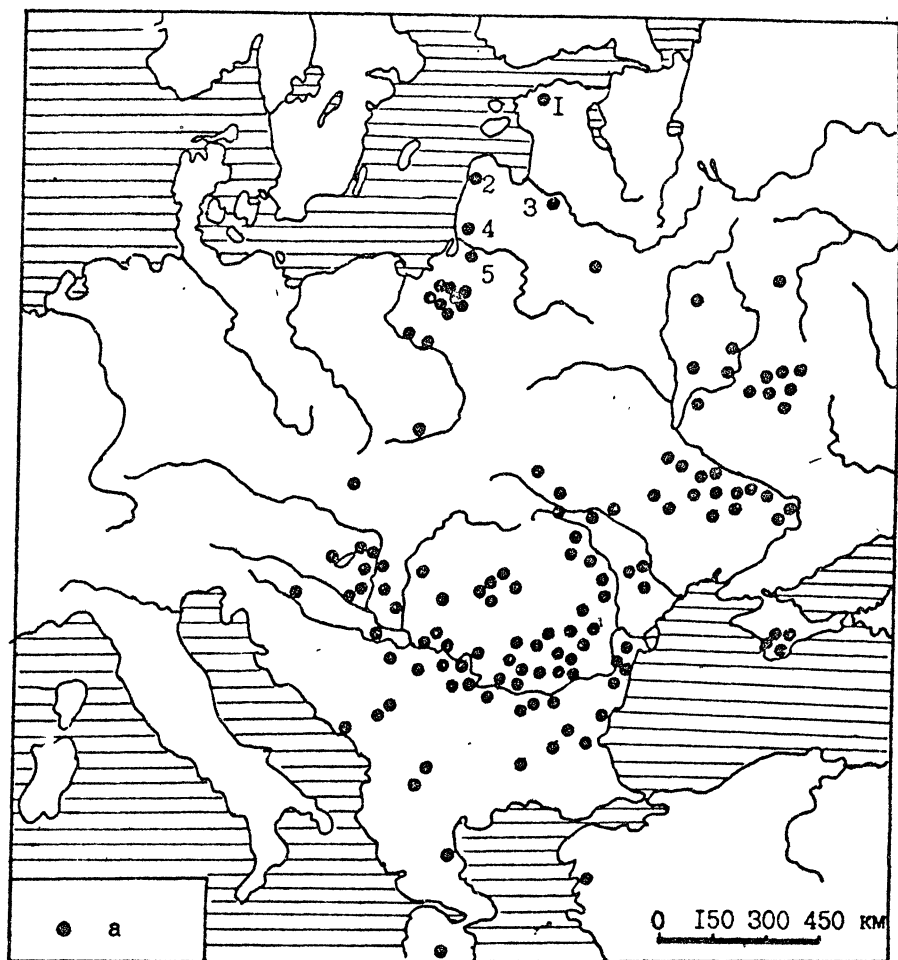

Рис. 5. Распространение пальчатых фибул славянских (антских) типов

1—Ягала; 2—Варвес Стрики; 3—Боки; 4—Штрейтлаукен; 5—Линкунай

могильника, который еще в XIX в. начал раскапываться любителями старины и кладоискателями. Научные раскопки были произведены в 1932 г. Х.Риекстинем. Они выявили погребения I тыс. до н.э. и вещевые находки середины I тыс. н.э. (28).

Пальчатая фибула из Варвес Стрики принадлежит к случайным находкам (рис. 6, 1). Она имеет полукруглый щиток, укра-

шенный спирально-крючковатым орнаментом и завершающийся семью пальцевыми отростками; ромбическое основание, орнаментированное мотивом из звериных и птичьих голов; завершение в виде грубой человеческой маски. Исследователь славянских пальчатых фибул И.Вернер отнес эту находку к типу «Е» и отметил, что она является репликой фибулы, происходящей из могильника Ваплитц западномазурской культуры (29). Г.Кюн, проанализировавший специально пальчатые фибулы этой археологической культуры, причислил обе названные находки к фибулам киевского типа (30). Такие фибулы встречены в ряде пунктов Среднего Поднепровья, на памятниках Румынии, в аварском могильнике Фехерто в Венгрии; еще две находки происходят из Пергама.

Из западнолатвийских земель (точное место находки не установлено) происходит еще одна фибула (рис.6,2) с пятью пальцами и геометрическим орнаментом на щитке и ромбической основе (31). По классификации Г.Кюна она относится к пастырскому типу, подобные находки распространены в южнорусских землях и на Дунае. Встречены такие фибулы и в двух могильниках западномазурской культуры (32).

Еще одна пальчатая фибула найдена в Литве на побережье Балтийского моря (Штрейтлаукен). Она украшена упрощенным спиральным узором на щитке и ножке и завершается изображением человеческой головы в шапке. Фибула того же типа обнаружена в могильнике Линкунай (Линкунен) на левобережье нижнего Немана, западнее Тильзита-Советска (33). Эти находки И.Вернер отнес к типу «В» (34), основным ареалом которого является Среднее Подунавье. Кроме того, фибулы этого типа встречены на Пелопоннесе и в Малой Азии. Эту группу пальчатых фибул специально исследовала Е.Н.Симонова (35).

На территории Латвии встречена еще одна пальчатая фибула при раскопках могильника Боки, расположенного вблизи

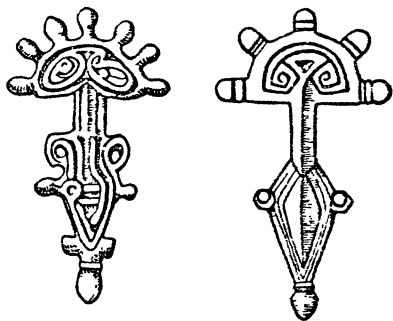

Рис. 6. Пальчатые фибулы из Варвес Стрики (1) и Западной Латвии (2)

Даугавы в Екабпилсском р-не. Основу могильника составляли курганы с каменными венцами, которые относятся к III—V вв. н.э. В кургане III было открыто дополнительное впускное погребение 23, при котором и находилась пальчатая фибула вместе с кинжалом с рукоятью, имеющей бронзовую оковку (36). Аналогичная фибула встречена в Эстонии в Ягала недалеко от Таллинна (37). Обе находки принадлежат к типу, весьма распространенному в Среднем Поднепровье (38). Это относительно поздний тип фибул, щиток и ножка их сплошь покрыты прочерченным циркульным орнаментом. Вместо пальцев щитки этих фибул завершаются ажурным узором.

Вне Днепровского бассейна несколько таких фибул встречено в Крыму (Лучистое и Суук-Су), в Кузьминском могильнике на средней Оке и в Косево—могильнике западномазурской культуры (39).

Типологический анализ пальчатых фибул рассматриваемых здесь типов, их картография и встречаемость с керамикой пражского типа позволили И.Вернеру определить эти находки как типично славянские и датировать второй половиной VI—VII вв. Исследователь утверждает, что одиночные пальчатые фибулы с маскообразным основанием и их дериваты были составной частью славянской женской одежды этого времени (40).

Новые довольно многочисленные находки подобных пальчатых фибул, в том числе в закрытых достоверно славянских комплексах-погребениях и полуземляночных жилищах VI—VII вв., аргументированно подкрепляют заключение И.Вернера. Анализ географического распространения славянских пальчатых фибул вносит некоторые уточнения в прежние представления. Они были характерны не для всего раннесредневекового славянского мира, а только для одной из крупных диалектно-племенных группировок славян третьей четверти I тыс. н.э. — антов (41). Основная часть находок рассматриваемых украшений сконцентрирована в регионе между Нижним Подунавьем и Северским Донцом. Встречены они также на среднем Дунае и на Балканах, в заселении которых анты и их потомки приняли самое активное участие.

Около середины VI в. в западной части Мазурского озера возникает новая археологическая культура — западномазурская (или мазуро-германская, по терминологии немецких

исследователей), характеризующаяся яркими элементами, не имеющими местных корней. Археологи, изучавшие эти древности, приходят к неоспоримому выводу об иноплеменной инвазии, имевшей место в этом регионе. Первые исследователи западномазурской культуры склонны были относить ее к восточным германцам, будто бы возвратившимся в свои первоначальные земли из Причерноморья, где они зафиксированы письменными источниками в римское время (42). Однако уже Э.Штурм сумел показать, что население, оставившее западномазурские древности, было весьма сложным в этническом отношении — основу его составляли местные западные балты и пришлые германцы (43). С этим согласились многие исследователи.

Новейшие изыскания в области западномазурских древностей позволяют детализировать вопрос о племенной структуре их носителей (44). Устанавливается, что в 550 — 600 гг. западная часть Мазурского поозерья оказалась затронутой первой миграционной волной, исходившей из Дунайских земель. Волну переселенцев составляли отдельные группы гепидов и лангобардов, состоявшие преимущественно из воинов, торговцев и ремесленников. Расселялись они в Мазурском поозерье среди местного западнобалтского населения, которое в основной массе не покидало мест своего обитания.

К 575 — 675 гг. относится фиксируемая археологами новая, более значительная волна переселенцев из Дунайских земель. В погребальной обрядности западномазурской культуры теперь весьма отчетливо проявляются среднедунайские параллели. При погребенных находятся пояса, определенно принадлежащие аварской культуре, довольно частой находкой становятся фибулы различных типов, имеющие дунайские аналогии. Ряд культурных элементов указывает на реальное присутствие среди переселенцев в Мазурский регион авар и славян. Инфильтрация авар в балтские земли фиксируется не только по материалам западномазурской культуры, но и при анализе синхронных древностей на территории Литвы. Присутствие славянского этнического компонента в Мазурском поозерье выявляется некоторым сходством инвентаря с материалами антской (пеньковской) культуры и довольно многочисленными находками пальчатых фибул славянских типов. Устанавливается, что пос-

ледние отчасти привнесены были сюда переселенцами из Дунайского региона, другая часть, как можно полагать, была изготовлена местными мастерами в мазурских землях. И те, и другие существенно отличаются от типично германских пальчатых фибул (типы Андерлехт, Даттенберг и Неувед, по Г.Кюну), которые в немалом количестве тоже встречены на памятниках западномазурской культуры (46).

Находки славянских пальчатых фибул в западных районах территории Литвы и Латвии, описанные выше, — явное свидетельство проникновения славян в этот регион в VI—VII вв. По всей вероятности, от миграционной волны разнородного дунайского населения, направлявшейся в северном направлении в Мазурский регион, оторвалась какая-то группа, состоявшая преимущественно из славян, которая достигла восточного побережья Балтийского моря. Здесь славяне расселились среди куршского населения и пришли в соприкосновение с ливами. Как и другие прибалтийско-финские племена, ливы вслед за германцами именовали славян венедами. Остатки этого этноса Генрих Латвийский и называет вендами.

Косвенным показателем этой миграции славянской группировки на побережье Юго-Восточной Прибалтики являются серьезные деструктивные изменения, которые именно в это время наблюдаются в культуре куршей и которые никак не могут быть объяснены внутренним эволюционным развитием.

Как известно, в I—VI вв. н.э. куршское население хоронило умерших по обряду труположения на грунтовых могильниках с каменными венцами, сложенными на поверхности. Ареал этих памятников охватывает восточное побережье Балтийского моря от нижнего течения Немана на юге до реки Венты на севере (47). Во второй половине VI или на рубеже VI и VII столетий (точная дата пока не установлена археологами) все эти могильники прекращают функционировать, а обычай окружать могилы венцами из камней полностью исчезает. Могильники последующих столетий возникают на новых местах, захоронения на них не имеют каменных выкладок, генетическая связь их с могильниками I—VI вв. вызывает сомнения. Однако, судя по последним изысканиям И.Озере, отдельные особенности погребального ритуала, свойственные могильникам первой половины I тыс. н.э., прослеживаются в памятниках VII—IX вв. (48). Это

говорит о том, что куршское население в основной своей массе не покинуло регион своего обитания, но испытало сильные потрясения, заставившие его оставить старые могильники (и, нужно полагать, поселения), изменить потребальную обрядность. Хронологически это событие совпадает с появлением в куршском регионе славянских пальчатых фибул. Нужно полагать, что это взаимосвязанные явления.

Вскоре традиционный для куршей обряд трупоположения начинает вытесняться новым ритуалом — кремацией умерших, что было весьма характерно для славянского мира дохристианской поры (49). Новая обрядность сначала появляется в северных районах обитания куршей (в бассейне Венты и в смежных землях). Заслуживает внимания то обстоятельство, что наиболее ранние захоронения по обряду трупосожжения в куршских могильниках совершались в больших прямоугольных могильных ямах, идентичных тем, что выкапывались для трупоположений. Это свидетельство чужеродности нового обряда для куршей. Только несколько позже, в VIII — IX вв., курши стали устраивать для погребений остатков кремации небольшие округлые или округло-овальные ямки, тождественные славянской обрядности. Правда, собственно славянские захоронения рассматриваемого времени в Юго-Восточной Прибалтике пока не обнаружены и найти их очень и очень трудно, поскольку славянский ритуал характеризуется безынвентарностью. И все же можно полагать, импульсом в распространении обряда кремации среди куршского населения была обрядность славян-венедов-вендов. Иного объяснения пока нет.

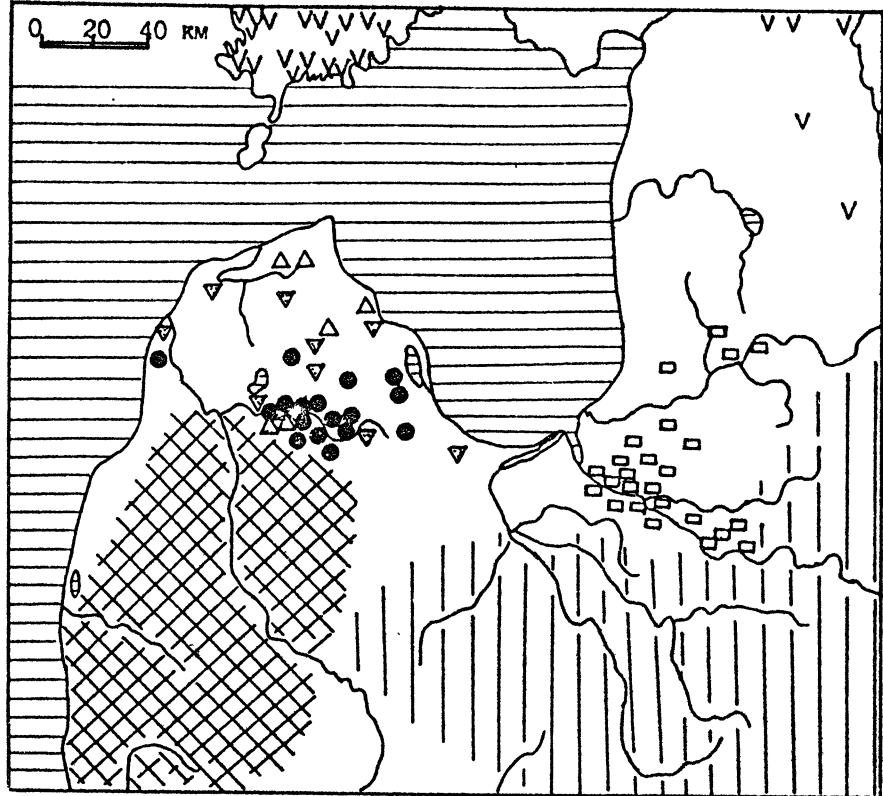
О расселении и проживании славян в западных районах территории Латвии и Литвы свидетельствуют и топонимические материалы. Все попытки объяснить происхождение гидронима Вента на балтском языковом материале не оказались успешными. С другой стороны, уже известный литуанист первой половины XX в. К. Буга рассматривал этот гидроним как славянский (произведен от лексемы «вяча-вящий», отсюда Вячеслав). Исследователь считал, что целый ряд водных названий свидетельствуют о вторжении в V — VI вв. н.э. славян (еще в условиях праславянского языкового состояния) в исконно лето-литовские земли (50). Недавно к выводу о славянском начале гидронима Вента независимо пришел и немецкий лингвист

В.П.Шмид (51). Это заключение поддержал О.Н.Трубачев (52). Стоит обратить внимание на то, что подобные географические названия сконцентрированы как раз в том регионе, где, судя по археологическим наблюдениям, в VI—VII вв. появилось славянское население (Вента — мыс под Клайпедой, Вентас Рагас — в низовьях Немана, Вентос и Вентина — северо-восточнее Клайпеды, Вентин — лес под Елгавой, Вентос Перкасса — в Шауляйском р-не, Вентис — в Мазурии).

Основная масса латвийских географических названий, связанных со славянским языковым материалом, сосредоточена в восточных районах Латвии, что вполне объяснимо. В этих землях начиная с эпохи Древней Руси наблюдается сильное культурное влияние со стороны славян и даже проникновение последних в Латгалию. Это фиксируют археологические материалы, а в недавнее время (XIX в.) — переписи населения. Вместе с тем, заслуживает внимания то, что немалое число славянских топонимов имеется в Курземе (53). Славянское проникновение со стороны Руси-России этого региона не достигало. Очевидно, куршские топонимы славянского происхождения отражают какой-то ранний этап инфильтрации славян в эти земли.

Подобная картина наблюдается и на территории Литвы. Гидронимы славянского происхождения хорошо известны в ее юго-восточной части, где контакты со славянами проявляются интенсивно и по другим данным. Вместе с тем, гидронимы, этимологизируемые из славянских языков, фиксируются и в древнем куршском регионе (54). Опять-таки объяснить это можно только какими-то ранними встречами славян с местным населением.

В VIII—IX вв., как вполне определенно и надежно свидетельствуют археологические данные, начинается расширение территории куршей в северном направлении. Перемещение части куршей на север продолжалось в X—XI вв. Они постепенно заселили весь бассейн реки Венты и пришли в непосредственное соприкосновение с ливами (рис.7). По всей вероятности, именно с этой миграцией куршей связано было вынужденное переселение вендов из бассейна Венты к низовьям Даугавы, о чем сообщает Хроника Генриха Латвийского. Точную дату этого перемещения определить затруднительно.

▼ а △ б ● в □ г V д ▨ е |||| ж

Рис. 7. Этно-культурная карта части Юго-Восточной Прибалтики последних столетий I тысячелетия н.э.

а — каменные могильники с оградками курземских ливов; б — каменные курганы ливов; в — песчаные курганы; г — грунтовые могильники гауяских и даугавских ливов; д — каменные могильники эстов; е — ареал куршей; ж — ареал земгалов, слов и латгалов

Весьма непростым является вопрос о местонахождении Древней Горы, на которой и в окрестностях поселились венды после изгнания из куршской земли. Под 1203 годом Генрих Латвийский сообщает, что ерсикский князь вместе с литовцами, подойдя к Риге, утнал скот горожан и захватил двух священ-

ников, «рубивших с пилигримами лес у Древней Горы» (55). В следующем году к Риге снова подходили литовцы, на этот раз вместе с ливами-язычниками, и, захватив скот горожан, стали возвращаться. Была предпринята попытка догнать нападавших, и рижане с рыцарями, настигнув врага, «вступили в бой с язычниками у Древней Горы» (56). В 1210 г. большое войско куршей сухопутным путем и на ладьях подошло к Риге и окружило ее. Вполне очевидно, что куршское войско подошло к Риге с западной стороны. После этого «прибыли к Древней Горе жители Гольма на конях и, грозя врагам мечами, подошли к городу с другой стороны» (57). Из этих сообщений следует, что Древняя Гора находилась не в Риге, а где-то восточнее этого города. Замок Гольм локализуется на острове Доле. Известно, что Мейнард построил замок и церковь на восточной оконечности этого даугавского острова. Против острова Доле был выстроен новый замок — Кирхгольм (латвийский Саласпилс).

Неоднократное упоминание Древней Горы в Ливонской Хронике говорит о том, что это место было весьма заметным ориентиром. Если жили на Древней Горе, нужно полагать, в XI—начале XII вв. В конце XII—начале XIII в. Древняя Гора, судя по сообщениям Хроники Ливонии, уже не была заселена.

В научной литературе высказано предположение, что Древней Горой является так называемый холм Куббе, располагавшийся на правом берегу реки Риги, примерно в 0,5 км от Домской церкви, и полностью скрытый еще в XVII—XVIII вв. (58). Однако из свидетельств Ливонской Хроники следует, что Древняя Гора находилась на более значительном расстоянии от города Риги, чем холм Куббе. Последний, скорее всего, нужно отождествить с «горой Рига», упоминаемой в Хронике в связи событиями 1198 г. Тогда имело место сражение ливов с немецкими крестоносцами, во главе которых стоял епископ Бертольд. 24 июля 1198 г. в битве, состоявшейся у «горы Рига» ливский воин Имаут поразил мечем Бертольда (59).

Древнюю Гору Хроники Ливонии, по всей вероятности, можно отождествить с известным городищем Даугмале, расположенным менее чем в 20 км восточнее Риги, на левом берегу Даугавы. Поселение было устроено на мысу при впадении небольшой речки в Даугаву. С трех сторон оно ограничено долиной этой речки и крутым берегом Даугавы, а с четвертой,

восточной стороны был сооружен вал высотой до 7 м и длиной около 80 м, перед которым был вырыт ров. Площадь укрепленной части поселения составляла около 4000 кв.м. К городищу примыкала неукрепленная часть древнего поселения площадью около 2 га. Устье речки у подножья городища служило причалом для лодок и небольших кораблей.

При раскопках в Даугмале (60) обнаружены многочисленные и разнообразные вещевые находки, в том числе арабские дирхемы, византийские и западноевропейские монеты, скалдинавские фибулы, дамаскированное оружие и особенно много предметов, привезенных из Руси, — стеклянных бус, бронзовых крестиков, шиферных пряслиц и других. Очевидно, что в XI—XII вв. это был заметный ремесленно-торговый центр протогородского облика.

Во второй половине XII в., как показывают материалы раскопок, Даугмале было разорено и жизнь на нем после этого не была восстановлена. Кем было разгромлено это поселение, на основании археологических данных сказать нельзя. Но если отождествление его с Древней Горой Ливонской Хроники верно, то это событие нужно связать с зафиксированными этим памятником письменности разгромом и изгнанием вендов из региона нижней Даугавы и переселением их в окрестности Вендена и Турайды, где они проживали в первые десятилетия XIII в.

Нельзя не обратить внимания на концентрацию различных вещевых находок древнерусского происхождения в двух регионах — в Даугмале и его ближайших окрестностях, а также в бассейне Гауи, в той его части, где стояли Венден и Турайда (61). Так, все без исключения находки привесок, относимых исследователями к родовым знакам Ярослава Мудрого, происходят из двух названных регионов, где, согласно Хронике Генриха Латвийского, проживали венды. Создается впечатление, что предметы русского происхождения находили спрос прежде всего среди родственного, вендского населения.

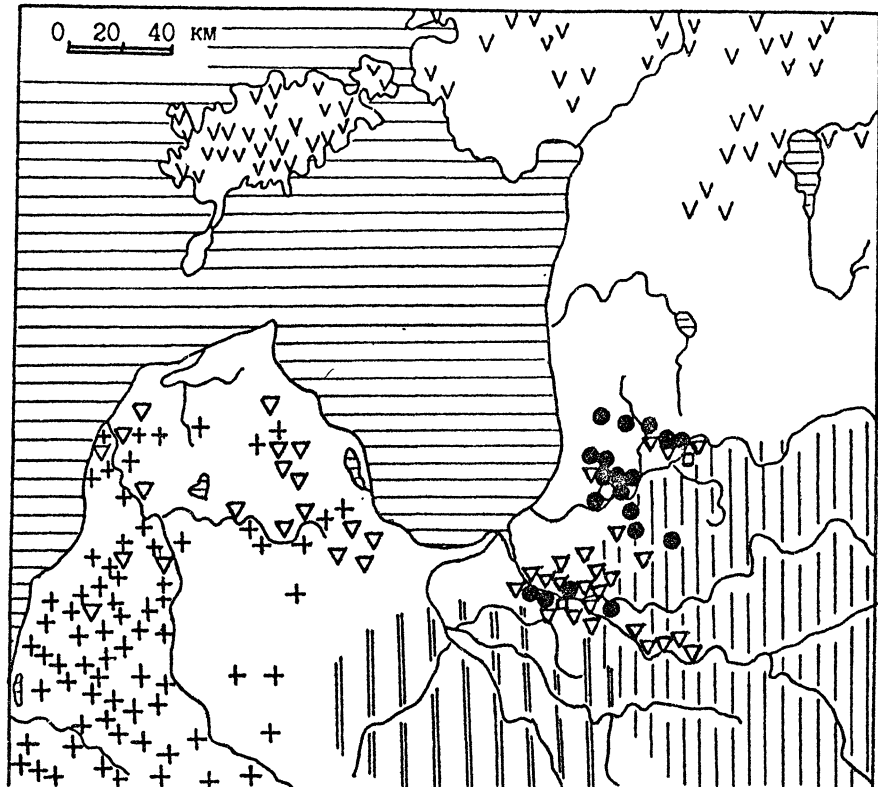
Венды, проживавшие в бассейне Венты, а потом в низовьях Даугавы и на Гауе оторванно от основного массива раннесредневекового славянства, по всей вероятности, не сохранили собственно славянской материальной культуры. Пребывание в течении столетий в окружении иноплеменных соседей, глав-

ным образом, среди куршей, ливов, а на последней стадии и латгалов, не могло не привести к восприятию вендами многих элементов их культуры. Поэтому выявляемые в областях расселения вендов XI—XIII вв. древности курземских ливов могли принадлежать и вендским переселенцам из Курземе.

В поисках следов расселения славян-вендов следует обратить внимание на распространение чуждого местному населению курганного обряда, зафиксированного во всех трех регионах проживания этого этноса — в Северной Курземе, на нижней Даугаве в окрестностях даугмале, на Гауе в районе Вендена и Турайды (рис. 7 и 8). Основными погребальными памятниками придаугавских и гауяских ливов, так же как и латгалов, являются грунтовые могильники (62). Появление среди них курганных захоронений до сих пор не находило какого-либо объяснения.

Эти курганы представляют собой полусферические песчаные насыпи высотой 0,5—1,5 м и диаметрами основания от 5 до 12 м. Вокруг их оснований обычно прослеживаются ровики с перемычками. Курганы образуют могильники, насчитывающие от нескольких десятков до 270 насыпей. Расположены курганы в группах скученно, нередко примыкая друг к другу. В общем эти курганы, как и могильники в целом, абсолютно ничем не отличаются от славянских курганных памятников, распространенных как на Русской равнине, так и в западно-славянском ареале.

Около пятой части исследованных гауяских курганов содержали остатки трупосожжений, совершенных на стороне. Эти памятники в деталях погребальной обрядности сопоставимы со славянскими. В других курганах бассейнов Гауи и нижней Даугавы содержались трупоположения на уровне древней почвы или в грунтовых могильных ямах прямоугольной формы, глубиной до 0,5 м. Как правило, в каждом кургане имелось одно захоронение, изредка встречаются и парные трупоположения. Под курганными насыпями прослеживаются подошвенные прослойки серого песка с включениями угольков. Эти курганы по своему строению и обрядности также идентичны древнерусским. Правда, умерших в рассматриваемых регионах хоронили с неславянской ориентировкой — головами к северу (с отклонениями), а вещевой инвентарь носит отчетливо ливский харак-

▽ а + б ● в ∇ г |||| д |||| е

Рис. 8. Этно-культурная карта части Юго-Восточной Прибалтики в XI–XIII вв.

а – грунтовые могильники ливов; б – могильники куршей; в – песчаные курганы; г – каменные могильники эстов; д – регион земгалов; е – регион селов и латгалов

тер. Последнее и дает основание для причисления гауяских и нижнедаугавских курганов к ливским погребальным памятникам (63).

Между тем, в области расселения гауяских и даугавских ливов хорошо известны бесспорные памятники этого этноса – грунтовые могильники (64). Они датируются начиная с X и по XIII век включительно, когда на смену языческим кладбищам

приходят уже христианские. Курганы же на этой территории неожиданно появляются во второй четверти или в середине XI в. и существуют до начала XIII в. Несомненно, что эти памятники должны принадлежать какому-то не-ливскому этносу и, скорее всего, этим этносом были венды.

Погребальными памятниками ливов, проживавших на севере Курземе, до X—XI вв. являются каменные могильники с оградками, сопоставимые с древностями эстских племен, а также каменные курганы. Хорошо известны и памятники куршей — грунтовые могильники, упоминавшиеся выше. Вместе с тем, в Северной Курземе известны и песчаные курганы с захоронениями по обряду трупосожжения, абсолютно идентичные тем, что описаны выше для регионов Гауи и нижней Даугавы. Вполне очевидно, что эти памятники абсолютно чужды погребальной обрядности и куршей, и ливов. Правда, латвийские археологи Ф.Балодис и Э.Шноре высказали догадку об их куршской атрибуции на основании того, что рассматриваемые курганы расположены в куршском ареале (65).

Э.Штурмс, обобщая материалы по песчаным курганам Северной Курземе, насчитывал 16 групп таких памятников и отметил, что они датируются более ранним временем, чем аналогичные курганы на Гауе. Действительно, раскопки в окрестностях Сабиле показали, что курземские курганы должны быть отнесены к последним векам I тыс. н.э.; с начала XI в. песчаные курганы в Северной Курземе уже не сооружались. И именно в это время (скорее всего, во второй четверти XI в.) такие курганы стали сооружаться в бассейнах Гауи и нижнего течения Даугавы. В этой связи Э.Штурмс связывал и гауяские, и курземские песчаные курганы с ливами. Появление курганных захоронений на Гауе он объяснял гипотетическим переселением сюда курземских ливов. Некоторые из картированных в Северной Курземе этим исследователем пунктов позднее оказалась не могильными памятниками, а геологическими образованиями. Однако наличие в этом регионе песчаных курганов последних столетий I тыс. н.э. сомнению не подлежит, поскольку некоторые из них раскапывались археологами и в них были выявлены остатки захоронений.

Никаких серьезных оснований для отнесения песчаных курганов Северной Курземе к памятникам куршей или ливов в

распоряжении исследователей просто нет. Следовательно, нужно полагать, что они оставлены каким-то третьим этносом, проживавшим в этой местности до начала XI в. Таковым, судя по свидетельствам Хроники Генриха Латвийского, были венды. Интересно, что местное население еще в XIX в. называло эти курганные могильники «krievu kapi», то есть «русскими могилами». В таком случае становится понятным исчезновение этой обрядности в начале XI в. в Северной Курземе и появление курганных захоронений на Гауе и в нижнем течении Даугавы. Венды были изгнаны куршами из прежних мест своего обитания (продвижение куршей в северном направлении, как отмечено выше, хорошо фиксируется археологией) и, расселившись в нижнем течении Даугавы и на Гауе, перенесли сюда курганный обряд.

В XI–XII вв. регион Курземе, где известны песчаные курганы, был заселен уже куршами (рис.8). Этот регион соседствовал с территорией курземских ливов, поэтому влияние культуры последних на вендов представляется закономерным. Переселились венды опять-таки в земли, заселенные ливами. Поэтому присутствие в курганах бассейнов Гауи и нижней Даугавы ливского вещевого материала представляется оправданным.

Отмеченное в Хронике Ливонии изгнание вендов с Древней Горы следует связывать с прекращением жизни на Даугмале и датировать второй половиной XII в.

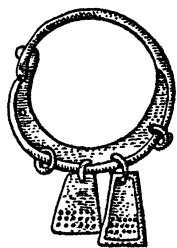
Если вендская принадлежность песчаных курганов всех трех регионов проживания этого этноса справедлива, то возникает вопрос, каким образом венды, в течение веков жившие изолированно от основного славянского мира, смогли воспринять курганный обряд погребения. Ответить на этот вопрос пока трудно. Можно лишь высказать предположение, что венды Курземе имели контакты с балтийскими славянами. Указания на такие контакты, кажется, есть: в керамическом материале и элементах домостроительства некоторых памятников куршского ареала археологами зафиксированы славянские особенности, датироваемые последними столетиями I тыс. н.э. (68).

1. Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. Введение, перевод и комментарии С.А.Аннинского. М.; Л., 1938
2. Там же. X, 14
3. Heinrichs von Lettland. Livländische Chronik, ein getreuer Bericht wie das Christenthum und die deutsche Herrschaft sich im Lande der Liven, Letten und Ehsten Bahn gebrochen. Nach Handschriften mit vielfacher Berichtigung der übliche Textes aus der Lateinischen übersetzt und erläutert Eduard Pabst. Reval, 1867. S. 76
4. Генрих Латвийский. Хроника Ливонии... XIII, 5
5. Там же. XIV, 8
6. Там же. XXII, 4—5
7. Там же. XXV, 3
8. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.;Л., 1950. С. 263
9. Генрих Латвийский. Хроника Ливонии... XXIX,3
10. Wierkuff G. Wo lag die Burg Alt-Wenden ?. Riga, 1884. S. 11; Apals J. Izrakumi Cēsu Riekstu kalna // Zinatniskās atskaites sesijas materiāli par arheologu un etnogrāfu 1980/81 gada pētījumu rezultātiem. Riga, 1982. 12—21 Lpp.
11. Генрих Латвийский. Хроника Ливонии... XV, 3
12. Laakman H. Zur Geschichte Heinrichs von Lettland und seiner Zeit / Beiträge zur Kunde Estlands. Reval, 1933. Bd. XVIII, H. 2. S. 98
13. Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch. Reval, 1853. Bd. I. Nr. 248
14. Bilenstein A. Die Grenzen des lettischen Volksstammes und der lettischen Sprache in der Gegenwart und im XIII. Jahrhundert. St.Petersburg, 1892. S. 343—345
15. Sitzungsberichte der Kurländischen Gesellschaft für Literatur und Kunst. Mitau, 1868. S. 38, 39; Baltische Monatsschrift. Reval, 1884. Bd. XXXVI. S. 11
16. Харузин Н.Н. Обзор доисторической археологии в Эстляндской, а также Лифляндской и Курляндской губерниях по трудам местных исследователей // Труды Эстляндского губернского статистического комитета. Ревель, 1894. Т. IX. С. 229—231
17. Зеленин Д.К. О происхождении северновеликорусов Великого Новгорода // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. М., 1954. N 6. С. 79—94
18. Витов М.В. Антропологическая характеристика населения Восточной Прибалтики (по материалам антропологического отряда Прибалтийской экспедиции 1952—1954 гг.) // Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М., 1959. С. 575, 576
19. Ancītis K., Jansons A. Vidzemes etniskās vēstures jautājumi // Arheoloģijā un etnografijā. Rīga, 1963. T. V. 59 Lpp.
20. Bilenstein A. Die Grenzen des lettischen Volksstammes... S. 334-348
21. Endzelins J. Über die Nationalität und Sprache der Kuren // Finnisch-ugrische Forschungen. Helsingfors; Leipzig, 1912. Bd. 12. S. 65—69
22. Sjögren A.J. Reise nach Livland und Kurland. St.Petersburg, 1847. S. 125—129
23. Šturms E. Zur Vorgeschichte der Liven // Eurasia septentrionalis antiqua. Helsinki, 1936. T. X. S. 50; Šnore E. Kursū senlietu atradumi Rīgā // Senatne un māksla. Rīga, 1936. N 3. 72—75 Lpp.
24. Laakman H. Zur Geschichte Heinrichs von Lettland... S. 98

25. Мугуревич Э.С. Проблема вендов в период раннего феодализма в Латвии // *Berichte über den II Internationalen Kongress für slawische Archäologie*. Berlin, 1973. Bd. II. S. 291—299
26. Apals J. Izrakumi Cēsu Riekstu kalnā... 12—21 Lpp.
27. Ginters W. Über einige lettische Verzierungen der mittleren Eisenzeit // *Senatne un māksla*. Rīga, 1937. N 2. S. 50. Abb. 8,4; Gloger K. Germanen in Osteuropa // *Mannus Bibliothek*. Berlin, 1943. Bd. 71. S. 199. Abb. 62,4; Werner J. Slawische Bügelfibeln des 7. Jahrhunderts // *Reineke Festschrift*. Mainz, 1950. S. 154. Taf. 30, 31; Urtāns V. Latvijas iedzīvotāju sakari ar slāvien I g.ī. orajā pusē // *Arheoloģija un etnografija*. Rīga, 1968. T. VIII. 74 Lpp. 14,2 Att.
28. Moora H. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Ch. Tartu, 1938. Bd. II. S. 716, 717
29. Werner J. Slawische Bügelfibeln... S. 154
30. Kühn H. Das Problem der masurgermanischen Fibeln in Ostpreussen // *Documenta Archaeologica*. 1956. S. 79—108
31. Urtāns V. Latvijas iedzīvotāju sakari... 74 Lpp. 14,1 Att.
32. Kühn H. Das Problem der masurgermanischen Fibeln... S. 101
33. Ginters W. Über einige lettische Verzierungen... S. 53. Abb. 8,5
34. Werner J. Slawische Bügelfibeln... S. 151, 152
35. Симонова Е.Н. Пальчатая фибула Венгерского национального музея / Древние славяне и их соседи. М., 1970. С. 75—79
36. Vankina L. Arheoloģiskie izrakumi Boķi kapulauka 1961. gada // *Referatu tēzes zinātniskai atskaites sesijai par 1961. gada arheoloģiskam un etnografiskām ekspedīcijām*. Rīga, 1962. 13—15 Lpp.
37. Jaanits L., Laul S., Lõugas V., Tõnisson E. Eesti esiajalugu. Tallinn, 1982. Joon 158,1
38. Рыбаков Б.А. Древние русы // *Советская археология*. 1953. Т. XVII. С. 57. Рис. 3,5—7
39. Gaerte W. Urgeschichte Ostpreussens. Königsberg, 1925. Abb. 221,c; Werner J. Slawische Bügelfibeln... S. 161
40. Werner J. Slawische Bügelfibeln... S. 150—172; Idem. Neues zur Frage der slawische Bügelfibeln aus südosteuropäischen Ländern // *Germania*. 1960. Bd. 38. H. 1—2. S. 114—120
41. Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979. С. 128
42. Gaerte W. Urgeschichte Ostpreussens... S. 308; Engel C. und La Baume W. Kulturen und Völker der Frühzeit im Preussenlande. Königsberg, 1937. S. 175—179
43. Šturms E. Die ethnische Deutung der «masurgermanischen» Kultur // *Contributions of Baltic University*. Pinnenberg, 1947. № 31. S. 1—12
44. Кулаков В.И. Могильники западной части Мазурского Поозерья конца V—начала VIII в. // *Barbaricum*. Warszawa, 1989. С. 148—276
45. Кулаков В.И. Прусы и восточные славяне // Тезисы докладов советской делегации на V Международном конгрессе славянской археологии. М., 1985. С. 130; Он же. Прусы, авары и анты: конфликт 675—700 гг. // *Взаимодействие кочевых культур и древние цивилизации*. Алма-Ата, 1987. С. 172—174
46. Kühn H. Das Problem der masurger-

- manischen Fibeln... S. 79–108
47. Таутавичюс А.З. Балтские племена на территории Литвы в I тыс. н.э. // Из древнейшей истории балтских народов. Рига, 1980. С. 81; Lietuvos TSR archeologijos atlasas. Vilnius, 1977. T. 3. Zemel 1, 2, 6, 7
 48. Озере И.А. Этническая история куршей V–IX веков. Автореферат кандидат. дисс. М., 1987. С. 9 и 19
 49. Седов В.В. Погребальный обряд славян в начале средневековья // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М., 1990. С. 170–182
 50. Būga K. Rinktiniai raštai. Vilnius, 1958. T. I. Psl. 526; 1961. T. III. Psl. 881
 51. Schmid W.P. Indogermanische Modelle und osteuropäische Frühgeschichte // Akademie der Wissenschaften und der Literatur. Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse. Mainz; Wiesbaden, 1978. N 1. S. 16
 52. Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 1991. С. 32
 53. Дамбе В.М. Славянские следы в латвийской гидронимии и микротопонимии // Балто-славянские исследования. 1980. М., 1981. С. 157–162
 54. Ванагас А.П. Литовские гидронимы славянского происхождения // Там же. С. 151–157
 55. Генрих Латвийский. Хроника Ливонии... VII, 7–8
 56. Там же. VIII, 1
 57. Там же. XIV, 5
 58. Цауне А.В. Рига под Ригой. Рассказ археолога об исчезнувших постройках древней Риги. Рига, 1989. С. 35, 36; Он же. Возникновение Риги // Цивилизация Северной Европы. Средневековый город и культурное взаимодействие. М., 1992. С. 25
 59. Генрих Латвийский. Хроника Ливонии... II
 60. Urtāns V. Sena pilseta un ciems Latvijas teritorijā agroja feodalisma / / Zinatniskas askaites sesijas materiāli par arheologu un etnografu 1972. gada pētījumu rezultātiem. Rīga, 1973. 63–66 Lpp.
 61. Мугуревич Э.С. Восточная Латвия и соседние земли в X–XIII вв. Рига, 1965
 62. Latvijas PSR arheoloģija. Rīga, 1974. 194–201 Lpp.
 63. Tõnisson E. Die Gauja-Liven und ihre materielle Kultur (11. Jh. – Anfang 13. Jhs.). Ein Beitrag zur ostbaltischen in der Eisenzeit. Tallinn, 1974. S. 38–96
 64. Latvijas PSR arheoloģija... 194–201 Lpp.; Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1987. С. 27–29; Мугуревич Э., Зариня А., Тыниссон Э. Ливы // Финны в Европе VI–XV веков. Вып. 1. М., 1990. С. 135–137
 65. Sitzungsberichte der Kurländischen Gesellschaft für Literatur und Kunst. 1864–1871. S. 306; Balodis F. Latviešu aizvēsture // Latviešu. Rakstu krājums. Rīga, 1930. 101 Lpp.; Šnore E. Izrakumi Sabiles «Krievu kapos» // Vēstures atziņas un tēlojumi. Rīga, 1937. 372 Lpp.
 66. Šturms E. Zur Vorgeschichte der Liven ... S. 34–39
 67. Мугуревич Э. Некоторые вопросы этнической истории Курземе в X–XIV веках // Взаимосвязи балтов и прибалтийских финнов. Рига, 1970. С. 37–39
 68. Žulkus V., Klimka L. Lietuvos pajūria žemės viduramžiais. Vilnius, 1989. P. 44–56; Žulkus V. Palanga als kurischer Handelsplatz an der ostseeküste in 9.–12. Jahrhundert // Vakarų baltų istorija ir kultūra. Klaipėda, 1992. N 1. S. 46–65

Височные кольца населения культуры смоленско- полоцких длинных курганов

Длинные курганы Смоленского Поднепровья и Полоцкого Подвинья составляют особую группу погребальных памятников и определяют отдельную археологическую культуру. Эти памятники по своему строению, деталям погребальной обрядности и вещевым инвентарям существенно отличаются от валообразных насыпей псковской группы, занимающей более северные территории (1).

В состав женского головного убранства населения, оставившего смоленско-полоцкие длинные курганы VIII—X вв., входили оригинальные височные кольца. Это проволоочные кольца диаметрами от 5 до 10 см с пластинчатыми расширениями на заходящих друг на друга несомкнутых концах, обычно завершающихся крючкообразно (рис. 9). Плоские части их орнаментированы нарезными зигзагообразными линиями. В единичных случаях на пластинчатых частях делались небольшие отверстия, через которые продевались тонкие проволоочные колечки с трапециевидными пластинчатыми привесками.

Такие височные украшения многократно встречены в захоронениях длинных курганов Смоленщины (могильники Акатово, Василевщина, Дроково, Заозерье, Колодня, Слобода, Слобода-Глушица, Хотынь, Цурковка, Шугайлово) и Полоцкого Подвинья

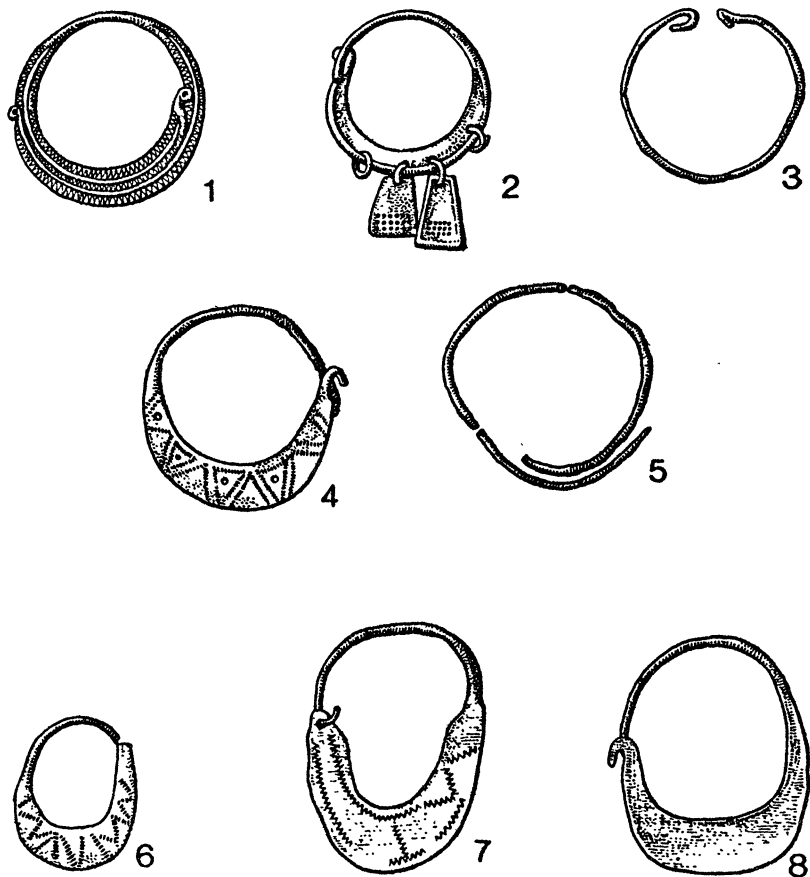

Рис. 9. Эволюция височных колец в ареале культуры смоленско-полоцких длинных курганов

1 — Заозерье; 2 — Цурковка; 3 — Казиха; 4 — Арефино; 5 — Микольцы; 6 — Жминю; 7 — Юдендорф; 8 — Флашберг

(Бальмонт, Вусце, Глинище, Дорохи, Рудня). Кроме того, височные кольца этого же типа целиком или во фрагментах обнаружены разбросанно в некоторых пунктах более северных территорий (рис. 10).

Экземпляр височного кольца рассматриваемого типа встречен на городище Камно под Псковом в слоях, датируемых

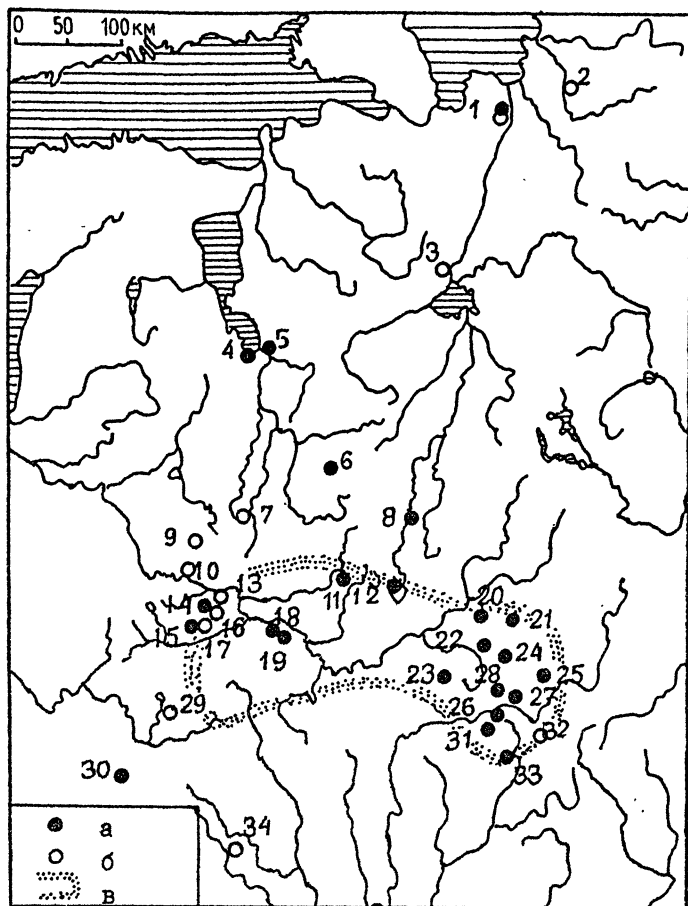

Рис. 10. Распространение височных колец

а — проволочно-пластинчатые височные кольца; б — лунничные височные кольца; в — ареал культуры смоленско-полоцких длинных курганов;

1 — Старая Ладога; 2 — Вахрушево; 3 — Новгород; 4 — Камно; 5 — Псков; 6 — Ржева Пустая; 7 — Зилупе; 8 — Городок на Ловати; 9 — Мадалане; 10 — Краслава Саулекскалнс; 11 — Ермошино; 12 — Дорохи; 13 — Прудники; 14 — Бальмонт; 15 — Вусце; 16 — Масковичи; 17 — Лесная; 18 — Рудня; 19 — Глинище; 20 — Шугайлово; 21 — Слобода; 22 — Дроково; 23 — Заозерье; 24 — Акатово; 25 — Хотынь; 26 — Гнездово; 27 — Колодня; 28 — Василевщина; 29 — Городище; 30 — Пирчупай; 31 — Цурковка; 32 — Арефино; 33 — Слобода-Глушица; 34 — Гребень

VIII — IX вв. (2). Фрагмент такого же украшения с зигзагообразной штихельной орнаментацией обнаружен и в отложениях второй половины I тыс. Псковского городища. Обломок аналогичного кольца с характерным ребром посередине пластинчатой части и завитком на конце происходит из слоя X — начала XI в. Городища под Великими Луками (3). Еще две находки рассматриваемых украшений встречены в Старой Ладоге и на городище Ржева Пустая, где имеется довольно мощный слой с лепной керамикой конца I тыс. н.э.

В отличие от ареала культуры смоленско-полоцких длинных курганов, где рассматриваемые проволоочно-пластинчатые височные кольца характерны для погребальных комплексов, вне этой территории все находки происходят с поселений. На всех этих памятниках выявлены отложения со славянской керамикой последней четверти I тыс. н.э. Часть этих поселений расположена на водных путях, связывавших южные земли с северными. Весьма интересно то, что на всех названных селениях встречены находки предметов скандинавского происхождения. О североевропейских находках в Старой Ладоге писалось неоднократно (4). Опубликованы и скандинавские предметы, найденные при раскопках в Пскове (5). Половинка равноплечей фибулы и литейная формочка для зооморфной головки скандинавского облика встречены на Городище на Ловати под Великими Луками (6). С городища Камно происходит костяная лопаточка со знаком, распространенным на скандинавских рунических стелах (7). Игла с зооморфным навершием от скандинавской кольцевой фибулы встречена на городище Ржева Пустая (8). В этой связи, можно полагать, что население культуры смоленско-полоцких длинных курганов приняло какое-то участие в освоении водных путей Северо-Запада в период активного восточнославянско-скандинавского взаимодействия.

Височные украшения населения культуры смоленско-полоцких длинных курганов не находят прямых аналогий среди головных украшений восточноевропейского региона. До сих пор типологически они сопоставлялись исследователями с летто-литовскими дрово-пластинчатыми шейными гривнами с заходящими концами. Предполагалось, что височные кольца генетически восходят к этим шейным гривнам, и в этой связи они рассматривались как балтские украшения, свидетельствующие

или об участии местного балтоязычного населения в этногенезе смоленско-полоцкой ветви кривичей (9), или о балтской атрибуции населения культуры смоленско-полоцких длинных курганов (10).

В настоящее время следует решительно отказаться от этого. Названные летто-литовские шейный гривны никак не могли быть прототипами височных украшений. Они получили широкое распространение в летто-литовских землях только в X—XI вв., а наиболее ранние из них датируются временем не ранее конца VIII в. (11), когда височные кольца в смоленско-полоцком регионе были достаточно распространены. К тому же рассматриваемые височные украшения во всех деталях существенно отличаются от летто-литовских шейных гривен. Последние не имеют проволоочной основы, характерной для височных колец, во-первых. Шейные гривны не имеют крючкообразных окончаний, свойственных смоленско-полоцким височным украшениям, во-вторых. Различна и орнаментация сопоставляемых находок.

Древности летто-литовских племен раннего средневековья принадлежат к достаточно хорошо изученным. Они вполне определенно свидетельствуют о том, что обычай ношения височных колец не получил распространения в среде балтского населения. Ни одно из известных нам племен балтского этноязыкового массива не использовало для украшений головы височные кольца. Очевидно, последние украшения составляют специфическую особенность раннесредневекового славянства, на что исследователи обращали внимание и раньше.

Основу рассматриваемых украшений населения культуры смоленско-полоцких длинных курганов, безусловно, составляют проволоочные (браслетообразные) височные кольца. В пластинчатых частях смоленско-полоцких колец всегда наличествует круглое в разрезе утолщение, явно свидетельствующее об этом. Как сейчас выясняется, браслетообразные височные кольца в Смоленском Поднепровье и Полоцком Подвинье были широко распространены в период, предшествующий культуре длинных курганов. Они были характерны для населения тушемлинско-банцеровской культуры, датируемой от IV до VII вв. (12).

Другим слагаемым элементом при оформлении височных колец населения культуры смоленско-полоцких длинных курганов, нужно полагать, были лунничные височные украшения.

Серповидные пластинчатые расширения на смоленско-полоцких височных кольцах — ничто иное как подражание лунничным кольцам, широко распространенным в далеких Дунайских землях (13). С последними височные кольца из смоленско-полоцких длинных курганов сближают и зигзагообразная штихельная орнаментация, и крючкообразные завершения.

Имеется целый ряд фактов, свидетельствующих о переселении более или менее крупных групп дунайского населения в лесную зону Восточной Европы. На Смоленщине в Арефинском кургане найдено лунничное височное кольцо, очевидно, привнесенное переселенцами из Среднего Подунавья. Почти полной аналогией этой находке, включая орнаментацию, является лунничное височное кольцо из могильника Жминю в Хорватии (14). Подобные височные украшения известны и из других мест Среднего Подунавья.

По всей вероятности, фрагментом лунничного височного кольца является и находка на селище Городище в Мядельском р-не Белоруссии, обнаруженная при раскопках жилища 38 в отложениях тушемлинско-банцеровской культуры (15). Лунничное височное кольцо, очень близкое арефинскому, найдено в Старой Ладоге в горизонте Е2, датируемом второй четвертью IX в. (16). В свою очередь, к старолadoжской находке генетически восходит еще целый ряд лунничных височных колец, встреченных на окраинах ареала культуры смоленско-полоцких длинных курганов (рис. 10). Лунничное височное кольцо с точечным орнаментом по краям найдено на упомянутом выше городище Ржева Пустая.

Со старолadoжским сопоставил находку лунничного височного кольца в Зилупе на восточной окраине Латвии Э.С. Мугуревич (17). Близким к этой находке является лунничное височное кольцо, встреченное при раскопках Мадланского городища в Латвии (18). Еще одна находка лунничного кольца в Латвии происходит из Краславас Саулескалнс. Эти украшения, очевидно, уже являются местными изделиями, восходящими к занесенным дунайским образцам. Эволюция лунничных височных колец шла по пути увеличения их пластинчатых частей, изменялась и их орнаментация.

Подобные «развитые» лунничные височные кольца известны из ряда мест Белоруссии, преимущественно из окраинных

мест ареала культуры смоленско-полоцких длинных курганов. Одно из таких колец найдено на городище Прудники на р. Вятке в Миорском р-не (19), другое на городище Масковичи в Браславском поозерье и третье — в одном из курганов могильника в Лесной в том же регионе (20). Еще два серебряных лунничных кольца были обнаружены при раскопках курганов у с. Гребень в верховьях р. Птичь еще в 60-х годах прошлого столетия (21).

Три лунничных височных кольца рассматриваемого облика обнаружены при раскопках в Новгороде. Они изготовлены из оловянисто-свинцового сплава, лицевые стороны их орнаментированы выпуклыми полушариями, перемежающимися линиями ложной зерни. Исследовательница новгородских ювелирных украшений М. В. Седова справедливо сопоставляет эти находки с лунничными кольцами последних столетий I тыс. н.э. Однако в Новгороде такие предметы встречены в культурных отложениях XIV в. (22). Действительно ли бытовали лунничные височные кольца в Новгороде в XIV в. или они попали в столь поздние слои в результате потревоженности более ранних напластований, сказать затруднительно.

О миграции отдельных групп дунайского населения в Смоленское Поднепровье и Полоцкое Подвинье говорят не только лунничные височные украшения. Так, в одном из длинных курганов у д. Цурковка на Смоленщине обнаружена часть поясного набора достоверно дунайского происхождения (23). К культуре смоленско-полоцких длинных курганов принадлежат крупные трапецевидные привески, которые получили весьма широкое распространение в их ареале. М. Комша, проанализировав подобные находки, широко представленные как в Дунайском регионе, так и в антских землях VI—VII вв., показала их достоверно славянскую атрибуцию (24). В Смоленско-Полоцкий ареал они были, по всей вероятности, привнесены из основной территории распространения славянами-переселенцами. В ряде захоронений смоленско-полоцких длинных курганов трапецевидные привески коррелируют с височными кольцами.

О миграции славянского населения из Дунайских земель в кривичский регион говорят и другие материалы. Т. А. Пушкина в публикации височных украшений IX—X вв. из Гнездовского археологического комплекса вполне оправданно заключает, что брыльная часть их связана с кругом дунайских древностей (25).

Со среднедунайским регионом связаны также чекан блучинского типа и золоченая шпора из гнездовской коллекции. Формы ранней круговой керамики, появляющиеся в 20-30-х гг. X в. в гнездовских памятниках, отмечает Т.А.Пушкина, также имеют дунайское происхождение. Причем это не результат торговых операций, а следствие переселения групп населения из Дунайских земель в Верхнее Поднепровье.

Еще в конце прошлого столетия смоленский историк С.П.Писарев писал о расселении на берегах Днепра, особого славянского племени смолян, которое и дало имя городу Смоленску (26). Дальнейшие топонимические изыскания подтверждают мысль о происхождении названия этого древнерусского города от этнонима смоляне, то есть Смоленск — «город смолян» (27).

Русские летописи не знают племени смолян, но оно хорошо известно в раннесредневековом славянском мире. Племя смоляне (смолене) локализуется в Западных Родопах на реке Месте-Нестосе, впадающей в Эгейское море (Юго-Западная Болгария), в том регионе, где ныне находится город Смолян (28). В XII в. смоляне упоминаются в составе Болгарского царства. По описанию Баварского Географа первой половины IX в., среди племен полабских славян известны еще смолинцы (Smeldingen), они жили на правобережной части нижней Эльбы у устья Эльды (29). По всей вероятности, смоляне Балканского полуострова, смолинцы Полабья и смоляне Верхнего Поднепровья некогда составляли единое праславянское племя, расчлененное и разбросанное великим переселением начала средневековой поры. Согласно изысканиям О.Н.Трубачева, этноним этого племени связан с занятиями подсечно-огневым земледелием (30). Основной («центральный») регион смолян не сохранился, но несомненно, части этого племени проделали большой путь от своего исходного центра, отмечает этот исследователь. Известная надпись на Гнездовской корчаге, согласно изысканиям О.Н.Трубачева, является ранним свидетельством проникновения на Русь глаголицы и отражает культурный импульс из Подунавья (31).

В кривичском регионе со временем, возможно, выявятся и другие славянские племена, переселившиеся в Верхнее Поднепровье и Полоцкое Подвинье, но не зафиксированные рус-

скими летописями. Не исключено, что к числу таковых принадлежат и полочане. Л.В.Алексеевым были собраны материалы, как будто свидетельствующие о некотором этнографическом своеобразии области расселения этого племени. Правда, исследователь считает, что полочане были одним из кривичских племен (32). На основе изучения дублетных гидронимов Верхнего Поднепровья и Подвинья В.А.Булкин говорит о возможной обособленности полочан от кривичей, об ином их происхождении (33).

Многие исследователи неоднократно обращали внимание на популярность Дуная в славянском фольклоре. Предания о Дунае-батюшке были широко распространены до недавнего времени и среди восточных, и среди западных славян. Одни авторы в этой связи полагали, что это может быть обусловлено древним проживанием славян в Дунайском регионе, тем более, что о происхождении славян с Дуная сообщают и русские летописи. Другие ученые относили зарождение популярности Дуная в славянской среде ко времени балканских войн.

Несомненно, эта тема нуждается в специальном рассмотрении. Однако здесь нельзя не заметить, что популярность Дуная в славянском фольклоре становится понятной в связи с вышеизложенными материалами. Современные археологические данные свидетельствуют, что освоение славянами лесной полосы Восточной Европы было не одноактным процессом. Оно осуществлялось несколькими волнами, исходившими из разных регионов древнего славянского мира. Русская равнина заселялась несколькими различными праславянскими племенами. При этом одна волна миграции иногда захлестывалась последующей. Так было, например, с ильменскими словенами, представленными культурой сопок, расселившимися в значительной степени в ареале племен — носителей культуры псковских длинных курганов. Подобная ситуация наблюдается и в левобережной части Среднего Поднепровья, где на пеньковскую культуру наслоились сначала воыщевская, а потом роменская, и во многих других регионах восточнославянского расселения.

Одной из крупных волн дополнительной славянской миграции в лесной зоне Восточной Европы было расселение из Дунайских земель. Причем это перемещение населения охватило не только Верхнее Поднепровье и Полоцкое Подвинье.

Лунничные височные кольца появляются примерно в то же время также в Муромском крае и восточных регионах междуречья Волги и Клязьмы, а несколько позднее в измененном облике распространяются в более северных землях вплоть до Белозерья. Это была широкая инфильтрация дунайских славян в среду славянского населения, освоившего эти территории в предшествующие столетия.

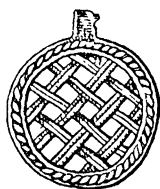
Проволочно-пластинчатые височные кольца культуры смоленско-полоцких длинных курганов после X в. выходят из употребления. Начиная с X в. в земле смоленско-полоцких кривичей широкое распространение получают браслетообразные завязанные височные кольца. Восходят они безусловно к аналогичным, но не завязанным кольцам тушемлинско-банцеровской культуры. Такие украшения наряду с проволочно-пластинчатыми бытовали и среди населения, оставившего смоленско-полоцкие длинные курганы. Они встречены, обычно в обломках, в захоронениях длинных курганов Казихи, Слободы-Глушицы, Пневой Слободы, Ярцева и других (34). Очевидно, браслетообразные кольца постепенно вытеснили проволочно-пластинчатые, но, может быть, восприняли от последних обычай завязывать концы (проволочно-пластинчатые кольца завершались крючкообразными завитками, которые, вероятно, чем-то завязывались. На окраинах кривичского ареала лунничные височные кольца спорадически бытовали еще в начале II тыс. н.э.

1. Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970. С. 92—104; Он же. Длинные курганы кривичей. САИ, вып. Е1—8. С. 32. Табл. 26:2,4,5,8,13
2. Плоткин К.М. Начало Пскова // Археологи рассказывают о древнем Пскове. Псков, 1992. С. 36. Рис. 11
3. Горюнова В.М. Новое в исследовании «Городка» на Ловати // Краткие сообщения Института археологии. 1974. Вып. 139. С. 78. Рис. 25:4
4. Davidan O. Contacts between Staraja Ladoga and Skandinavia // Skando-Slavica. Supplementum, 1. Copenhagen, 1970. S. 79—91; Давидан О.И. К вопросу о контактах древней Ладоги со Скандинавией (По материалам нижнего слоя Староладожского городища) // Скандинавский сборник. Таллин, 1971. Т. XVI. С. 134—144; Она же. Этно-

- культурные контакты Старой Ладogi VIII–IX веков // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Л., 1986. Вып. 27. С. 99–101
5. Sedov V. Skandinavische Elemente im frühmittelalterlichen Pskow // Die Kontakte zwischen Ostbaltikum und Skandinavien im frühen Mittelalter. Stockholm, 1992. S. 143–154
 6. Горюнова В.М. Поселок ремесленников на Ловати // Проблемы археологии. Л., 1978. Вып. 2. С. 140–148
 7. Тараканова С.А. Псковские городища // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1956. Вып. 62. С. 41, 42. Рис. 22
 8. Сообщение псковского археолога А.А.Александрова
 9. Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья... С. 101
 10. Шмидт Е.А. Балтийская культура в верховьях Днепра во второй половине I-го тысячелетия н.э. // Acta Baltico-Slavica. Bialystok, 1969. С. 139–144; Он же. К вопросу об этнической принадлежности женского инвентаря смоленских длинных курганов // Материалы по изучению Смоленской области. Смоленск, 1970. Вып. VII. С. 226, 227
 11. Нукшинский могильник. Рига, 1957. С. 35. Табл. I:1,2; Latvijas PSR arheoloģija. Riga, 1974. 231 Lpp. Tabl.61:4, 65:1; Lietuvos TSR archeologijos atlasas. Vilnius, 1978. IV. P. 25. Zemel 15
 12. Седов В.В. Из этнической истории населения средней полосы Восточной Европы во второй половине I тысячелетия н.э. // Российская археология. 1994. N 2
 13. Korošec P. Zgodnje srednjeveška arheološka slika karantanskih slovanov. Ljubljana, 1979. I–II
 14. Marusic R. Starohrvatska nekropola u Zminju // Histria Archaeologica. Pula, 1987. T. 17–18. Tabl. XVII:5
 15. Митрофанов А.Г. Железный век средней Белоруссии (VII–VI вв. до н.э. – VIII в. н.э.). Минск, 1978. Рис. 53:28
 16. Давидан О.И. Этнокультурные контакты... С. 103. Рис. 2:10
 17. Мугуревич Э.С. Восточная Латвия и соседние земли в X–XIII вв. Рига, 1965. С. 92. Рис. 40
 18. Уртанс В. Раскопки Мадланского городища // Археологические открытия 1981 года. М., 1983. С. 387
 19. Археологія, нумізматыка і геральдыка Беларусі. Мінск, 1979. С. 146 и рис. на с. 147
 20. Дучыц Л.У. Браслаўска Паазер'е у IX–XIV ст. ст. Мінск, 1991. С. 61. Рис. 7:11
 21. Российский исторический музей. Указатель памятников. М., 1893. С. 135
 22. Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981. С. 16
 23. Шмидт Е.А. Длинные курганы у дер. Цурковки в Смоленском районе // Сов. археология. 1958. N 3. С. 168.
 24. Comsa M. Bemerkungen über die Beziehungen zwischen den Awaren und Slawen im 6.–7. Jahrhundert // Interaktionen der mitteleuropäischen Slawen und anderen Ethnika im 6.–10. Jahrhundert. Nitra, 1984. S. 63–74
 25. Пушкина Т.А. Височные кольца Гнездовского комплекса // Труды Пятого Международного конгресса славянской археоло-

- гии. М., 1987. Т. III. Вып. 16. С. 50—57
26. Писарев С.П. Памятная книга города Смоленска. Историко-современный очерк. Указатель и путеводитель. Смоленск, 1898. С. 3, 6
27. Трубочев О.Н. В поисках единства. М., 1992. С. 137—142
28. Гръцки извори за българската история. София. 1958. Т. 2. С. 274, 275; Дечев Д. Где са живели смолените ? // Сборник в чест на В.Н.Златарски по случай на 30-годишната му научна и професорски дейност. София, 1925. С. 45—54; История на България. София, 1981. Т. 2. С. 45 и карта на с. 44
29. Niederle L. Slovanské starožitnosti. Praha, 1919. S. 129; Херрманн И. Ruzzi, Foßdern, Fresiti. К вопросу об исторических и этнографических основах «Баварского Географфа» (первая половина IX в.) // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 162, 163
30. Трубочев О.Н. В поисках единства... С. 145—148
31. Там же. С. 168—177
32. Алексеев Л.В. Полоцкая земля (очерки истории Северной Белоруссии) в IX—XIII вв. М., 1966. С. 50—65
33. Булкин Вас.А. Дублетные гидронимы Верхнего Поднепровья и Подвинья // Час, помнікі, людзі. Памяці рэпрасаваных археолагаў. Тэзісы дакладаў Міжнароднай канферэнцыі. Мінск, 1993. С. 19, 20
34. Седов В.В. Длинные курганы... С. 32. Табл. 26:1,6,7,9,10

Предметы древнерусской культуры в Скандинавии

Яркая древнерусская культура зарождается в X в. и достигает своего расцвета и мощи в XI—первой трети XIII в., в период бурного развития ремесленной деятельности в крупных и малых городах Руси.

Восточноевропейско-скандинавские контакты устанавливаются в IX—X вв. (1). Это время характеризуется широким проникновением скандинавских предметов в области расселения восточноевропейских племен, в частности, в среду восточных славян. Обратное воздействие, то есть проникновение элементов культуры насельников Восточной Европы в Скандинавские земли было весьма незначительным. Так, в середине или во второй половине X в. Скандинавии достигает восточноевропейская дружинная мода—ношение поясов с металлическими деталями, которые получили широкое распространение в южнорусских степях, и венгерских сумок-ташек, а также появляются костяные накладки к налучьям и седлам (2). Мечи с опущенными концами перекрестия, приспособленные для конного боя, появляющиеся в те годы в Швеции и Норвегии, имеют также, по-видимому, южнорусское начало. Очевидно, под влиянием восточноевропейских получают распространение и собственно скандинавские наборные пояса. Шведский археолог М.Стенбергер полагает, что из Восточной Европы пришли в Скандинавию и отдельные элементы ювелирного дела, в частности,

техника изготовления шейных гривен и браслетов из серебряной проволоки (3).

В целом период IX—X вв. характеризуется более значительным воздействием элементов культуры Скандинавии на культуры восточноевропейских племен. Это вполне объяснимо, учитывая слабую развитость восточнославянского ремесла и активное проникновение скандинавского этнического элемента в русские земли. Но как только сформировалась древнерусская культура, ситуация существенным образом изменилась. Культура Древнерусского государства с его развитой городской жизнью начала оказывать воздействие на культурное развитие соседних народов, в частности, заметные импульсы древнерусской культуры достигли Скандинавии.

В историко-археологической литературе рассматриваемая тема еще не получила должного освещения. Настоящая статья не претендует на полное изучение этой проблематики. Анализ ее затрудняет отсутствие каталогов древнерусских предметов, в разное время найденных в Североевропейском регионе. Поэтому предлагаемый обзор находок древнерусского происхождения, обнаруженных в археологических памятниках Скандинавии, представляется необходимым шагом в изучении рассматриваемой темы.

Весьма распространенным на Руси украшением были лунницы-привески, несомненно связанные с языческим мировоззрением восточного славянства. Исследователи полагают, что эти находки отражают языческий культ почитания луны. Б.А.Рыбаков, обращая внимание на то, что в географических широтах славянского расселения луна никогда не смотрит рогами вниз, но не отрицая заклинательного обращения этого оберега к ночному светилу, высказал предположение, что лунницы изображают небосвод с его двумя небесами, нависающими над землей (4).

В землях Древней Руси встречено свыше 500 привесок-лунниц, изготовленных из серебра, бронзы и различных сплавов. Датируются они от конца IX до XIII в. включительно. Значительная часть их происходит из курганных погребений. Носились лунницы в составе ожерелий, при этом занимали обычно центральное положение (5).

Еще в X в. из Древнерусских земель лунницы стали проникать в Скандинавию, но широкого распространения там не

получили. Одна из ранних находок происходит из погребения 660 могильника в Бирке (6). Ближайшей аналогией ей является лунница из клада, найденного в 1968 г. в Гнездове под Смоленском (7). На территории Швеции в разных пунктах обнаружено около трех десятков лунниц: в земле Сконе — 5, в Седерманланде — 2, Гестрикланде — 1, Хельсингланде — 2, на Готланде — 19 (8). На территории Норвегии найдено не менее четырех лунниц, еще одна — на датском острове Борнхольм (9). Нельзя категорически утверждать, что все эти находки привезены из Древней Руси. Не исключено, что некоторые из лунниц изготовлены местными мастерами по древнерусским образцам, но без специальных анализов это определить невозможно.

Височные кольца были весьма характерным славянским украшением. Они чужды скандинавской традиции и, совершенно очевидно, поступали в Скандинавию из славянских земель. Безусловно восточнославянское происхождение имеют ромбоштитковые и перстнеобразные височные кольца. Многие из них обнаружены в составе вещевых кладов Скандинавии, свидетельствуя об использовании славянских украшений в качестве весового серебра или металлолома, предназначенного на переплавку. Однако нередко бронзовые или серебряные височные кольца встречаются и в женских погребениях на городских некрополях XI—XII вв. Перстнеобразные украшения при этом зафиксированы около висков погребенных, указывая на использование их таким же образом, как и в славянском костюме. Составленная И.Янссоном карта распространения височных колец славянских типов показывает, что погребений с такими украшениями на территории Швеции немало (10).

Не исключено, что какая-то часть височных колец с гроздевидными подвесками, орнаментированными сканью и зернью, имеет южнорусское происхождение. Украшения в виде колец со свисающей «виноградной гроздью», отделанные сканными узорами и зернью, получили распространение в последних веках I тыс. н.э. в южной части восточнославянского ареала, а также в Подунавье и на Балканском полуострове, в освоении которых активное участие принадлежит антам и их потомкам (11). Г.Ф.Корзухина убедительно показала, что восточнославянские гроздевые височные кольца конца IX—X вв. (называемые также серьгами волынского типа) принадлежат к изделиям местно-

го изготовления и через серьги пастырского типа VI—VII вв. восходят к севернопричерноморским античным серьгам, имевшим подвеску-амфорку (12). Серьги вольнского типа неоднократно встречены на территории Швеции, в частности, две находки происходят с Готланда, а одна обнаружена вместе с двумя лунницами в Туште (Хельсингланд). Впрочем, некоторые исследователи склонны думать, что украшения с серебряными бусами, отделанными узорами из скани и зерни, привозились в Скандинавию из Великой Моравии или иных западнославянских земель (13).

Достоверно древнерусскими являются бусы лопастной формы, встреченные в памятниках Скандинавии (14), а также щитовидные привески (три найдены на Готланде и четыре происходят из клада, обнаруженного в Упланде).

В мужских погребениях 581 и 644 могильника в Бирке встречены два украшения, богато орнаментированные зернью (15). По всей вероятности, это были наконечники головных уборов конической формы. Оба захоронения принадлежат богатым дружинникам, при одном из которых находился топор салтовского типа. Украшения не имеют параллелей в североевропейском мире. Следует согласиться с В.Дучко, полагавшим, что они происходят из Киевской Руси и их можно интерпретировать как символические шлемы конического облика (16).

Широкое использование зерни в орнаментации ювелирных изделий — черта, характерная для славянского средневекового мира. Шведская исследовательница В.Хорд, проанализировав украшения из кладов Южной Швеции, выделила четыре стиля орнаментации зернью — А, В, С и D (17). Изделия группы А обнаруживают связи с ювелирным ремеслом Западной Европы, предметы группы В отнесены исследовательницей к собственно скандинавским, а украшения групп С и D отражают контакты со славянским миром, а их в Скандинавии довольно много.

Согласно изысканиям В.Дучко, техника орнаментации зернью привлекала внимание скандинавов. Со второй половины X в. скандинавские ювелиры стали производить собственные украшения, орнаментированные зернью. Основным центром этого ремесла становится Готланд, где мастера широко использовали древнерусскую технику зерни для орнаментации собственно североевропейских украшений. Параллельно с этим в XI—XII вв. в Скандинавию импортировались различные типы древне-

русских изделий, украшенных зернью, — лунницы, бусы, круглые привески и другое (18).

К украшениям древнерусского происхождения, встреченным в Скандинавии, принадлежат и монетовидные литые привески, орнаментированные растительными узорами. Несколько таких предметов найдено в погребениях Бирки, одна происходит из Хельсингборга (19). Еще Т. Арне на основе изучения орнаментации писал об их бесспорно восточноевропейском происхождении (20).

Некоторые изделия древнерусского происхождения, видимо, представлены в скандинавских коллекциях единичными экземплярами. Такова, в частности, капсулообразная привеска, обнаруженная в монетно-вещевом кладе в Мора (21) и имеющая аналогии в древностях Киевской Руси.

Браслеты, свитые из двух-трех проволок, с несомкнутыми обрубленными концами весьма характерны для Новгородской земли. Здесь их найдено свыше четырех сотен, в том числе десятая часть при раскопках в Новгороде, где они датируются в основном XI — XIII вв. Из Новгородской земли такие браслеты в сравнительно небольшом количестве проникли в те области Северной Руси, в освоении которых участвовали словене ильменские. Единичные витые браслеты с обрубленными концами встречены на территории Эстонии и Финляндии, где их новгородское происхождение представляется несомненным (22). Очевидно, из Новгородской земли поступали подобные браслеты и в Скандинавию (Готланд, Шведская Фестландия).

Древнерусское начало имеют, по всей вероятности, и металлические браслеты некоторых иных типов — витые завязанные, витые щитковоконечные, пластинчатые завязанные, пластинчатые узкоконечные. Отдельные экземпляры таких украшений встречены на Готланде и в Бирке (23).

С XII в. готландские ремесленники начали имитировать некоторые виды древнерусских украшений — бусы, лунницы, монетообразные привески и другое. Так появляются и получают сравнительно широкое распространение на Готланде и в материковой части Южной Скандинавии гибридные ювелирные изделия.

Равноконечные крестовидные привески с рельефным орнаментом на лицевых сторонах еще в начале XX в. были названы

А.А.Спицыным «крестиками скандинавского типа» (24). Судя по их широкому распространению в языческих захоронениях, эти привески не были христианскими символами. Преобладающая масса их найдена не в Скандинавии, а на поселениях и в курганах древнерусской территории. В этой связи высказано предположение, что где-то в землях Северной Руси было налажено изготовление этих привесок, оттуда они распространялись в другие регионы Руси, а также и за ее пределы (25). М.Стенбергер полагает, что местом изготовления их мог быть Новгород или какой-либо иной городской центр Северо-Западной Руси (26). По мнению финской исследовательницы Э.Кивикоски, рассматриваемые находки имеют византийское начало и изготавливались на Руси в нескольких пунктах (27). На территории Финляндии они единичны и принадлежат к предметам древнерусского импорта (28). Датируются эти крестики-привески в основном XI — первой половиной XII в. Они встречены в ряде мест Швеции и Норвегии (29), в том числе в одном из кладов XI в., найденном на Готланде, и в женском погребении, раскопанном на том же острове. Их древнерусское происхождение представляется бесспорным.

Среди вещевых находок Скандинавии, имеющих древнерусское начало, немалую группу составляют предметы христианского культа. К числу таковых принадлежат и бронзовые крестики с выемчатой эмалью. Они в большом числе представлены во многих памятниках Древней Руси. Значительная часть таких крестиков найдена в Среднем Поднепровье, что дало основание В.А.Мальм говорить о возможном изготовлении их в Киеве или городах, расположенных в его ближайшем окружении (30). Из Киевской земли крестики с эмалью широко распространились по всей древнерусской территории и за ее пределы. Они известны в регионах расселения летто-литовских и эсто-ливских племен (31), а единичные экземпляры встречены в Прикамье и Финляндии (32). Согласно наблюдениям Э.С.Мугуревича, нижнее течение Западной Двины, где выявляется концентрация находок рассматриваемых крестиков с эмалью, могло быть вторым центром их производства (33). Датируются эти крестики XI — XII вв. Безусловно из Древней Руси были привезены крестики, встреченные в Скандинавии — Готланде, Бирке и Шведской Лапландии (34).

Нагрудные кресты, изготовленные из серебра, реже из бронзы, с рельефными изображениями распятого Христа, одетого в длинный хитон, получили довольно широкое распространение на Руси. Однако первые находки таких крестов были сделаны в Скандинавии. Б.Салин, публикуя их находки из коллекции Стокгольмского музея, утверждал, что возникли они в Северной Европе как подражания византийским энколпионам. По представлениям этого исследователя, спирали на запястьях Христа являются элементом нордического стиля (35). К этому мнению присоединился ряд ученых, которые считали аналогичные находки на Руси скандинавским импортом.

В настоящее время можно утверждать, что древнерусские крестики рассматриваемого типа происходят не от византийских энколпионов, а ведут свое происхождение из Великой Моравии, где имеются находки, относящиеся еще к IX столетию. Оттуда эти крестики и распространяются в древнерусских землях, где имеются экземпляры, определенно датируемые X в. К следующему столетию принадлежит уже немалое количество крестиков с «грубым изображением» распятого Христа, обнаруженных на поселениях и в курганах Древней Руси (36). Подобные находки в небольшом количестве сделаны в Финляндии, где они датируются XI—первой половиной XII в. Они принадлежат к предметам древнерусского происхождения и, наряду с некоторыми другими вещами, свидетельствуют о том, что финская племенная знать познакомилась с христианством на первых порах со стороны восточного славянства (37).

Несколько подобных крестиков с изображением распятого Христа встречено, как уже говорилось, в разных пунктах Скандинавии. Наиболее ранняя находка—крестик из Аспинге—датируется 40-ми гг. XI в., крестики из Аллменнинга и Иоханнисхуса относятся к 60-80-м гг., а из Сандегарда—к 80—90-м гг. того же столетия. Следовательно, наиболее ранние скандинавские находки принадлежат более позднему времени, чем восточнославянские. Вполне очевидно, что на Русь они не могли попасть из Скандинавии. Более того, можно говорить о появлении этих христианских символов в Скандинавии из Руси. Помимо заметного сходства скандинавских и древнерусских крестиков на это указывают находки, их сопровождающие. Так, в Унна Сайва крест рассматриваемого типа обнаружен в ком-

плексе с другими вещами достоверно древнерусского происхождения — бронзовым крестиком с выемчатой эмалью, круглой привеской-иконкой с изображением Богородицы, косорешетчатой привеской, зооморфными подвесками и витым бронзовым браслетом с обрубленными концами. Естественно, что исследователь этого вещевого комплекса, происходящего из Шведской Лапландии, считает его древнерусским (38).

Следует оговорить, что не все кресты рассматриваемого облика, обнаруженные в памятниках Скандинавии, имеют древнерусское начало. Часть их, судя по специфической отделке и орнаментации, была произведениями скандинавских ремесленников.

Бронзовые крестики отчетливо древнерусского типа (с подчетырехугольной сердцевиной и короткими отростками) найдены в скандинавских погребениях в Туреберге (Упланд) и Эриксберге (Седерманланд). М.Стенбергер, указывая на ближайшие аналогии в Южной Руси, считает, что эти находки являются свидетельством греко-византийского миссионерства в Швеции в XI—XII вв. (39). В Историческом музее Стокгольма хранится еще бронзовая складная иконка, происходящая из Сигтуны (40). Ее древнерусское происхождение представляется неоспоримым.

Можно добавить к сказанному, что связи Древней Руси со Скандинавией наплаи отражение и в церковной архитектуре. Так, определенное древнерусское влияние обнаруживается в церкви Валленберга. Ее план и верхняя часть имеют сходство со Спасской церковью середины XII в. Евфросиньева монастыря в Полоцке, на что неоднократно обращали внимание исследователи. Р.Холмберг, анализируя лицевые маски и купель валленбергской постройки, обнаруживает и влияние каменной скульптуры Владимира (41). Импульсы, исходящие от древнерусского храмового строительства, выявляются и в некоторых церквях юго-восточной части Сконе. Можно указать еще церковь в Лаша на Висби. Ее план удивительно похож на план Пятницкой церкви на Торгу в Новгороде Великом, выстроенной в 1207 г. (42). Как известно, в Лаша проживало и русское купеческое население.

Писанки — поливные глиняные поделки в форме яйца — принадлежат к распространенным на Руси культовым предметам, связанным с уходящими в глубокую древность языческими

представлениями. В христианскую эпоху они стали пасхальными яйцами. Согласно изысканиям Т.И.Макаровой, посвятившей древнерусским писанкам специальную работу, они встречены на Руси в 20 пунктах, а общее количество этих находок превышает 70 (43). Несомненно, что писанки, найденные в Скандинавии, имеют древнерусское происхождение. Они обнаружены в Сигтуне, Лунде и на Готланде (44). Две писанки из Сигтуны и одна из Лунда покрыты буро-черной поливой. Они принадлежат к первой группе древнерусских писанок, которые, по утверждению Т.И.Макаровой, изготавливались в Новгороде. Глиняные яйца из готландских погребений при церквях Роне и Альва покрыты желто-черной поливой и принадлежат к изделиям, выпедшим из мастерских Киева или Киевского Поднепровья.

Из южнорусских земель привозились в Скандинавию шиферные пряслица. Об этих находках писал еще Т.Арне (45). Позднее Х.Арбман утверждал, что волынские шиферные пряслица могли привозиться в Швецию двумя путями — днепровско-волховским и через Польшу (46). Такие находки сделаны в Бирке, Сигтуне, Лунде и других местах.

Шведские археологи высказывают предположение, что к древнерусским импортам в Скандинавии принадлежат и стеклянные перстни. При раскопках в Лунде встречены стеклянные перстни фиолетового и зеленого цветов (47). Несколько фрагментов подобных украшений обнаружено и в Сигтуне. Однако до получения технологических характеристик этих находок трудно сказать, откуда они происходят, ведь наряду с изготовлением стеклянных перстней в некоторых городах Руси, они производились широко и в стеклоделательных мастерских Польши (48).

Глиняные сосуды славянского облика обычны для скандинавских средневековых древностей. Так, за 30 лет раскопок в Лунде обнаружено около 10000 глиняных горшков, свидетельствующих о самом широком развитии торговли со славянами. Однако основная масса керамики поступала в Скандинавию из земель балтийских славян (49). Шведские исследователи допускают, что какая-то часть глиняных сосудов, в частности с гончарными клеймами, имеет древнерусское происхождение. Л.Стенхольм подчеркивает в этой связи, что клейма на днищах

горшков имели магическое значение, и такие сосуды не делались в Скандинавии, а импортировались из славянских земель, в том числе из городов Древней Руси (50).

Интересной находкой древнерусского происхождения является серебряный слиток из клада в Луммелунда на Готланде, в составе которого были украшения и около 3000 монет (51). В Эрмитаже и Государственном Историческом музее в Москве хранится около 1200 подобных слитков из различных древнерусских памятников. Они датируются XII—XV вв., около ста имеют надписи (52). На луммелундском экземпляре также имеется древнерусская надпись, читаемая как «Былята». Это мужское имя, известное в славянском мире и оформленное типичным для Руси суффиксом. По палеографическим особенностям Е.Налепа относит эту надпись к XI в.

Древнерусское оружие было составной частью общеевропейского. Единство в развитии оружия наблюдается на огромных пространствах Европейского континента. Мечи и копья одних и тех же типов носили воины в разных странах. На формирование комплекта вооружения русского воина несомненно оказали влияние и западноевропейское, и скандинавское оружие (53). И наоборот, скандинавы испытали мощное воздействие восточноевропейского вооружения. Они «...усвоили саблю, стали более широко употреблять кольчуги, получили кочевнический шлем, кочевническую пику, восточный чекан, русские боевые топоры, возможно, сложный лук, округлые стремени и другие принадлежности упряжи, лучше научились приемам конного боя» (54).

В эпоху расцвета древнерусского ремесла и государственности в скандинавские земли поступали и отдельные предметы вооружения, вышедшие из ремесленных мастерских Руси.

Бронзовые булавы с четырьмя большими и восемью малыми шипами (тип IV по А.Н.Кирпичникову) появились и получили распространение в южнорусских землях от Киевщины до Закарпатья. Время бытования их—XII—первая половина XIII в. (55). Опубликованная С.Нильссоном подобная двенадцатишипная булава (56) несомненно попала в Скандинавию из Южной Руси. В Скандинавии найдена еще булава с четырьмя пирамидальными боевыми шипами, расположенными среди восьми небольших округлых выступов (57). Подобные булавы широко

представлены на Руси — тип III по А.Н.Кирпичникову (58). Однако скандинавская находка в отдельных деталях несколько отлична от боевых наверший Древней Руси.

Небольшие узколезвийные боевые топоры с вырезным обухом и верхними и нижними боковыми отростками-щекавицами (тип III по А.Н.Кирпичникову) принадлежат к собственно древнерусским изделиям (59). Из Руси они попадали в отдельные места Западной Европы, в том числе один такой топорик происходит с Готланда (60).

Более широкое распространение на Руси в X—XII вв. имели топоры с оттянутым вниз лезвием, удлинённым вырезным обухом и двумя парами боковых щекавиц — тип IV по А.Н.Кирпичникову (61). В XI—XII вв., очевидно, благодаря совершенству конструкции этих топоров они распространяются и за пределы Древней Руси. 12 топоров этого типа обнаружено в разных пунктах Скандинавии. П.Паульсен определенно пишет, что все они изготовлены не в Швеции, а привезены из земель Руси или Юго-Восточной Прибалтики (62).

Древнерусским импортом в Скандинавию были и стремена округлых очертаний с пластинчатым неправильнопрямоугольным ушком. В древнерусских дружинных курганах найдены чеканы с трапециевидным лезвием и узким пластинчатым выступом на тыльной части обуха — тип II по А.Н.Кирпичникову (63). Более древние находки таких чеканов связаны с Кавказом и Южным Уралом. Русь стала посредником в распространении этого оружия на запад и север Европы, в том числе и в средневековую Швецию (64).

Вообще, посредническая роль Руси в распространении византийских и восточных изделий в Скандинавские страны требует специального анализа. В IX—X вв. в Восточной Европе складывается система трансконтинентальных магистралей, связывавших Скандинавию (и Западную Европу) с Византией и странами Востока. По этим путям сообщения в Скандинавию поступали восточные дирхемы, византийские монеты и различные художественные произведения — серебряные сосуды, бронзовые курильницы, поливные кружки, стеклянные сосуды, глазчатые бусы и другое (65). Восточный импорт доставлялся в Скандинавию чаще при посредничестве восточного славянства. Исландские саги свидетельствуют, что какая-то часть этого

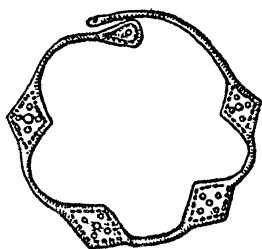
импорта шла в Скандинавию через Новгород Великий. Норвежцы приспобрятали в этом городе драгоценные иноземные товары — столовую утварь, парадные облачения, шелковые ткани и другое (66).

1. Кирпичников А.Н., Лебедев Г.С., Булкин В.А., Дубов И.В., Назаренко В.А. Русско-скандинавские связи в эпоху образования Древнерусского государства (IX—XI вв.) // *Scandoslavica*. Copenhagen, 1978, Т. 24; Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // *Славяне и скандинавы*. М., 1986. С. 189—297.
2. Arne T.J. *Le Suède et l'Orient*. Uppsala, 1914. P. 117; Hvarfner H. *The Viking settlement in the Forest area* // *Ancient hunters and settlements in the Mountains of Sweden*. Stockholm, 1966. P. 46; Jansson I. *Ett rembeslag av orientalsk typ funnet på island*. Vikingatidens orientalska bälten och deras eurasiska sammanhang // *Tor*. Uppsala, 1978. XVII. S. 383—420.
3. Stenberger M. *Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit*. Stockholm, 1947. Bd. I. S. 140, 270.
4. Рыбаков Б.А. *Язычество Древней Руси*. М., 1987. С. 534, 535.
5. Гольмстен В.В. Лунницы Российского исторического музея // *Отчет исторического музея за 1913 год*. М., 1914; Успенская А.В. Нагрудные и поясные привески // *Труды Гос. исторического музея*. М., 1967. Вып. 43. С. 99—105. Лунницы известны и в некоторых других славянских землях — в Польше и Великой Моравии, но преимущественно в составе кладов. См. напр.: Slaski J., Tabaczynski S. *Wczesnosredniowieczne skarby srebrne Wielkopolski* // *Polskie badania archeologiczne*. Wrocław; Warszawa; Krakow, 1959. Т. 1; Kiersnowsky R. *Wczesnosredniowieczne skarby z Pomorza* // Там же. 1959. Т. 4.
6. Arbman H. Birka. I. *Die Gräber*. Stockholm, 1940. Taf. 98:13.
7. Гуцин А.С. Памятники художественного ремесла древней Руси X—XIII вв. М.; Л., 1936. Табл. IV:3.
8. Stenberger M. *Die Schatzfunde Gotlands*. J. Abb. 192,3; 51:5; Hårdh B. *Wikingerzeitliche Depotfunde aus Südschweden*. Lund, 1976. Taf. 32:1,7,8,13; 40:1,3; 44:11,18; Duczko W. *Slavic Silver Jewellery from the Viking Period. An Analysis of Material from Gotland*. Uppsala, 1972. P. 62—70.
9. Grieg S. *Vikingetidens skattefund*. Oslo, 1929. P. 227; Galster G. *Mørtfundet fra Store Frigaard* // *Aarbøger*. København, 1929. N 19. Fig. 10.
10. Янссон И. Контакты между Русью и Скандинавией в эпоху викингов // *Труды Пятого Международного конгресса славянской археологии*. М., 1987. Т. III. Вып. 16. С. 119—133.
11. Седов В.В. Височные украшения IX—X вв. в южных землях восточного славянства // *Зборник посветен*

- на Бошко Бабиќ. Прилеп, 1986. С. 195, 196.
12. Корзухина Г.Ф. О технике тиснения и перегородчатой эмали в древней Руси X—XII вв. // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1946. Вып. XIII. С. 51.
 13. Duczko W. Birka. V. The filigree and granulation work of the Viking Period. Stockholm, 1985. P. 74—76.
 14. Duczko W. En slavisk pärla från Uppland. Några problem kring den vikingatida granulations korsten // Tor. Uppsala, 1983. XIX. Abb. 11.
 15. Arbman H. Birka. I... Taf. 94:1,3.
 16. Duczko W. Birka. V... P. 98—101.
 17. Hårdh B. Wikingerzeitliche Depotfunde aus Südschweden. Lund, 1976.
 18. Дучко В. Славянские ювелирные изделия с зернью и филигранью в Скандинавии эпохи викингов // Труды Пятого Международного конгресса славянской археологии. М., 1987. Т. III. Вып. 1а. С. 77—80.
 19. Arbman H. Birka. I... Taf. 95:1-3; 96:7,10,11,13; Hårdh B. Wikingerzeitliche Depotfunde... Taf. 35:36.
 20. Ame T.J. La Suède et l'Orient... P. 118. Fig. 108.
 21. Duczko W. Vikingatida silversmycken i mora-skatten. Den icke-monetära delen av en nyupptäckt silverskatt från Dalarna // Tor. Uppsala, 1980. XVIII. S. 311—358.
 22. Sedov V.V. Old Russia and Southern Finland (Finds of Old Russian Origin in Finland) // Suomen muinaismuistoyhdistys. ISKOS. Helsinki, 1984. N 4. P. 22. Fig. 5.
 23. Arbman H. Birka. I... Taf. 110:3; Stenberger M. Die Schatzfunde Gotlands... II. Abb. 37, 43, 71, 76, 131, 136, 241.
 24. Спицын А.А. Владимирские курганы // Известия Археологической комиссии. СПб., 1905. Вып. 15. С. 117.
 25. Фехнер М.В. Крестовидные привески «скандинавского» типа // Славяне и Русь. М., 1968. С. 210—214.
 26. Stenberger M. Die Schatzfunde Gotlands. I... S. 178—181.
 27. Kivikoski E. Christliche Einflüsse in dem archäologischen Material der Wikingerzeit und der Kreuzzugszeit Finnland // Acta Visbyensis. 1969. III. S. 36.
 28. Седов В.В. Предметы древнерусского происхождения в Финляндии и Карелии // Краткие сообщения Института археологии. 1984. Вып. 179. С. 34.
 29. Stenberger M. Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. Stockholm, 1947. II. Taf. 255:2; 256:1; 260:1.
 30. Мальм В.А. Крестики с эмалью // Славяне и Русь. М., 1968. С. 113.
 31. Мутуревич Э.С. Восточная Латвия и соседние земли в X—XII вв. Рига, 1965. С. 63.
 32. Седов В.В. Предметы древнерусского происхождения... С. 33.
 33. Мутуревич Э.С. Восточная Латвия... С. 63.
 34. Stenberger M. Die Schatzfunde Gotlands. I. S. 178; Seming I. Lapska offerplatsfund från järnålder och medeltid i de svenska lappmarkerna. Stockholm, 1956. Taf. 19:3.
 35. Salin B. Några krucifix och kors i Statens Historiska Museum // Svenska fornminnesföreningens tidskrift. Stockholm, 1893. 28. S. 277—279.
 36. Седов В.В. Об одной группе древнерусских крестов // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 63—67.
 37. Седов В.В. Предметы древнерусского происхождения... С. 34, 35.
 38. Seming I. Lapska offerplatsfund... S.126.
 39. Stenberger M. Christliche Einflüsse im archäologischen Material der

- Wikingerzeit in Schweden // *Acta Visbyensia*. 1969. III. S. 13, 14.
40. Floden E. Sigtuna. Sveriges äldsta medeltidsstad. Stockholm, 1941. S. 90, 91.
41. Holmberg R. Ett skånskt spridningssentrum för bysantinska kulturimpulser // *Fornvännen*. Uppsala, 1970. N 65. S. 120–135.
42. Асеев Ю.С. Древнерусское зодчество в контексте мирового архитектурного прогресса // *Труды Пятого Международного конгресса славянской археологии*. М., 1987. Т. III. Вып. 2а. С. 20.
43. Макарова Т.И. О производстве писанок на Руси // *Культура Древней Руси*. М., 1966. С. 141–145.
44. Arbman H. «Uppståndelseägg» av glaserad lera // *Sigtuna Del*. 1945. S. 76; Idem. Une route commerciale pendant les X et XI siècles // *Slavia antiqua*. Poznań, 1948. T. I. P. 435–437.
45. Arne T.J. Le Suède et l'Orient... P. 216.
46. Arbman H. Une route commerciale ... P. 437, 438.
47. Stenholm L. Dräkttillbehör och smycken // *Archaeologica Lundensia*. 1976. T. VII. S. 303–305. Abb. 277.
48. Ольчак Е. Производство стеклянных перстней на славянской территории в средние века // *Сов. археология*. 1959. N 3. С. 81–90.
49. Wahlöö C. Keramik 1000-1600 i svenska fynd // *Archaeologica Lundensia*. 1976. T. VI.
50. Stenholm L. Hushållskärl av äldre svartgods // *Archaeologica Lundensia*. 1975. T. VII. S. 251–262.
51. Nalepa J. Den fornryska inskriptionen Byleta på en av silverbarren från Lummelundaskatten // *Fornvännen*. Uppsala, 1971. N 66. S. 270–275.
52. Сотникова М.П. Эпиграфика серебряных платежных слитков Великого Новгорода XII–XV вв. // *Труды Гос. Эрмитажа*. Л., 1961. Т. 4. С. 44–91.
53. Кирпичников А.Н. Вооружение воинов Киевской державы в свете русско-скандинавских контактов // *Скандинавский сборник*. Таллин, 1977. Т. XXII. С. 159–173.
54. Там же. С. 173.
55. Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. САИ, вып. Е1-36. М.; Л., 1966. Вып. 2. С. 52.
56. Nilsson S. Die Ureinwohner des scandinavischen Nordens. Hamburg, 1866. Tabl. 3:33.
57. Hildebrand H. Sveriges medeltid. Stockholm, 1898. Т. II. S. 364. Abb. 195.
58. Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие... Вып. 2. С. 51, 52.
59. Там же. С. 35, 36.
60. Paulsen P. Axt und Kreuz in Nord und Osteuropa. Bonn, 1956. S. 29, 30. Abb. 10c.
61. Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие... Вып. 2. С. 36, 37.
62. Paulsen P. Axt und Kreuz... S. 27-33.
63. Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие... Вып. 2. С. 35.
64. Paulsen P. Axt und Kreuz... S. 36, 37. Abb. 12a.
65. Holmquist W. Forn-tid-Medeltid // *Fornvännen*. Uppsala, 1977. N 72. S. 213–225; Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории Европейской части СССР и Зауралья. М., 1976. С. 157–160, 175; Stenberger M. Vorgeschichte Schwedens. Berlin, 1979. S. 439, 440, 468.
66. Шаскольский И.П. Экономические связи России с Данией и Норвегией в IX–XVII вв. // *Исторические связи Скандинавии и России IX–XX вв.* Л., 1970. С. 42, 43.

Женские головные уборы восточных славян (по курганным материалам)

Восточнославянские курганы, широко известные по всей Русской равнине, являются неисчерпаемым источником для реконструкции многих сторон истории, быта и культуры славян. В археологической литературе достаточно много внимания уделялось изучению женских височных украшений и их картографии, поскольку их разновидности являются наиболее существенными отличительными признаками племенных формирований восточного славянства (1). Головные же уборы восточнославянских женщин изучены весьма и весьма слабо, т.к. они изготавливались из органических материалов — тканей, войлока, бересты и т.п., не сохраняющихся обычно в курганных захоронениях.

Все же к настоящему времени в разных местах восточнославянского ареала в результате курганных раскопок накоплены некоторые материалы, позволяющие воссоздать облик женских головных уборов сельского населения Древней Руси.

Прежде всего, выявляется, что существенно различались головные уборы замужних женщин и девушек. Это обстоятельство было подмечено еще Л.Нидерле (2) и ныне подкрепляется целым рядом фактов. Обусловлено это различие, прежде всего, обычаям, известным и по этнографическим наблюдениям, со-

Рис. 11. Реконструкция
ленточного головного убо-
ра по материалам курга-
нов Новгородской земли

готовавливаемые из домотканой или парчовой ленты-тесьмы. Нередко они украшались различной выпшивкой или позументом, иногда штампованными металлическими бляшками.

Такие головные уборы обнаружены во всех регионах восточнославянской территории. Преобладающими, нужно полагать, были ленточные венчики из домотканой тесьмы, но вследствие нестойкости тканей они дошли до нас весьма фрагментарно. Сравнительно хорошо сохранился головной убор в погребении кургана 13 Покровского могильника в Подмоскowie (3). Он состоял из шерстяной налобной тесьмы-повязки с нашитыми бронзовыми полусферическими бляшками. У висков свешивались прикрепленные к венчику характерные для вятичей семилопастные кольца, по четыре с каждой стороны головы. Нередко головные венчики изготавливались из импортной парчовой ленты. Венчики из золотой византийской ткани зафиксированы во многих курганах Волго-Окского междуречья, в том числе в Аниськино и Шустино в Подмоскowie (4), в Ворогове, Давыдове и Ненашевском в Суздальском ополье. Парчовые венчики известны и в курганах X—XIII вв. Новгородской земли, в частности, в курганах близ Хрепле, исследованных А.В.Арциховским, встречены венчики, украшенные квадратными, круглыми и треугольными бляшками (5).

гласно которому замужняя женщина должна закрывать свои волосы.

Основным убранством головы девушек и незамужних женщин в среде восточного славянства был головной венчик. Волосы их оставались не закрытыми, распущенными и спускающимися на плечи или заплетенными в одну-две косы. Головной венчик одевался на лоб и завязывался или скреплялся иным способом на затылке (рис. 11, 12 и 14).

Наиболее распространенными были тканевые венчики, из-

В кургане близ с.Караи в Ярославском Поволжье головной венчик из византийской парчи в налобной части имел изображения святых (6). Фрагмент интереснейшего венчика, украшенного лицевым и золотным шитьем, был расчищен на лбу погребенной при раскопках кургана 1 Иворского могильника близ Старицы в Тверской обл. (7).

Рис. 12. Реконструкция ленточного головного убора по материалам курганов Новгородской земли

Другим распространенным типом головных венчиков были пластинчатые, изготавливаемые из тонкой бронзовой или серебряной ленты. Ширина последней колеблется от 0,5 до 2,5 см. Одни венчики имели на концах отверстия для продевания шнура, с помощью которого они завязывались на затылке, другие имели суженные концы, которые завертывались в трубочки и тоже завязывались, третьи завершались крючками.

Наиболее часто металлические венчики встречаются в курганах Северной Руси. Так, на Ижорском плато такие головные уборы найдены более чем в двух десятках погребений (8), в упомянутых Хреплевских курганах — в четырех (9) и т.п. В ряде курганных захоронений такие венчики обнаружены вместе с ромбоидитковыми височными кольцами, характерными для словен ильменских. В Белозерском крае пластинчатые венчики зафиксированы при раскопках курганов в Дудино, Володино, Нижний Конец. В Верхнем Поволжье они встречаются в курганах Вороново, Жуково, Кирьяново, Хрипелево и других. В кургане 84 Тимеревского могильника под Ярославлем серебряный венчик, украшенный кружковым штампованным узором и завершающийся крючками, обнаружен в захоронении по обряду кремации, датируемом X в. (10).

Широко представлены пластинчатые венчики и во владимирских курганах, раскопанных А.С.Уваровым. В.П.Левашева, посвятившая этим находкам небольшую статью, упоминает семь

Рис. 13. Реконструкция женского головного убранства на основе курганов в Броварках (по В.В.Хвойко)

16 захоронений с такими головными уборами (12). В земле северян наряду с пластинчатыми отмечены головные венчики, сделанные из толстой проволоки; они оканчивались расклепанными пластинами, завернутыми в трубочки.

Таким образом, можно утверждать, головные венчики, как тканевые, так и металлические, были весьма распространены среди восточного славянства и составляли характерный убор девушек и незамужних женщин. Каких-либо региональных различий между разными видами головных венчиков выявить не удастся.

Головные уборы замужних женщин, как уже говорилось, всегда должны закрывать волосы. Выделяется несколько типов их.

Наиболее нарядными были головные уборы типа кокошников. Они всегда имели жесткую основу из бересты или луба. Остатки такого убора исследованы были в погребении кургана 1 у с. Юдичи в земле радимичей. При расчистке скелета выяснено, что луб на черепе был покрыт тонкой тканью полотняного переплетения из посконной нити. На лбу головной убор

курганных могильников, где они встречены (Городище под Суздалем, Весь под Переяславлем, Шокшова, Теньки, Брембола, Кустерь и Пужбола), но безусловно, в действительности таких головных венчиков во Владимирской земле было значительно больше, что и отмечает исследовательница (11).

Есть подобные головные уборы и в земле вятичей (курганы в Поваровке, Митино и другие). В одном из курганов, раскопанных в Митино, на черепе умершей вместе с пластинчатым венчиком обнаружены были семилопастные височные кольца.

Известны пластинчатые венчики и в южнорусских землях. Так, в Гочевском могильнике, расположенном в Курском Посеймье, открыто

был украшен полосой нашитых мелких стеклянных бус желтого цвета, которые перемежались с просверленными вишневыми косточками. Бусы и косточки были нанизаны на нить, которая через небольшие промежутки прикреплялась к ткани. По этим остаткам М.А.Сабуровой (13) создана реконструкция этого головного убора (рис. 15).

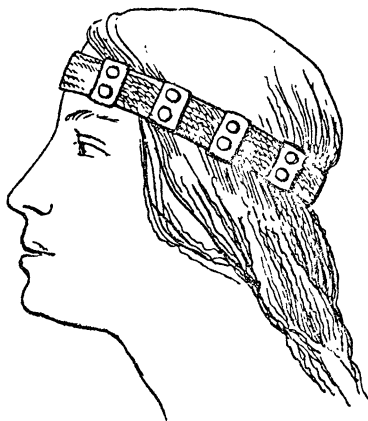

Рис. 14. Реконструкция головного убора по материалам раскопок кургана 13 Покровского могильника

Очевидно, остатки подобного головного убора исследованы были Е.Н.Клетновой в курганах при д. Хажаево на Смоленщине (14). Основу его составляли береста и ткань. Кокошничкообразный убор был украшен золочеными стеклянными бусами и оливкообразными сердоликовыми пронизками.

В кургане 22 могильника Новинки-II в Вологодской обл. на черепе умершей была расчищена береста, сверху покрытая толстой тканью или, может быть, войлоком, на который нашиты мелкие стеклянные зонные бусы. Они расположены в три ряда и под углом друг к другу, создавая зигзагообразный узор. На местах пересечения мелких бус находились крупные позолоченные бипирамидальные бусины (15).

Кокошничкообразные головные уборы нередко украшались и бисером. Находки бисера в области черепа при раскопках восточнославянских курганов — явление нередкое. Так, например, при исследовании курганов на кривичско-вятичском пограничье Н.И.Булычев отмечал, что «бисер собирали около голов небольшими пиездами; иногда тут же были видны следы тканей; вероятно, из него нашивались какие-то узоры для головного убора» (16).

Украшались кокошничкообразные головные уборы и металлическими бляшками. Так, при раскопках курганов в Милееве на Смоленщине были расчищены на черепе мелкие оловянисто-свинцовые бляшки и пластинки, которые как чешуйки покры-

Рис. 15. Реконструкция
головного убранства по
данным кург. 1 в с.Юдичи
(по М.А.Сабуровой)

шапочки, изготавливаемой из ткани или войлока, нередко на берестяной основе. По материалам раскопок одного из среднеднепровских курганов в с. Броварки на р. Суле В.В.Хвойко попытался воссоздать облик такого убора (19). Если украшения из бус, бисера и металлических бляшек нашивались на ткани кокошничкообразных головных ubоров, то при ношении шапочек, как свидетельствуют материалы раскопок курганов, дополнительно надевался налобный венчик. Так, в Броварках на шапочку, сшитую из домотканой материи, был одет металлический пластинчатый венчик с мелкими привесками надо лбом. У правого и левого висков было привешено по несколько спиральных височных колец, которые принадлежат к характерным племенным украшениям северян (рис. 13). Следовательно, наличие при погребенной головного венчика еще не определяет, что захоронение принадлежит незамужней женщине; здесь могла быть еще тканевая или войлочная шапочка, не сохранившаяся до нашего времени.

Остатки головных ubоров в виде шапочек зафиксированы были и при раскопках курганов в Костромском Поволжье. Так, Ф.Д.Нефедов, публикуя результаты курганных исследований, отмечал: «Голову женщин покрывал убор, состоящий из луба или бересты и обшивавшийся, вероятно, какой-нибудь мате-

вали ткань, лежащую на берестяной основе (17). Подобный головной убор (рис.16) исследован А.В.Никитиным в кургане 36 могильника Новинки I в Вологодской обл. и реконструирован М.А.Сабуровой (18). Небольшие бляшки и привески от головных ubоров встречены и при курганных раскопках других регионов расселения восточного славянства. Однако из-за фрагментарности материалов определить, к какому конкретному типу женского головного убранства они относились, затруднительно.

Наибольшее распространение в сельских местностях, кажется, имели головные ubоры в виде простой ша-

рией... В одном случае оказалась полоска бересты с прикрепленными к ней поперек продолговатыми серебряными и вызолоченными пластинками (сохранилось 13), украшенными разноцветной эмалью в форме кружков и крестиков» (20).

На остатки подобных, по всей вероятности, головных уборов обратил внимание В.Б.Антонович при раскопках курганов правобережной части Среднего Поднепровья. Он сообщает, что на затылочных костях женских черепов прослеживались куски бересты или луба, покрытые шерстяной материей (21).

О территориальном распределении головных уборов в виде шапочек и кокошничкообразных говорить преждевременно. Материал слишком фрагментарен, и судить по нему об этнографическом своеобразии отдельных регионов восточного славянства невозможно. Региональным, по всей вероятности, был головной убор в виде шапочки со свисающими по сторонам лица шерстяными лентами с бахромой. На подобный убор головы обратил внимание А.В.Арциховский при характеристике курганных древностей вятичей. Остатки такого убора были зафиксированы при раскопках курганов у с. Иславское в Звенигородском р-не Московской обл. Описывая их, А.В.Арциховский отметил, что подобные головные уборы и поныне носят крестьянками в некоторых местностях Рязанской обл. (22). Головной убор из Иславского кургана состоял из шапкообразного верха и спускающейся по обеим сторонам бахромы длиной 13–20 см. Ленты бахромы имели коричневую окраску с желтыми продольными полосами и зелеными крестиками.

Головные уборы, подобные иславскому, зафиксированы разными исследователями при раскопках курганов в разных пунктах земли вятичей. Так, в кургане 8 в могильнике у с. Николь-

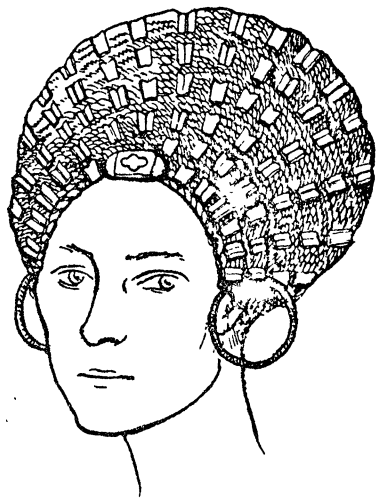

Рис. 16. Реконструкция головного убора по материалам кургана 36 могильника Новинки I (по М.А.Сабуровой)

ское несколько севернее Москвы открыты были остатки убора в виде шапки с бахромой — шерстяными лентами, украшенными геометрическим узором. Шерстяная бахрома красно-коричневого цвета отмечена и в кургане, раскопанном у с. Клопово в Звенигородском р-не (23). Видимо, такой же головной убор присутствовал и при погребенной в кургане близ с. Мячково к юго-востоку от Москвы (24). В курганах у Никольского и Матвеевского вместе с остатками головных уборов рассматриваемого облика найдены и семилопастные височные кольца, характерные для вятичей (25).

Весьма фрагментарно выявляется еще один тип женского головного убора восточного славянства — повой. Судя по имеющимся древним изображениям, он был полотенчатым и обертывался вокруг головы, закрывая целиком волосы и концами спускаясь на плечи (26). Предположительно, остатки такого убора были открыты в курганах Вологодчины. Однако М.А. Сабурова считает, что это было покрывало, спускающееся до плеч (27).

Женские головные уборы городских жителей Древней Руси в значительной мере отличались от деревенских, они были более сложными и выделялись богатством орнаментации (28). Носили горожанки, в частности, и головные венчики. Но они делались на проволочных каркасах и богато орнаментировались. Остатки таких уборов, называемых корунами, известны покладам домонгольского времени.

1. Седов В.В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 90—196.
2. Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956. С. 241.
3. Архив Института археологии РАН, д.3058 (раскопки А.А.Юшко).
4. Елизарова Н.А. Шустинский курганный могильник // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1950. Т. 13. С. 173—177.
5. Арциховский А.В. Раскопки 1930 г. в Повгородской земле // Сов. археология. 1936. Т. 1. С. 192.
6. Спицын А.А. Владимирские курганы // Известия Археологической комиссии. СПб., 1905. Вып. 15. Рис. 253.
7. Комаров К.И., Елкина А.К. Курганный могильник в окрестностях г. Старицы // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976. С. 228, 234. Рис. 2:1,2.
8. Спицын А.А. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках

- А.К.Ивановского // Материалы по археологии России. СПб., 1896. N 20. С. 12.
9. Арциховский А.В. Раскопки 1930 г. ... С. 192.
10. Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1968. С. 103.
11. Левашева В.П. Венчики женского головного убора из курганов X—XII вв. // Славяне и Русь. М., 1968. С. 91—94.
12. Рыков П.С. Юго-Восточные границы радимичей // Записки Саратовского университета. 1923. Т. 10. Вып. 3. С. 39—51; Атлас Гочевских древностей. М., 1915. Табл. 37—39, 41—46, 50, 113.
13. Сабурова М.А. О женских головных уборах с жесткой основой в памятниках домонгольской Руси / // Краткие сообщения Института археологии. 1975. Вып. 144. С. 18, 19.
14. Клетнова Е.Н. Мерянское погребение при дер. Хажеево близ Сергеевского Вяземского уезда. Смоленск, 1910. С. 10.
15. Сабурова М.А. О женских головных уборах... С. 20.
16. Булычев Н.И. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899. С. 69, 70.
17. Савин Н.І. Раскопки кургана у Дарагабускім і Ельнінскім паветах Смаленскай губ. // Працы археалагічнай камісіі Беларускай Акадэміі навук. Менск, 1930. Т. 2. С. 225, 226.
18. Сабурова М.А. Женский головной убор у славян (по материалам Вологодской экспедиции) // Сов. археология. 1974. N 2. С. 88, 89.
19. Седов В.В. Восточные славяне... С. 139.
20. Нефедов Ф.Д. Раскопки курганов в Костромской губернии, произведенные летом 1895 и 1896 годов // Материалы по археологии восточных губерний России. СПб., 1899. Т. III. С. 243.
21. Антонович В.Б. Раскопки в стране древлян // Материалы по археологии России. СПб., 1893. N 11. С. 68, 72.
22. Арциховский А.В. Курганы вятичей. М., 1930. С. 101.
23. Успенская А.В. Звенигородские курганы // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1953. Вып. XLIX. С. 124.
24. Российский исторический музей. Указатель памятников. М., 1893. С. 275.
25. Латышева Г.П. Раскопки курганов у ст. Матвеевская в 1953 г. // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М., 1954. С. 44.
26. Рабинович М.Г. Древнерусская одежда IX—XIII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы. Материалы к историко-этнографическому атласу. М., 1986. С. 47.
27. Сабурова М.А. Женский головной убор... С. 91.
28. Рыбаков Б.А. Древности Чернигова // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1949. Т. 11. С. 55. Рис. 23; Шелепина Н.С. Археологические исследования в Успенском соборе // Государственные музеи Московского Кремля: материалы и исследования. М., 1973. Т. 1. С. 90; Даркевич В.П., Фролов В.П. Старорязанский клад // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 351. Рис. 8; Сабурова М.А. О времени появления одной из групп корун на Руси // Там же. С. 408—413.

V.V.Sedov
Sketches on Archaeology of Slavs
Summary

History of Knowledge about Ancient Slavs
(p. 3 – 48)

In the first sketch the medieval notions and scientific investigations about the origin and early history of Slavs are considered. It begins with the analysis of historical and geographical data from the works of Roman authors of the early Christian era and finishes at the first decades of the 20th century. The article includes following sections: «Ancient Authors about Early Slavs» (p. 3), «Notions about Slavs in Chronicles and Historical Writings of the Middle Ages» (p. 7); «From Mavro Orbini to P.J.Šafařík» (p. 14), «From P.J.Šafařík to L.Niederle» (p. 23), «Lubor Niederle and his Time» (p. 33)

Fig. 1 (p. 35): The area of Slavs in the period of their unity according to L.Niederle

Slavs in the Middle Volga Region
(p. 49 – 66)

In this sketch the antiquities of Imen'kovo culture that was spread in the basin of Volga from the lower Kama in the north to Samarskaya Luka in the South in the middle of the 1st millennium A.D. are studied. The composing of this culture was conditioned by migrations from Przeworsk-Zarubintsy-Cherniakhov area. Three stages of the migration are singled out: 1) the Early one (2nd century A.D.) – monuments of Slavkino type; 2) the second (3rd century) – the antiquities of Lbishche type; 3) the third, the

Main one (since the end of the 4th century), when under the circumstances of Huns invasion large masses of people from the Middle-Dnieper-Volyn' region moved to the fertile lands of Middle Volga. The result of this migration was the formation of Imen'kovo culture. A number of facts indicate that it was one of the groups of Slavs.

In the end of the 7th century, when the middle-Volga lands were being populated by Tiurks-Bolgars, the Imen'kovo population had to leave this region and to move to the left-bank part of Dnieper region where the tribes of Anty lived (Pen'kovka culture). The monuments of the Volga migrants are the antiquities of Volyntsevo culture.

Fig. 2 (p. 50): Imen'kovo culture (a) and its neighbours

Fig. 3 (p. 53): Main forms of pots of Imen'kovo (1-4) and Volyntsevo (5-8) cultures

Fig. 4 (p. 60): Monuments of Volyntsevo culture (a)

Slavs in the South-Eastern Baltic Region (p. 67-88)

In the third sketch the question is the settling of one of the Slavic groups in the lands of Kurshy tribes and its further history. In the 6th century a rather big group of Middle-Danube population including Germans, Avars and Slavs moves to the North and settles in the Mazury Lakes region (West-mazurian or Mazuro-Germanic culture). A part of these migrants, which consisted mainly of Slavs, drew evidently away from the main mass, reached Kurlandia and populated the basin of river Venta and neighbour lands. The rests of these Slavs are fixed in the first decades of the 13th century under the name of Vendy by the «Chronicle of Livonia» of Heinrich the Latvian. At these times Vendy had been banished by Kurshy from the Venta basin and were living in divided groups among Latgaly and Livy tribes and should have been assimilated soon.

Fig. 5 (p. 72): Distribution of finger fibulae of Slavic (Anty) types

Fig. 6 (p. 73): Finger fibulae from Latvia

Fig. 7 (p. 79): Part of the South-Western Baltic region in the late 1st

millennium A.D. (B—sand barrows evidently belonging to Vendy)
Fig. 8 (r. 83): Part of the South-Western Baltic region in the 11th—13th
centuries (B—sand barrows evidently belonging to Vendy)

Temple Rings of the Population of Smolensk-Polotsk Long Barrows Culture (p. 89—100)

The genesis of the laminate-wire temple rings (fig. 9:1,2; fig. 10:a) which were common to the culture of Smolensk-Polotsk long barrows of the 8th—9th centuries A.D. (fig. 10:B) is analysed in the fourth sketch. These artefacts have neither analogies nor prototypes among the antiquities of the Russian Plain. Their genesis was caused by the infiltration of some groups of Slavic population from the Middle-Danube lands (where the moon-shaped temple rings were spread) into the midst of Smolensk-Polotsk Krivichy tribes about the 8th century. The laminate-wire rings are a hybrid formation that included the elements of bracelet-like temple rings (fig. 9:5) of the native Tushemlya-Bantserovshchina culture (4th—7th centuries) and moon-shaped decorations (fig. 9:4,6-8; fig. 10:6) brought by the Slavic migrants from Danube region.

Objects of Ancient Russian Culture in Scandinavia (p.101—114)

In the fifth sketch the topic of Eastern Slavic impulses that reached Northern Europe is discussed. In the review of findings in Scandinavia that have the Ancient Russian origin, moon-shaped pendants, temple rings, jewellery with granulation, coin-like pendants with floral pattern, bracelets of several types, cross-shaped pendants with relief ornament, so-called "pisanki" (egg-shaped articles of glazed clay), spindle whorls of slate are mentioned. Among the Ancient Russian artefacts in Scandinavia there is a big group of objects connected with Christianity (bronze crosses with

enamel, crosses with relief image of Crucifixion, crosses of other types, small icons) and weaponry.

Female Head-dress of Eastern Slavs (on the Barrow Materials) — p.115 — 123

In the last sketch of the book the female head-dresses of village population of Ancient Russia is reconstructed on the base of vast barrow materials of the 10th—13th centuries. Coronal wreaths were common to girls (fig. 11,12,14). They were manufactured mainly of textile or brocade band frequently decorated with embroidery or galloon, and also with metallic stamped, small plates. Head wreaths of thin bronze or silver band are also known. The most wide-spread head-dress of married women were small caps of textile or felt which were sometimes decorated with beads or small plates. These caps could be used together with wreath also (fig. 13). More rare was "kokoshnik" of textile on a hard base of birch bark or bast (fig. 15,16). The frontal part of it was decorated with beads. The regional female head-dress of Vyatichi tribes was a cap with trailing bands with fringe at the sides of the face. At the Russian North "povoy" was also in use—a towel-like head-dress wrapped around the head.

Содержание

История знаний о древних славянах. Часть первая.	
С древности до начала XX века	3
Древние авторы о ранних славянах ...	3
Представления о древних славянах в хрониках и исторических сочинениях эпохи средневековья ...	7
От Мавро Орбини до П.И.Шафарика ...	14
От П.И.Шафарика до Л.Нидерле ...	23
Любор Нидерле и его время ...	33
Славяне в Среднем Поволжье в середине I тысячелетия н.э.	49
Славяне в Юго-Восточной Прибалтике	67
Височные кольца населения культуры смоленско-полоцких длинных курганов	89
Предметы древнерусской культуры в Скандинавии	101
Женские головные уборы восточных славян (по курганным материалам)	115
Summary	124

Валентин Васильевич Седов
ОЧЕРКИ ПО АРХЕОЛОГИИ СЛАВЯН

Подписано к печати 17.01.1994 г. Формат 60×90 1/16
Усл. печ. л. 8,0. Уч-изд. л. 6,9. Тираж 500 экз.

